

Проф. Е. А. Загоровский

ОЧЕРК ИСТОРИИ СЕВЕРНОГО ПРИЧЕРНОМОРЬЯ

Часть I

ИЗДАНИЕ АВТОРА
ОДЕССА—1922

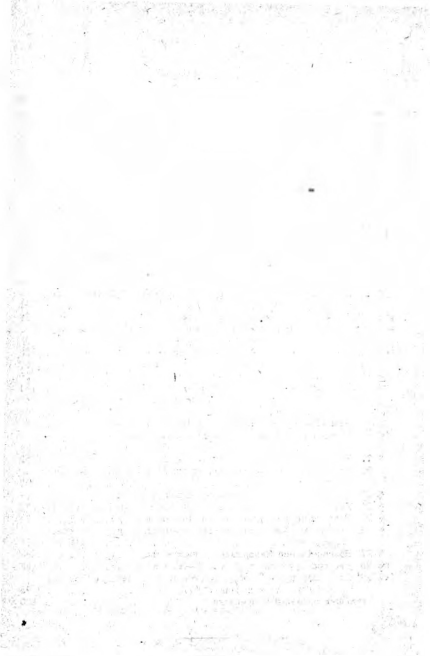
ОДНОМЪ МНОГО

СВЕРХНОТО ПЕРИОДИЧЕСКО

1. 1914

ОГЛАВЛЕНИЕ.

	стр.
Вступление	V
§ 1. Физико-географические факторы истории Причерноморья	1
§ 2. Первые насельники—Киммерийцы	3
§ 3. Происхождение Скифов	4
§ 4. Появление Сарматов и Аланов. Быт Иранских племен в Причерноморьи	5
§ 5. Соседи Иранцев в Причерноморьи—Фракийцы и Кельты	9
§ 6. Первые Германцы в Причерноморьи—Вастарны; обзор экономической жизни Причерноморья в V—I в.в. до Р. Хр.—Торговые пути	11
✓ § 7. Готы на берегах Черного моря	14
✓ § 8. Возобновление азиатских миграций. — Гунны	17
✓ § 9. Распад Гуннской державы и появление Славян в Причерноморьи и Подунавьи	23
§ 10. Болгары, их происхождение и быт	24
§ 11. Выступление Тюрков на всемирно-историческую сцену—федерация Тюрков—Огузов	27
✓ § 12. Авары, их владычество над Славянами	29
✓ § 13. Хазары, государственная организация их и социально-экономический строй	31
✓ § 14. Магьяры (Угры), их прохождение через Черноморье	35
§ 15. Расселение Восточных Славян по Причерноморью	37
§ 16. Экономическая жизнь Причерноморья в VIII—IX вв.	39
§ 17. Возникновение Русского государства	41
§ 18. Печенег в Причерноморьи и гибель хазарского государства	44
§ 19. Узы (Турки), их отношение к Киевской Руси	51
§ 20. Куманы (Половцы), их борьба с русским элементом в Причерноморьи.—Появление Валахов	54
§ 21. Экономическая жизнь Причерноморья в X—XIII вв.	62
§ 22. Возникновение Монгольской державы, покорение Татарами Причерноморья	63
§ 23. Золотая Орда, ее социальный строй	69
§ 24. Уладок Золотой Орды и возникновение Крымского ханства	72
§ 25. Итальянцы и их поселения в Причерноморьи	74
§ 26. Господство Литовско-русского государства над Причерноморьем	81
§ 27. Возникновение Запорожского казачества	84
§ 28. Днестро-Прутский край в XIII—XVII вв.	88
§ 29. Движение русской государственности к берегам Черного моря в XVII и половине XVIII в.в.	95
Главнейшие опечатки и пропуски	100

ВСТУПЛЕНИЕ.

Предметом предлагаемого мною вниманию читателей труда является очерк истории края, расположенного по северным берегам Черного и Азовского морей, начиная с древнейших времен. Причины, почему темой моей работы выбрана история именно данного из многих краев, освоенных в настоящее время украинской и великорусской ветвями русского племени, коренятся в следующем. Едва ли какая-либо другая из вошедших в состав России ограниченных в географическом смысле областей пережила большую смену народностей и культур, чем та, которой в XIX веке было усвоено название Новороссии. Уже эта смена, оставившая после себя ряд культурных наслоений, должна вызывать интерес историка к той стране, где она происходила, тем более, что влияние некоторых из этих наслоений дает себя чувствовать еще и в современной жизни Причерноморья. Но этот интерес питается еще и другой причиной—тем, что в минувшей жизни нашего края действительным политическим и социально-экономическим фактором участвует русская народность, в лице ее украинской ветви. Она подвигается в причерноморских степях сначала в виде разрозненных племен—Северян, Угличей и Тиверцев, затем в составе организованных на военно-торговом начале княжеств Киевской Руси, наконец, в качестве авангарда на берегах Черного моря Литовско-русского государства, объединившего все украинские земли. Этот авангард постепенно слагается в самостоятельную народную организацию в виде „Славного Войска Запорожского“, явившегося в XVII веке тем ядром, вокруг которого содвинулись все жизнеспособные элементы украинского народа в своей решительной борьбе за государственную и

культурную независимость. Наконец, и взаимоотношения части украинского народа, осевшей в причерноморских равнинах, к ее иноплеменным соседям по этим равнинам — туркского и отчасти романского происхождения, заслуживают внимания и заставляют историка присматриваться к прошлой жизни и этих соседей.

Но прежде, чем перейти к обзору прошлого выбранного нами для изучения края, нужно задать себе вопрос: не является ли этот край искусственным конгломератом территорий, которые не связаны между собою ни географически ни исторически? Если понимать под краем, которому в XIX веке усваивалось название Новороссии, пространство, занятое в то время губерниями Екатеринославской, Таврической и Херсонской, то этот край, за исключением части Крымского полуострова, представляет собой одно географическое целое, именно область степей, резко отличающуюся от прилегающих к ней географических областей. Такова, с одной стороны, Бессарабия на западе, с ее по большей части холмистой и лесистой поверхностью, переходящей в предгорья Карпат. Да и Донская область на востоке, хотя и является степным краем, но с известными отличиями от лежащих западнее ее степных пространств Причерноморья. С одной стороны, в ней много солончаков, мало рек, да и те маловодны, растительность носит отчасти не европейский, а азиатский характер — такова природа части области, лежащей по левому берегу Дона. Край же по правому берегу Дона с его холмистой, а местами гористой поверхностью также отличается от причерноморских равнин в тесном смысле слова. В историческом отношении Причерноморский край выступает перед нами тоже, как определенное целое, но отчасти не совпадающее с очерченными выше его географическими пределами. Правда, северная граница этого края, издавна приурочивавшаяся к течению двух притоков Среднего Днепра — Тясмины справа и Орели слева, является, с одной стороны, исторической гранью — пределом, на котором надолго остановилось поступательное движение украинского народа, в виде сплошных оседлых поселений, на юг, к берегам Черного моря. Эта же граница, с другой стороны, отделяет в географическом отношении чисто степной край к югу от нее от края со смешанным характером флоры. Конечно, и южная географическая граница

Новороссии—волны Черного и Азовского морей—являлась одновременно и историческим пределом. Но зато и на западе и на востоке исторические границы Причерноморья оказываются шире географических: с одной стороны, Бессарабия, с другой—Подонье во многом разделяют историческую судьбу остальной части изучаемого нами края, особенно в смысле затопления их все новыми волнами азиатских кочевников. Правда, в этнографическом отношении Бессарабия с XV века обособляется в смысле преобладания в ней особого элемента, именно румынского, но все же другие связи ее с остальным Причерноморьем—политические и экономические—сохраняют достаточную прочность. Что касается Подонья, то и здесь, наравне с этнографическими отличиями (колонизация его в XVI—XVII веках великорусской ветвью русской народности), мы находим в социальном укладе, не говоря об экономическом быте, черты, роднящие эту область с Причерноморским краем в его вышеуказанных географических пределах (мы имеем в виду казачество, как ступень социологической эволюции).

Таким образом, мы можем ответить утвердительно на поставленный выше вопрос о цельном характере Причерноморского края,—характере, оправдывающем выбор темы для нашего труда. Однако эта целостность Причерноморья и в историческом отношении не исключает необходимости внесения известной периодизации при обозрении прошлых судеб избранного нами для изучения края. Здесь, не взирая на многократную смену народностей и культур, весь подлежавший обработке исторический материал может быть скорее всего разбит на два отдела. Первый из этих отделов охватывает историю Причерноморского края с древнейших времен (поскольку о них дошли до нас письменные источники) вплоть до середины XVIII столетия когда этот край начал впервые подвергаться воздействию, планомерной государственной колонизации, резко изменившему темп его культурной и социально-экономической эволюции, конечно, при содействии и других факторов, в виде усиленного самостоятельного прилива народной волны в богатые причерноморские равнины из все гуще заселявшейся и вместе с тем закрепощавшейся Украины. Второй из намеченных нами отделов, начинаясь, таким образом, со второй половины XVIII века и простираясь до

последней четверти XIX столетия, включает в себе тот период в истории Причерноморья, когда этот край, под именем Новороссии, разделял судьбу других областей, входивших в состав бывшей Российской империи.

В настоящем нашем труде мы дадим краткий очерк истории Причерноморья в пределах первого из намеченных нами периодов, т. е. с древнейших времен и до середины XVIII столетия, отлагая обработку второго периода на ближайшее будущее. Цель, которую мы преследовали, составляя наш труд, была двоякая: с одной стороны, дать сжатый свод проверенных исторической наукой данных о прошлом Причерноморского края, могущий послужить на пользу внешкольного образования; с другой же стороны, восполнить, хотя бы и в недостаточной степени, пробел, ощущающийся в конспективном курсе по истории Причерноморья для слушателей высшей школы. Сознаем, однако, что самая двойственность цели могла отразиться несколько неблагоприятно на характере нашего труда.

В заключение наших предварительных замечаний о границах и целях предлагаемого вниманию читателей труда, нужно остановиться на вопросе о его характере, о тех идеологических принципах, которые в нем проводятся. Самый характер подлежащего обработке исторического материала во многом предопределяет решение этого вопроса. Прошлое северного Причерноморья с древнейших времен выступает перед нами преимущественно в виде смен различных фаз материальной культуры, — смен, обусловленных еще более многочисленными сменами народностей в этом крае. Духовная, умственная культура слабо прививается на северных берегах „Негостеприимного“ Черного моря даже у давших этому морю как это, так и позднее обратное (Евксинский Понт) название — у столь высоко развивших именно интеллектуальную культуру Греков. (Укажем кстати, что вышеуказанное первичное греческое название для Черного моря — Аксинский Понт — является, по новейшим ученым взглядам, лишь осмыслением Греками названия этого моря от имени народа Аскуза или Ашгузай, — имени, которым Ассирийцы обозначали в VII в. до Р. Хр. торговавшихся на юг от Черного моря жителей северного берега этого моря — Скифов) ¹⁾. Таким образом, различные фа-

¹⁾ В. Ф. Смирнов. К вопросу о названии Черного моря в древности (Изв. Таврич. Учен. Арх. Ком., № 53: [1913]: 4).

Эти эволюции материальной культуры будут останавливать наше внимание при изложении истории причерноморских равнин, наравне с разрешением тех сложных этнографических вопросов, которыми изобилует история этих равнин, видевших смену стольких народностей. Но, определяя таким образом содержание нашего труда, мы должны точнее указать, какие именно проявления этой материальной культуры Причерноморья будут являться для нас первичными и важнейшими. Здесь беспристрастный анализ фактов, приводимых письменными источниками, начиная с древнейших греческих, не говоря уже о „голосе земли“ в виде бесчисленных археологических находок, говорит нам о той громадной роли, которую искони играла в истории Северного Причерноморья экономическая деятельность населявших или посещавших эти берега народов. Эта хозяйственная деятельность, конечно, переживала различные стадии в зависимости от степени развития той или другой подвизавшейся в Причерноморье народности. Таким образом, наряду с первобытными стадиями натурального хозяйства, свойственными доисторическому человечеству или так называемым „дикарям“, мы видим в нашем крае и высшие ступени хозяйственного развития в виде племенного, ремесленного-индивидуального (чаще называемого „городским“) и даже капиталистического периодов, при чем последний находит свое выражение, с одной стороны, по мнению некоторых ученых, в форме „примитивно-торгового государства“, типичным образцом которого является, по этому мнению, Киевская Русь IX—XII веков, и в высокоразвитой в экономическом отношении жизни итальянских колоний на южном берегу Крыма и в устьях Дона и Днестра, с другой. Правда, по вопросу о том, какие именно формы хозяйства сменяли друг друга или сосуществовали одновременно у народов Причерноморья, возможны такие же разноречивые ответы, какие мы находим у экономистов и историков культуры при решении таких проблем вообще. Так, возможны, с одной стороны, сомнения, не существовали ли одновременно в Причерноморье как добывающая промышленность (в виде охоты и рыболовства) наравне со скотоводством и земледелием, или же преобладала лишь одна из вышеперечисленных отраслей хозяйства, при чем не предшествовало ли земледелие скотоводству. С другой стороны, среди экономистов и историков по сию пору идет спор, что преобла-

дало в экономической жизни среднего Приднепровья и прилегающих к нему причерноморских степей в IX — XII веках—добывающая ли промышленность или же внешняя торговля? Мы видим, таким образом, что, при всех разногласиях ученых, сильное развитие экономической жизни на северном побережье Черного моря, начиная с VI—V веков до Рождества Христова, стоит вне всяких сомнений. Естественно, что эта экономическая эволюция народностей Причерноморья наложила свой сильный отпечаток на социальную структуру этих разноплеменных обитателей нашего края. И здесь мы видим разнообразные стадии социальной дифференциации, начиная от чисто племенного быта, с преобладанием в нем сначала матриархальных, а затем патриархальных начал в семейных отношениях, и сменю временных военных предводителей постоянными и даже наследственными старейшинами, при чем возвышение и рост власти последних вызывается как материальными факторами (богатство, физическая сила), так и психическими, в виде военной доблести или ореола чародея и колдуна. Параллельно с этим процессом идет другой—социальной дифференциации, на почве перехода к более интенсивным формам хозяйства, в частности земледелия, и обусловленного этим переходом материального неравенства. Появляются в среде свободных людей лица, выделяющиеся своим богатством, и образуют высший класс знати, группирующийся вокруг наследственного племенного старшины, приобретающего постепенно сильную власть и превращающегося таким образом в монарха—князя или царя. Но вместе с этим, возвышением части свободных людей на почве богатства происходит такое же понижение положения другой группы свободных, становящихся в долговую зависимость от более имущих соплеменников и сближающихся, таким образом, с рабами. Появление рабства связывается современными учеными как с чисто экономическими причинами, в виде перехода к оседлому образу жизни и в частности к занятиям торговлей или обрабатывающей промышленностью, при наличии достаточного богатства—капитала, так и политическими факторами, в виде завоеваний, дающих победителям как прирост территории, так и необходимый для рабовладения человеческий материал. Но наравне с слагающимися из отдельных племен государствами—монархиями, в роде Готского королевства или позже — кня-

жеств Киевской Руси, а также татарских ханств—Золотоордынского или Крымского, история Причерноморья дает нам образцы и той формы социальной жизни, которая называется „городом—государством“ и которая наиболее чистое свое проявление дала в виде греческих и итальянских городских республик. Ольвия, Херсонес, Пантикапея, с одной стороны; Кафа, Тана,—с другой могут служить образцами этой формы, конечно, с некоторыми видоизменениями, вызванными местными условиями. Наличие более тесного совета старейшин (булэ) наравне с всенародным вече (экклесия), существование ряда единоличных или коллегияльных выборных властей — таковы характерные черты устройства этих „городов—государств“, пышно расцветающих в связи с ростом торговли и быстро увядающих, едва пути, по которым шла эта торговля, засоряются приливом еще не подвергшихся воздействию культуры азиатских пошельцев или же изменяют свое направление. Таким образом, и здесь, на примере этих причерноморских городских республик, обнаруживается могущественное значение экономического фактора в процессе исторической эволюции выбранного нами для изучения края¹⁾.

Снабжая свой очерк библиографическими указаниями, я ссылался на наиболее доступные или же резюмирующие труды по отдельным вопросам. К сожалению, я не могу указать другого общего сочинения, которое охватывало бы всю историю Причерноморья за первый, намеченный нами период, (т. е. до середины XVIII века), кроме устарелого, но для своего времени добросовестного труда De Castelnau, *Essai sur l'histoire ancienne et moderne de la Nouvelle Russie*, vol. I—III (1820), и дополняющих его частично (как говорящих о прошлом Крымского полуострова), но также устаревших трудов: Sestrenczewicz de Bogusz, *Histoire du royaume*

¹⁾ О ходе культурной эволюции Причерноморья в связи с ростом экономических отношений вообще, см. Святловский, *Примитивно-торговое государство*, как форма быта (1914), 6—9; 298—342; Фожков, *Натуральное хозяйство и формы землевладения в древней России* (Исторические и социологические очерки, ч. I (1906), 102—103, 114—116; М. Н. Покровский, *Очерк истории русской культуры*, ч. I (1915), 27—38; М. М. Ковалевский, *Социология*, т. II (1910), 170—179, 181; 187—189; 204—207; 211—219; Ed. Meyer, *Geschichte des Altertums*, B. I, 1 Hälfte¹ (1910), 49—70; M. A. Vassaro, *Les bases sociologiques du droit et de l'état* (1898), 103—107, 200—298. I. П. Кулишер, *Эволюция прибыли с капитала в связи с развитием промышленности и торговли в Западной Европе*, т. I (1906), 1—141.

me de la Chersonèse Taurique, vol I—II² (1824) и М. С. Canale, Della Crimea, del suo commercio e dei suoi dominatori dalle origini fino ai dì nostri, vol. I—III (1855). Беглыми общими очерками истории Причерноморья за весь изучаемый период являются введения к трудам А. Шмидта, Херсонская губерния, т. I (1863) и Л. Майкова. Списки населенных мест.—Херсонская губерния (1868), исторические очерки в географических трудах: П. П. Семенова, Россия, т. XIV (Новороссия) и „Крым“ (издание Крымского общества естествоиспытателей и любителей природы, 1914).

§ 1. Равнины, прилегающие к побережьям Черного и Азовского морей и орошаемые Днепром, Бугом и Днестром, составляют как в географическом, так и в историческом отношении обособленное целое, известное с начала XIX столетия под именем Новороссийского края, Новороссии. Этот край является с незапамятных времен местом кочевого или оседлого пребывания многочисленных народов, сменявших здесь друг друга на протяжении долгих веков. Большая часть этих народов появляется сюда с Востока, из необозримых степей Средней Азии, ведя кочевой, пастушеский образ жизни. Эта, начинающаяся на заре человечества, тяга народов с Востока на Запад—из Азии в Европу, давно привлекает к себе внимание ученых, старающихся выяснить причины этих массовых переселений, но мнения их по этому вопросу далеки от единодушия. Тогда как одни видят главную причину в психологических особенностях характера средне-азиатских кочевников—в их воинственности и склонности к хищническим набегам, другие усматривают ее в социально-экономических явлениях—в чрезмерной заселенности стран, занятых кочевниками, зависящей от естественного прироста населения. Этот избыток населения, вызывающий обеднение жителей этих стран, в особенности являясь занятием их скотоводством, требующим большого земельного пространства, и является причиной массовых переселений кочевников в другие, далекие края. Наравне с этими причинами выдвигается учеными еще одна, культурного характера—стремление стоящих на невысокой ступени культуры народов приблизиться к более культурным и притом находящимся в лучших по природным условиям странах, с целью покорения этих народов или использования их культуры. Однако эти причины, порознь или вместе взятые, не объясняют достаточным образом того могучего, почти стихийного, явления, каким было продолжавшееся столько столетий передвижение азиатских народов в Европу, тем более, что, по наблюдениям некоторых ученых, ни в характере средне-азиатских кочевников, скорее склонных к апатии, лени и миролюбию, ни в экономических условиях заселенных ими стран, которые и в наши дни далеки от чрезмерной густоты и связанного с ней обеднения населения, не находится достаточно сильных оснований, которые могли бы дать первоначальный толчок этому грандиозному явлению. Поэтому в последнее время первоначальную причину этих массовых передвижений из Азии в Европу некоторые ученые (преимущественно географы) хо-

тят видеть в явлениях физико-географического характера, связанных с грандиозными переменами в прошлой жизни нашей планеты. Конец периода мирового обледенения, или так называемой ледниковой эпохи, не является, по мнению этих географов, непосредственным началом современного нам мира в его климатических, ботанических и зоологических особенностях. Вслед за концом ледниковой эпохи, с ее избыточным влажным климатом, наступила эпоха необычайно сухого климата, влиявшего, конечно, и на все явления растительной и животной жизни. Вследствие появления не только степей, но и песчаных пустынь. Сила сухости этого климата все увеличивалась с Запада Старого Света на Восток, достигая наивысшей ступени в Средней Азии, где образование этих пустынь пошло особенно сильно. Существование в этот послеледниковый период человечества, переживавшего эпоху культуры каменного века, является вполне доказанным фактом для всего Старого Света, в том числе и для Средней Азии. Кочевое население этих прежде цветущих средне-азиатских стран должно было пред лицом грозной опасности, в виде надвигающейся пустыни, искать себе новых мест для жительства. Так как ни Север, с его тайгой, ни Восток и Юг, с их высочайшими горами и нагорьями или же с избытком населения (Китай), не могли предоставить кочевникам подходящих для их пастушеского быта условий, то единственным направлением для переселения явился Запад, где, по мере убывания сухости климата, сохранялось все большее пространство травянистых степей, пригодных для скотоводства, простиравшихся в те века далеко в глубь Европы. Таким образом, первоначальным моментом многовекового явления — переселения азиатских народов на Запад — в Европу — был, по мнению этих ученых, период, отделяющий ледниковую эпоху мироздания от той, которая сохраняется неизменно до наших дней. Хотя в эту „современную“ эпоху истории земли климат уже не подвергается столь резким переменам, но все же в отдельных частях земного шара (в частности в Средней Азии и Восточной Европе) отмечены периодические колебания его в смысле увеличения сухости. Эти моменты увеличения сухости климата, связанные с уменьшением атмосферических осадков и, следовательно, ухудшением состояния растительности, отделены друг от друга, по мнению некоторых ученых, периодами приблизительно в 4 с половиною столетия. Между тем, с другой стороны, исторические данные дают возможность установить существование почти таких же периодов, отделяющих момент одного массового выселения азиатских народов на Запад, от другого, тем более, что и археологические экспедиции последних лет и китайские источники сообщают о существовании в нынешних безводных и песчаных пустынях Средней Азии городов, занесенных песками и покинутых населением в эти моменты усиленной сухости климата. Это совпадение периодов дает возможность предполагать зависимость одного явления — исторического — от другого — природного, отводя, конечно, должное место и выдвигаемым другими учеными причинам, к которым нужно прибавить еще одну — силу инерции, приводившую в движение один народ за другим, по мере получения им толчка, в виде надвигавшегося на него соседа. Этой последней причиной объясняется продолжающееся появление в степях Восточной Европы одного азиатского на-

рода за другим, долгое время после первоначального народного сдвига в Средней Азии¹).

§ 2. Причерноморские степи, как по своему географическому положению, делающему их, вместе с прикаспийскими равнинами, преддверием к степям Азии, так и по ботаническим свойствам, столь благоприятным для пастушеских народов, служили с незапамятных времен местом первой остановки для азиатских народов при их движении в Европу. Первой по времени народностью, известной нам в качестве обитательницы этих степей, были Киммерийцы, о национальности и времени появления которых в припонтийских равнинах нет определенных мнений у ученых. Широкое распространение их имени в Малой Азии, Месопотамии (в связи с их нападением на Ассирийцев, называвших их Гимири—откуда Греки усвоили это имя в форме—Киммерийцы) и нынешней Южной России (где Керченский пролив назывался у Греков Киммерийским Босфором) наводит некоторых ученых на мысль о скорее географическом или политическом (в смысле соединения кочевых и оседлых племен тюркского корня), нежели этнографическом значении имени Киммерийцев. Другие ученые склонны видеть в Киммерийцах определенную народность, относя их к предшественникам индоевропейцев, принадлежащим все же к белой расе, а также к Кельтам, ветви индоевропейцев, или же к Фракийцам—другой ветви индоевропейской семьи народов, осевшей на Балканском полуострове и с которой нам еще придется встретиться в истории Новороссии. О времени появления Киммерийцев в причерноморских степях точных сведений нет, усиленный натиск их в VIII—VII веках до Рождества Христова на Месопотамию, Малую Азию стоял, повидимому, в связи с появлением на границах занятых Киммерийцами побережий Черного и Азовского морей новых восточных пришельцев, принуждавших прежних обитателей к переселению. О быте Киммерийцев первые историки причерноморских равнин—Греки ничего определенного не сообщают, так как „Киммерийский мрак“, упоминаемый Гомером, продолжал тяготеть над прошлым этого народа. Быть может, именно это незнание и привлекло к Киммерийцам интерес греческих мыслителей, искавших, в разгар социальной борьбы в Греции, идеальных форм общежития у живших „на краю света“, известных только по названию, народов. Такими соображениями было вызвано появление описания „киммерийского города“, принадлежавшее перу Гекатея Теосского, в котором, судя по сохранившимся отрывкам, описывалась блаженная жизнь его жителей, занимающихся земледелием—черта, едва ли соответствующая истинному быту Киммерийцев. Да и вообще, все описание является не более как „социальным романом“—типом литературного произведения, процветавшего в Греции времен упадка²).

¹) О причинах переселений азиатских народов в Европу—см. резюмирующую работу проф. Тугъевского: Географические причины нашествий варваров. „Киевские Унив. Известия“. 1915, № 7, стр. 1—40.

²) Классический труд о Киммерийцах — E. Meyer. Geschichte des Altertums, т. I, ч. 2-ая, 2-ое издание (1909), 613; 725—726; 816; а также в резюмирующем новейшем союзе данных—М. С. Грушевського—Історія України—Русь, т. I, 3-ье издание (1913), 105—108; есть русский перевод—Киевская Русь, т. I (1911). См. также в полезной реферирующей работе В. Д. Снолина. О передвижении Геро-

§ 3. На истории пребывания Киммерийцев в припонтийских степях мы можем впервые наблюдать то последовательное вытеснение одних обитателей этих степей другими, пришельцами с Востока, которое является как бы историческим законом в жизни этой части Европы. В конце VIII или в начале VII века до Рождества Христова Киммерийцы сменяют в причерноморских равнинах Скифы—народ, национальность и состав которого вызывали долгое время различные мнения. Одни ученые видели в Скифах цельную, однородную народность, относя ее то к монгольской или вообще урало-алтайской семье народов, то к индоевропейской, в частности к иранской или славянской ветвям этой последней семьи. Другие ученые, основываясь на раздвоении историческими источниками (и главнейшим из них Геродотом) Скифов на две группы—„царских“ и „пахарей“, различных по быту и по общественным взаимоотношениям, видят в Скифах соединение нескольких народов—победителей и покоренных. Основой этого соединения были скорее всего монгольско-финские племена, но господствующим элементом явились иранцы—ветвь индоевропейцев. Эта двойственность племенного состава Скифов нашла себе выражение, с одной стороны, в даваемой греческими писателями характеристике физического типа и быта Скифов, во многом подходящей для монголо-финнов; сохранившиеся данные языка Скифов свидетельствуют, с другой стороны, о близости его к языкам индоевропейским, в частности иранским. Таким образом, мнение об иранском происхождении если не всех, то по крайней мере части Скифов (скорее всего, Западных, оседлых—„Скифов—пахарей“ Геродота), является в настоящее время господствующим в науке. Появление в причерноморских степях Скифов знаменует начало существования здесь народов индоевропейской семьи. Эта давняя связь припонтийских равнин с народами этой семьи вызвала среди некоторых ученых предположение, что эти равнины были первоначальной колыбелью индоевропейцев, еще в установившуюся лингвистическими изысканиями эпоху существования единого индоевропейского „прарода“. Это предположение опирается на тот факт, что причерноморские степи, прилегающие, с одной стороны, к культурным и мягким по природе краям Юга Европы и благоприятствующие кочевому, пастушескому быту первоначальных индоевропейцев, с другой стороны, скорее всего могли бы способствовать превращению кочевников в оседлые народы, какими история знает индоевропейцев в последующие времена. Но против этой гипотезы, являющейся примирительницей двух крайних теорий—об азиатской индоевропейской „прародине“, с одной стороны, и о средне-европейской (точнее, германской), с другой, высказаны серьезные возражения. Во-первых, несомненно, что индоевропейцы не являются исконными обитателями причерноморских равнин, а лишь пришельцами, с Востока, по мнению одних ученых, из Северного Ирана и Туранских степей, или же с Северо-Запада, из бассейна Балтийского моря, по мнению других. Во-вторых, условия жизни в причерноморских равнинах, открытых со всех сторон для

допотопных Скифов в Передней Азии (1915), стр. 4—7. О „горде Киммерийцев“ Геммелс—Р. Пельма „История античного коммунизма и социализма, русский перевод в „Общей истории европейской культуры“, т. II (1910), 312—313, М. Ковалевский Я. От прямого народоправства к представительству. Т. I (1906), 78—79.

чужих, по большей части враждебных, воздействий, мало обеспечивали развитие цельной и самобытной культуры. Эта культура нуждалась в сравнительно небольшом, но защищенном пространстве, при том лежащем ближе к тем старинным очагам цивилизации, какими являлись полуострова Южной Европы, омываемые Средиземным морем. Таким пространством могла быть скорее Средняя Европа, откуда часть индоевропейцев рано передвинулась к Востоку, к берегам Балтийского моря, которые являются, таким образом, особой прародиной ряда индоевропейских народов, в том числе иранцев. При распространении иранцев далее на Восток, к плоскогорью, связанному с их именем, возникла та многовековая борьба индоевропейцев с начинавшими надвигаться из глубин Азии урало-алтайскими кочевниками, которая отделила отдельные части иранцев на Запад—в причерноморские равнины. Таковыми причинами вызвано появление в этих равнинах как Скифов, так и сменяющих их здесь Сарматов и Аланов, пока, в IV веке после Рождества Христова, урало-алтайская народная волна не прорвала споя осевших у „ворот Европы“ иранских народностей и не залила широким потоком причерноморские степи, сменив здесь господство иранцев¹⁾.

§ 4. Если относительно Скифов еще возможны, по крайней мере отчасти, основательные сомнения в их иранском происхождении, то что касается преемников Скифов в причерноморских степях—Сарматов, такие сомнения отсутствуют в современной науке. Сарматы впервые появляются на историческом горизонте еще во времена господства Скифов на берегах Черного моря, т. е. в V веке до Рождества Христова, в качестве народа, живущего в степях, к востоку от Дона. Их имя встречается также в первоначальной форме—Савроматы, производимой скорее всего от древнеиранского слова—*Savromant*—„снабженный мечом“²⁾. Ни время ни обстоятельства, вызвавшие переселение Сарматов к западу, за Дон, и захват ими гегемонии в черноморских равнинах вместо так называемых „царских“ Скифов не могут быть установлены вполне точно. Скорее всего моментом их успешного натиска на Скифов были V—IV века до Рождества Христова, в связи с упадком скифского могущества, вызванным поражением, которое испытали Западные Скифы в их борьбе с македонским царем Филиппом II, отцом Александра Великого. Во всяком случае, к началу христианской эры господство Сарматов на всем пространстве Черноморских степей от Дона до Дуная, является совершившимся фактом. Скифы, как определенное национальное или государственное целое, исчезают с исторического горизонта, подпав под власть новых пришельцев или смешавшись с ними. Имена „Скиф“, „Скифия“ приобретают с этого времени характер научного географического термина в устах греческих писателей—сульба, которая впоследствии постигает имена Сарматов и Сарматии у писателей римских. Только на крайнем западе Черноморья,

¹⁾ Наиболее новым и полным трудом о Скифах является E. Hübner, *Scythians and Greeks* (1913) о нем моя статья—Новая книга о Скифах и Pontийских Греках (в записках Общества Истории и Древностей, т. XXXII, 1914 года). См. также E. Meyer, о. с., I, ч. 2-ая, 797—799; 813—816; A. A. Шахматов. Введение в курс истории русского языка, ч. I (1916), 20—23; 25—26; Грушевский, о. с., I, 107—116; 542—543.

в низовьях Дуная—в нынешней Добрудже, долгое время сохраняются в так называемой Малой Скифии остатки Скифов, как народности, подчинившиеся позже власти Гетов—одного из фракийских племен.

Более или менее обстоятельные сведения о Сарматах и отдельных племенах их мы находим у греческого географа Страбона, писавшего вскоре после Рождества Христова на основании сообщений, собранных во время войн Римлян на берегах Черного моря в I веке до начала христианской эры. Многочисленность названий отдельных сарматских племен у Страбона и других писателей связана с дробностью политической организации Сарматов, подчинявшихся множеству отдельных вождей. Из этих племен, перечисляемых Страбоном с Запада на Восток, от Истра (т. е. Дуная) до Борисфена (Днепра), наиболее западными являются Тирегеты, помещаемые Страбоном к Востоку от Гетской пустыни—области, соответствующей нынешней Бессарабии. Из имя ученых связывают с названием реки Тираса, т. е. нынешнего Днестра, но в то время, как одни склонны видеть в Тирегетах часть племен Гетов—ветви Фракийцев, другие считают их отдельным сарматским племенем, выводя самое имя их из скифосарматских слов (на иранской основе)—*Tirade—tha*, т. е. жителей берегов Тираса. Следующим сарматским племенем, расположившимся по Бугу, были Язиги, признаваемые некоторыми учеными главной из сарматских орд в причерноморских степях. Однако уже в середине I века после Рождества Христова значительная часть Язигов продвинулась на Запад, в долины среднего Дуная и Тиссы, тесно сблизившись с германскими племенами в общем стремлении проникнуть в замкнутые пределы римских провинций. Имя Язигов часто упоминается во время Маркоманских войн—этой первой крупной попытки варварских сил перейти в наступление против еще мощного здания Римской империи. Значение Язигов в припютийских степях переходит к Роксоланам, племени, первоначально кочевавшему между Доном и Днепром, но постепенно, по мере отлива Язигов, передвигавшемуся к Западу. Достигнув берегов нижнего Дуная, Роксоланы вступают в столкновения с римскими императорами второй половины I века после Рождества Христова, при чем эти столкновения приводят иногда к регулярной отсылке Римлянами подарков, несущей почти характер дани. Крупная роль Роксолан и продолжительное (до IV века) пребывание их в Черноморье вызвала у некоторых ученых стремление связать Роксоланов с передвижением славянских племен с Севера восточно-европейской равнины на Юг, уславив Роксоланам оседлый образ жизни. Но появление славянских племен в южной части восточно-европейской равнины относится наиболее авторитетными учеными к гораздо более позднему времени—к концу V века или началу VI. С другой стороны, кочевой образ жизни Роксоланов и иранство их языка не подлежат в данное время сомнению; в частности имя Роксоланов производится из соединения слов крымского корня: „рокс“—светлый или „урс“—белый, с именем еще одного иранского народа, сыгравшего свою роль в степях Восточной Европы—Аланов. Аланы впервые упоминаются писателями I века после Рождества Христова, римским—Лукианом и греко-еврейским Иосифом Флавием, как народ, занимавший пространство северного Предкавказья, до берегов Азовского моря. Постепенно Аланы начинают распространять-

ся и к Востоку и к Западу от своих первоначальных жилищ, подчиняя себе другие народности и заставляя их принимать свое имя. Последним обстоятельством, которое мы видели раньше у таких же иранских кочевников—Скифов, объясняется необычайно широкое распространение в I—II веках после Рождества Христова имени и власти Аланов, от берегов Аральского моря до течения Дона, а если включить в их состав и Роксоланов—то до устьев Дуная. Самое имя Аланов встречается в форме Аланорсов, что указывает на их тождественность с Аорсами—народом, упоминаемым в I веке до Рождества Христова по берегам Каспийского моря. Об этом апогее аланского могущества мы имеем сведения не только у греческих и римских писателей, но и в китайских источниках, где Аланы носят имя Ан-Тсай. Иранское происхождение Аланов устанавливается как сохранившимися остатками их потомков—нынешних Осетин, прежних Асов или Ясов, уцелевших в ущельях Кавказа, в то время как прибой новых волн кочевников рассеял некогда многочисленных Аланов.

Переходя к быту тех, по преимуществу иранских, народов, которые жили в причерноморских равнинах около начала христианской эры и в первые два века после Рождества Христова, нужно сказать, что сообщения древних писателей говорят о преобладании кочевого состояния у этих народов. Мы находим более подробные сведения о Сарматах у Страбона, который огромное большинство их относит к кочевникам, отводя для земледельцев места около Дуная и Азовского моря. Повидимому, эти земледельцы были лишь подвластны Сарматам, но по происхождению отличались от них, так как, по мнению другого и более вдумчивого наблюдателя варваров—знаменитого римского историка Тацита, именно кочевой быт является характерным отличием Сарматов от северных соседей—Германцев и Славян. Черты кочевого быта отдельных иранских народов, начиная со Скифов, продолжая Сарматами и кончая Аланами, в изображении античных писателей являются почти тождественными, что, конечно, вполне объясняется и племенным родством и одинаковыми условиями жизни. И Сарматы и Аланы живут в войлочных кибитках, поставленных на телеги, с которыми они передвигаются, по мере того, как их многочисленные стада и конские табуны поедают степную траву. При остановках кибитки расставляются в круг, служащий для обороны в случае нападений. Пищей кочевникам служат мясо и молочные продукты их скота. Любимыми их занятиями являются охота, грабежи и войны. Война, по словам Страбона, ведется исключительно ради дани, которую кочевники взимают с оседлых жителей Сарматии, как условие для разрешения этим жителям заниматься земледелием. Военный строй у кочевников был преимущественно конный, однако Страбон говорит, что у Роксоланов была и легкая пехота, чему противоречат слова Тацита о неспособности Роксоланов к другому способу борьбы, кроме конного. Примирить эти противоречия источников трудно; может быть, пехота составлялась племенами, подчиненными Роксоланам и носившими поэтому их имя. Изображение вооруженных всадников из сарматского племени Язигов на триумфальной колонии императора Марка Аврелия в Риме дают нам представление о вооружении и одежде кочевых обитателей припонтийских степей. Они одеты в шлемы и панцири, мног-

да по длине напоминающие халаты, сделанные, по сообщениям писателей, из железа или из костяных и роговых пластинок, нашитых на кожу. Вооружением их являются не только луки со стрелами, копыя и щиты, но и тяжелые двуручные мечи. Всеовой натиск кочевников, в частности Сарматов, являлся нередко трудно выносимым для закаленных римских легионов, но зато их склонность рассеиваться по захваченной ими стране с целью грабежа облегчала борьбу с ними Римлян, в особенности если обремененные добычей конные варвары оказывались еще жертвой распутицы—яркую картину такого рода рисует нам Тацит, говоря о Роксоланах. Воинственность проявляется у всех иранских кочевников в одинаковом поклонении богу войны в образе обнаженного меча, воткнутого в землю. Этот обычай отмечается как у Сарматов, так и у Аланов, но есть подозрение, что это известно, по сообщениям Геродота о Скифах, обыкновение могло быть перенесено позднейшими писателями и на других кочевников. Возможно, однако, что этот культ меча являлся общим для всех кочевых иранских племен, как и многие другие черты их быта—сдирание кожи с голов или вообще с тел убитых врагов для украшения ими своих коней, похвальба количеством убитых неприятелей.

О семейном и общественном быте иранских кочевников древние писатели нам сообщают мало данных. Женщины у Сарматов отличались большей самостоятельностью сравнительно со скифскими, сидевшими в кибитках и занимавшимися домашними работами; они ездили на конях и участвовали в сражениях, стреляя из луков. Выход девушек замуж допускался лишь после убийства ими трех врагов на войне. Этими рассказами и объясняются, повидимому, мнения Греков о гинекоκρατία, т. е. владычестве женщины над мужчинами у Сарматов и у других иранских племен, а также легенды о происхождении Сарматов от соединения Скифов с Амазонками. Нужно сказать, что эти сообщения Греков об особой роли женщин в семейной жизни древних иранцев находят себе объяснение в тех явлениях „матриархата“, т. е. признания родства исключительно по матери, которые особенно прочно сохранились у остатков иранских племен на Кавказе—в частности у упоминавшихся нами Осетин—потомков Аланов. Общественный строй как Сарматов, так и Аланов еще не развился до создания государственных организаций; по сообщениям Тацита, с одной стороны, Аммиана Марцелина (римского писателя IV века) с другой,—ряд отдельными племенами начальствовали многочисленные вожди („скептухи“, как они их называют, пользуясь греческим выражением), при чем у Аланов эти вожди выбирались из особо отличившихся на войне и назывались не царями, а судьями. У тех же Аланов рабство отсутствовало, и все являлось свободными.

Скудость точных сведений о семейном и общественном быте иранцев, кочевавших в припонтийских степях, не мешала греческим писателям пользоваться ими в целях описания жизни первобытных народов, представлявшейся ими как идеал, к которому должны были стремиться Греки в целях избавления от все усиливавшихся социальных противоречий. Так, Платон, защищая в своих „Законах“ равноправие женщин с мужчинами, приводит, как доказательство, упомянутые нами воинственные черты женщин у Сарматов. С другой стороны,

тот же Платон, неправильно толкуя сообщения о взгляде Скифов на женщину, как на семейную собственность, опирается на эти сообщения (в частности историка Эфора) при создании слоев знаменитой теории общности жен и детей. Близость к природе Скифов, восхваляемая греческими писателями, приводит у них, по мнению этих писателей, к социальной справедливости, „доброзакопию“, отсутствию стремления к наживе. От подлинных сообщений о хозяйственном быте иранских кочевников, с его грубой общностью, увлекавшиеся поисками социального идеала греческие писатели дошли до фантастического построения чистого коммунизма у Скифов, с отсутствием какой бы то ни было частной собственности. Самая пища иранских кочевников, с преобладанием в ней молочных продуктов, в связи с ошибочным мнением о воздержании их от мяса, выставлялась этими писателями, как доказательство „справедливости“ Скифов, связанной с их блаженным естественным состоянием. Только сильная тоска по недостижимому идеалу могла вызывать у Греков появление таких фантастических сведений о Скифах и других припонтийских обитателях, с которыми Греки давно и близко сталкивались в „своих многочисленных колониях по берегам Эвксинского Понта“¹⁾.

§ 5. В нашем обзоре истории причерноморских равнин в последние века перед началом христианской эры и в первые два столетия после нее мы видели движущимися по этим равнинам представители одной лишь ветви индоевропейцев — именно, иранской. Однако уже одновременно с иранскими народами мы находим в более защищенных местах этих равнин, на склонах горных хребтов или в долинах рек, представителей других ветвей индоевропейской семьи. Склоны Карпат, в том числе Юго-восточные, являющиеся естественной границей причерноморских равнин с Западе, выступают впервые перед лицом истории, как место пребывания многочисленных племен фракийской ветви, осевшей главной своей массой на Балканском полуострове. Эти племена оставили память о своем пребывании в „языке земли“, т. е. в географических названиях, исчезнувших и сохраняющихся поныне, в странах к Северу от Дуная, куда эти племена явились с Юга — из Балканских гор. Так, фракийское племя Гетов (населявшее также так называемую Малую Скифию, т. е. нынешнюю Добруджу) дало свое имя „Гетской“ пустыне — название, под которым у античных писателей известны были равнины, расположенные к Северу от Дунайских гирл и тянувшиеся на Восток до Днестра, т. е. нынешняя Бессарабия. В самом названии этих равнин — „Бессарабия“ большинство ученых обнаруживается имя другого фракийского племени — Бессов. Это

¹⁾ О Сарматах — Ф. Браун. Розыскания в области готто-славянских отношений, т. I (1899), 85; 89—95; 109—110; Ю. Кулаковский. Алахи по сведениям классических и византийских писателей (1899), 1—8; И. Е. Забелин. История русской жизни с древнейших времен, т. I, изд. 2-ое (1907); Е. Меуер, о.с., т. I, ч. 1-ая, 53; ч. 2-ая, 798; 813; об Алахах — вышеуказанные труды Кулаковского, 9—24; Брауна, 95—98; Грушевского, т. I, 119—127 (здесь же и о Сарматах) — О матриархате у Осетин — М. М. Ковалевский. Очерк происхождения и развития семьи и собственности (1896), 24—27; об „идеальном“ быте иранцев по сообщениям Греков — Пельман, История античного коммунизма и социализма, 56—58; 599—600.

племя, упоминаемое Птолемеем и Овидием (прожившим в его соседстве—в нынешней Добрудже долгие годы своего изгнания), как жившее в дельте Дуная, дало свое имя, в виде составной части валахской княжеской фамилии Бессарабов. Это имя, в своей новой форме, перешло гораздо позже, в XVII веке, на территорию между низовьями Днестра и Прута, подвластную одно время роду Бессарабов — нынешнюю Бессарабию. Наконец, к этой же фракийской ветви принадлежало еще одно племя — Карпов, спустившееся из-за Карпат, из нынешней Трансильвании, на Восток, в равнины Днестра и Прута, вследствие натиска на них их же соплеменников—Даков, принадлежавших к той же фракийской ветви. Этот натиск Даков был, в свою очередь, результатом занятия части их жилищ по Тиссе уже известными нам Язигами—сарматскими выходцами из причерноморских степей. Время появления Карпов в нынешней южной Бессарабии приурочивается, таким образом, к середине первого века после Рождества Христова. Имя Карпов, несомненно, находится в связи с названием Карпат — горного хребта, в долинах которого это племя начало свое историческое существование.

Передвижения перечисленных нами фракийских племен стоят в связи с начавшимся расселением народов еще одной ветви индоевропейской семьи — именно кельтской. Давнее (еще в V веке до Рождества Христова) упорочение Кельтов в нынешних северной Венгрии, Чехии и Моравии облегчало отдельным племенам этой ветви проникновение к Востоку от Карпат—в плодородные долины верхнего Днестра, Прута и Серета, а затем и на низовья Дуная. Память об этих движениях кельтских племен сохранилась, по мнению некоторых ученых, в именах городов Галича и Галаца и области Галичины, связанных с общим названием восточной группы Кельтов—Галаты, т. е. „храбрые“ на общекельтском языке. Это же имя Галатов мы встречаем и в сообщениях припонтийских Греков о варварах, с которыми им приходилось сталкиваться. В частности, имя Галатов упоминается на надписи в честь гражданина города Ольвии (около нынешнего Николаева), Протогена, где говорится о намерении Галатов вместе с другими варварами напасть на Ольвию—событие, относимое с большей вероятностью ко II, чем к III веку до Рождества Христова. Повидимому, разновидностью тех же Галатов являются упоминаемые Птолемеем, греческим географом II века после Рождества Христова, как обитающие вблизи северного гирла Дуная, т. е. нынешней южной Бессарабии, Бритолаги или Бритогаллы, в имени которых звучат кельтские корни. Но Кельтам не суждено было оставить сколько-нибудь прочного следа в истории Новороссии, по сравнению с теми, пока еще сидевшими далеко на Севере — в бассейнах Вислы, Немана и Западной Двины, индоевропейскими группами Германцев и Славян, которым впоследствии принадлежала столь крупная роль в истории причерноморских равнин¹⁾.

¹⁾ О Фракийцах и Кельтах в Причерноморье — Браун, о. с., 126—132; 159—178; Грушевский — о. с., I, 127—140; N. Jorga — *Geschichte des Rumänischen Volkes*, B. I (1905), 8—33; А. Л. Погодин—«К вопросу о Фракийцах»; (Сборник статей по археологии и этнографии (1902); Minns — *Scythians and Greeks*, т. VI; А. В. Орешников—Этюды по нумизматике Черноморского побере-

§ 6. Еще во втором веке до начала христианской эры начинают появляться вблизи черноморских равнин передовые отряды той многочисленной ветви индоевропейцев, которую являются Германцы. Главная масса Германцев, в частности восточной группы их, еще не покидает в это время своей племенной холмбелы, которую, по авторитетному мнению, являлся Привислянский край. Наиболее ранним из этих передовых отрядов по времени появления его на Юге были Бастарны—племя, которому выпала крупная культурно-историческая роль—быть не только первым из германских народов, ставшим известным античному миру, но также посредником между Кельтами и Славянами, благодаря занятой им новой территории. Правда, национальность Бастарнов вызывала у древних писателей, касавшихся их—Тацита, Страбона, Плиния, колебания как в смысле признания их не чисто германским, а смешанным с иранцами (Сарматами) племенем, так и в усвоении им долгое время имени Галатов, т. е. Кельтов. Однако эти сомнения должны быть рассеяны в смысле признания Бастарнов Германцами на основании данных, почерпнутых из остатков языка Бастарнов, носящего германский характер. Бастарны появляются во II веке до Рождества Христова на северных склонах Карпат, в нынешней Галичине, но постепенно они спускаются по течению Днестра в низовья Дуная, где они заселяют его дельту. Здесь они получают особое название Певкинов, по имени одного из островов дунайской дельты—Певки. В это время Бастарны врезываются как бы клином между фракийскими и иранскими народами. Войновственность Бастарнов приводит их к непрерывным столкновениям с Римлянами,¹ что вынуждает римских императоров III—IV веков заняться массовым переселением укрощенных Бастарнов за Дунай, в глубь римских провинций. Это переселение Бастарнов объясняет исчезновение их имени со страниц истории вообще, и истории Черноморья в частности.

Движение Бастарнов из Привислянского края на Юг повлекло за собою передвижение и других восточно-германских племен, среди которых Готам суждено было создать в причерноморских равнинах первое более или менее прочное государство. Таким образом, появление Готов на Юге составляет как бы конец одной эпохи в истории Новороссийского края и начало другой, тем более, что к этому времени (конец II и начало III веков) замирает жизнь греческих колоний (за исключением крымских) на северном побережье Черного моря, играющих такую крупную роль в культурной жизни как этого побережья, так и лежащих в глубь материка равнин. Поэтому прерываем на этой именно моменте наш обзор той непрерывной смены народностей, которую мы наблюдали на причерноморских равнинах, и обратим наше внимание на те явления культурной и экономической жизни, которые наблюдаются в этих равнинах во время этой смены.

Припонтийские равнины, не взирая на кочевой характер большей части населения их, заключали в себе не мало городов. На тех картах Сарматии—Европейской и Азиатской, которые дает в своей „Географии“ Птолемей (употребляя уже имя Сарматии, как географиче-

режья. I. Новые имена на царских монетах, находившихся в Малой Скифии. „Известия Росс. Акад. Ист. Матер. Культ.“, т. I (1921), 218—220.

ский, а не этнографический термин, охватывающий не только Восточную Европу, но и часть Азии), мы видим много названий городов. Конечно, это прежде всего греческие колонии, тянувшиеся длинным рядом вдоль северных берегов Понта, начиная с Истрополя на устьях Дуная и кончая Танаидой в устьях Дона. Жизнь этих городов, как и вообще явление греческой культуры на берегах Черного моря не подлежат рассмотрению в этом нашем обзоре¹⁾. Но за этими греческими городами карты Птолемея помещают ряд других, загадочных и по своим названиям и по тем народам, которые могли их создать и населить. Уже на крайнем Западе причерноморских развалин — в нынешней южной Бессарабии, лежал город Гарпис, приурочиваемый современными исследователями к нынешнему селу Эскиполос, около того известного, но загадочного сооружения, которое носит название Траянова вала (нынешнего). Это сооружение, как и другие им подобные, связывается народной памятью с именем знаменитого победителя Дакийского царства (в нынешней Трансильвании) — императора Траяна. Однако достаточных оснований для приписания именно этому, произведшему своими победами огромное впечатление на варваров представителю „вечного Рима“, этих сооружений нет; римский же характер их, по мнению знаменитого знатока римского мира — Монмизена, является вполне возможным. Как этот город, так и ряд других, помещаемых Птолемеем в долине реки Гиераза (нынешнего Прута) — Тироборидава, Тамасидава, Заргидова, носят имена, указывающие на их фракийское происхождение. Это происхождение находит себе подтверждение и в „языке земли“ — в современных названиях тех поселений (Карпинени, Карпешти), которые лежат на предполагаемых местоположениях этих городов. Эти названия, повидимому, связаны с именем фракийского племени Карпов, которое звучит в вышеупомянутом Гарписе, отражающей иную форму имени Карпов — Гарпин. Этот Гарпис — „город Карпов“ (как он именуется одним древним писателем). Но и дальше к Востоку, за Днестром, в глубине Сарматии, Птолемей перечисляет ряд городов, приурочиваемых к местам нынешних городов Ананьева (или Балты), Тирасполя (или Бендер), Могилева, Ямполья и Каменца на Днестре, при чем в именах этих городов (Клепидава, Карродунум и др.) звучат фракийские или кельтские корни. Наконец, ряд городов, перечисляемых Птолемеем и носящих греко-скифские имена, может быть, с некоторою долей вероятности, размещен по низовьям Буга, Днепра, а также в равнинах между Днепром, Сивашем и Азовским морем.

Вопрос о национальности жителей этих многочисленных, перечисленных Птолемеем, городов является неопределенным. Кем бы ни были населены эти города, но несомненно, что через них проходили торговые пути, связывавшие проникнутое греческой культурой побережье Черного моря с внутренними частями Восточно-европейской равнины, а также с отдаленными странами Средней Азии и Сибири. Могут

¹⁾ Мы отсылаем желающих познакомиться с греческой колонизацией на северном побережье Черного моря к новейшим резюмирующим работам — 1) Б. В. Варнаке. Древнейшие обитатели Новороссии (1918); 2) Ю. А. Кулаковского Прошлое Гавриды (1909); 3) Милля, о.с., (где главы XIII—XIX посвящены этому вопросу); 4) Грушевский, о.с., т. I 62—78; 490—492; Также Латышев. Понтий (1909); сборник ценных монографий по отдельным вопросам истории греческих колоний.

быть указаны три главных направления, по которым шло торговое движение. Первым направлением был путь с Юга, со стороны греческих колоний, вверх по Днепру или по Днестру, к берегам Балтийского моря, в целях добычи столь ценного древними янтаря (находящего однако и ближе—по Нареву—притоку Вислы, а также в окрестностях Киева и на Волыни). Следы этого торгового движения являются те многочисленные клады древнегреческих и в особенности римских (императорского периода) монет, которые встречаются в таком изобилии в бассейнах среднего Днепра, Оки и Волги, падая преимущественно на II и III века после Рождества Христова. Вторым по важности торговым путем, проходившим по Черноморским степям, был восточный, упоминаемый еще Геродотом. Он вел за Урал, в Среднюю Азию и в Сибирь, в страны Юрков, в которых узнают финское племя Югру, жившее в бассейне реки Тобола, а также Аргиппея, обильяемых с приалтайскими Монголами. Этот восточный путь получил особенное значение во время алогоя могущества Адамов, достигавших, как мы знаем, со своими кочевьями берегов Каспийского и Аральского морей. Об Адамах китайские источники говорят не только как о войнах, но и как о купцах; через их земли легко мог быть проложен торговый путь, ведущий из Индии через Бактрию (нынешний Афганистан) в долину Оксуса, т. е. Аму-Дарьи. По этому пути индийские товары (пряности, благовония, драгоценные камни) достигали, по сообщениям римских писателей, в короткое время берегов Черного моря и расположенных здесь греческих колоний.

По восточному пути проникали в черноморские степи произведения искусства особого стиля, с преобладанием в них изображений животных. Этот так называемый „звериный стиль“ был занесен, по мнению некоторых ученых, в припонтийские равнины из глубины Сибири—из области развития особой бронзовой, так называемой „Минусинской“ культуры (по имени города Минусинска, Енисейской губернии, в окрестностях которого найдено множество предметов этой культуры). Этот первоначально-сибирский стиль подвергся иранскому художественному влиянию еще в пределах Азии—в равнинах Аму- и Сыр-Дарьи, где ряд кладов дает нам представление о довольно высоко развитом искусстве, с особенной любовью изображающем борьбу фантастических и действительно существующих животных. По мере передвижения иранских племен к Западу этот „звериный стиль“ проникает в причерноморские степи.

Меньшее значение, чем северный и восточный торговые пути, имел для жизни Черноморья западный путь, ведущий в страны Средней Европы, заселенные Кельтами и Германцами. Но и отсюда в равнины Новороссии проникало культурное влияние, проявившееся в многочисленных, главным образом, металлических предметах, объединяемых археологами под названием „Ла-Тенской культуры“. Взаимодействие этой культуры с проникавшей с Востока „скифо-сибирской“ культурой способствовало появлению в причерноморских степях нового стиля в искусстве, так называемого „Готского“, связанного с появлением в этих степях Готов¹⁾.

¹⁾ О Восточная—см. Браун, с. с. 99—117, 159—161; 173—175, о готских в Причерноморье по Гителену—Браун, с. с. 174; 199; 204—207; 211—223, Браун

§ 7. Готы являются, как мы уже знаем, одним из народов восточной ветви Германцев. Древние писатели I века—Тасит и Птолемей, помещают их по берегам Балтийского моря, на низовьях Вислы, в местах изобиловавших янтарем и потому посещавшихся в I и II веках римскими купцами. Не будучи местными коренными обитателями, Готы явились на южное Балтийское побережье не с Севера, из Скандинавии, как сообщает, на основании народных преданий, готский историк Иорнанд, а скорее с Юго Запада, из нынешней Силезии. Это переселение Готов, вероятно, произошло во второй половине I века после Рождества Христова, в результате значительных передвижений германских племен после их первых столкновений с Римлянами. Но пребывание Готов на южных берегах Балтийского моря не было продолжительным. Та инстинктивная, стихийная тяга северно-европейских народов к теплему Югу, с его источниками культуры и богатства, которую, по ее настойчивости, можно сопоставить с уже известными нам переселением азиатских народов с Востока на Запад, захватила и восточных Германцев. Первыми двинулись к Югу, как мы уже видели, Бастарны, расположенные южнее всех остальных восточно-германских племен. Затем, по их следам, тронулись и Готы, возможно, не только в результате этой инстинктивной тяги к Югу, но и под давлением напавших на них с Северо-Востока славян, еще не разделившихся на отдельные народы.

О движении Готов на Юг, к берегам Черного моря, сохранилось мало достоверных сведений, так как рассказ об этом периоде их истории у национального историка Готов Иорнанда (или Иордана), писавшего в VI веке, представляет соединение народных преданий с собственными учеными домыслами Иорнанда. Несомненно, что это переселение Готов с берегов Балтийского моря в Поднепровье и в припонтийские степи длилось долго и шло с остановками, вызывавшимися природными трудностями пути (через Полесские леса и болота), так и столкновениями с местными жителями. Среди этих последних, племя Спалов вызывает разногласия ученых, из которых одни видят в Спалах Славян, другие же Иранцев, третьи — германских родичей Готов—известных нам Бастарнов, занявших к этому времени лучшие места в низовьях Дуная. В конце концов, Готы достигли берегов Черного моря, заняв, повидимому, без большой борьбы с иранскими племенами, причерноморские равнины, лишившиеся к III веку части своего кочевого населения, вследствие продолжавшегося стремления его к Западу, в долину среднего Дуная. Снова повторилась уже знакомая нам картина—ния Готов похлыло названия живших раньше по берегам Черного моря племен, часть которых осталась на своих прежних местах, подчинившись готскому владычеству. Попад в припонтийские степи, Готы не лишились той тяги к культурному Югу, которая привела их сюда; теперь начинается ряд сухопутных и морских походов Готов в пределы Римской Империи. Эти походы, все усиливаясь, тя-

уч. Черноморье, т. II (1932), 18—19; о торговых путях и связи с культурными явлениями—Святковский, Прimitивно-торговое государство, как форма быта (1914); Митен, о. с., гл. V и X; Neumann, Die Völker des südlichen Russlands (1955), 35—37; Sadowski, Drogi handlowe Greckie i Rzymskie (1876), 1—81; Грушевский, о. с. I, 278—280.

нутя с начала III века до 268 года, когда энергичному императору Клавдию удалось разгромить большое войско Готов в глубине нынешней Сербии, у Ниша. Но и после этого поражения Готы продолжают беспокоить пределы римских провинций, в особенности расположенных по южному берегу Черного моря, куда они являются на своих легких судах, предвещая будущую славу скандинавских викингов или запорожских казаков. Они доходят в своих походах до берегов Мраморного и Эгейского морей. Походы эти, в которых наравне с Готами участвует ряд других варварских племен, в том числе известные нам Вастарны и Карпы, приводят к оседанию значительных масс варваров в пределах земель, подвергшихся римскому культурному влиянию. Так, с одной стороны, была, предоставлена в распоряжение Готов и Вандалов Дакия (нынешняя Трансильвания), откуда около 271 года император Аврелиан вывел на Юг, за Дунай, значительную более романизовавшуюся часть населения, образовав здесь новую, носящую то же имя Дакия, провинцию. С другой стороны, многочисленные толпы варваров (Готов, Карпов и Вастарнов) поселились в сохранявшихся еще под римской властью задунайских провинциях, превращаясь частью в мирных земледельцев—колонов или в военных поселенцев—федератов и ауксилиариев. Этими фактами, вероятно, объясняется то ослабление дальнейшего натиска Готов и родственных или подчиненных им народов на римские границы, которое замечается в IV веке.

Под шум этих войн и набегов главная масса Готов располагалась по причерноморским равнинам, заняв ее отдельными своими племенами от Днепра до Дуная. К Востоку, по берегам Азовского моря, разместились родственные Готам Герулы, оттеснив прежних здешних обитателей Аланов частью на Запад, частью на Юг, вглубь Крымского полуострова. Оказавшись вблизи Дуная, Аланы приняли участие вместе с Готами и другими германскими племенами в их натиске на пограничные римские провинции, что влекло за собою и мирные переселения Аланов в пределы Римской Империи; один из римских императоров III века—Максимиин—был сыном готского пастуха и аланки, из числа поселенных во Франки варваров. Более прочные следы своего пребывания оставили крымские Аланы в Крыму, где имена двух городов—Ардабды (нынешней Феодосии), Сугдаи (нынешнего поселка Судак)—носят иранский характер, связываемый учеными с этим аланским переселением в Тавриду.

Постепенно черноморские Готы разделились на две племенные группы, занявшие определенные пространства в припонтийских равнинах. Между Днепром и Днестром жили, по сообщению Иорнанда, Остроготы называвшиеся также Грейтунгами, имена, связанные — первое с географическим положением, занятым этой ветвью Готов („восточные“ Готы), второе — с природой страны Готов (обитатели песчаных мест или степей вообще). За Днестром начинались поселения другой ветви Готов, тянувшиеся до низовьев Дуная на Юге и предгорий Карпат на Западе. Особые имена этой группы Готов, живших в западных и частью лесистых местностях, Визиготы и Тервинги, указывают на свою очередь, на географические и ботанические особенности ими занятой территории. Но Готы не ограничивались

заселением и владычеством над равнинами Причерноморья: они уже рано—около середины III века—появляются на Крымском полуострове, вступая сначала в вооруженные столкновения, а потом и в мирные сношения с культурным населением древней Тавриды. Это население входило в данное время частью в состав находившегося под римским влиянием Восточного царства, частью группировалось вокруг Херсонеса—этого главного центра греческой культуры на Юге Крыма. В общем, положение греческих городов Тавриды во время нашествия и владычества Готов не изменилось резко к худшему, хотя значительная часть Восточного царства была покорена ими, повидимому, в связи с отливом главной массы Готов к Западу. Этот отлив привел, наоборот, к окончательной гибели те греческие колонии, которые были расположены на просторе припонтийских степей — Ольвию и Тирас. Но выгодность положения Тираса—у устьев Днестра, вблизи обширного лимана, не дала заглухнуть этому давнему месту поселения людей; при Готах берега Днестровского лимана (как и Керченского пролива) служили местом отправления для морских экспедиций Готов на римские провинции. Часть Готов, оставшаяся на жительство в Крыму, заняла преимущественно южный берег его, дав свое имя, в виде „Готии“ целой области на этом берегу. Проникновение Готов в Крым имело очень важные культурные последствия для всей массы черноморских Готов, в виде распространения среди них христианства. Христианство первоначально появилось среди крымских Готов в раннее время — около середины III века, задолго до возникновения той ереси Ария, которая впоследствии сделалась господствующей верой среди Готов. Христианство это было занесено к Готам пленниками из Малой Азии. Лишь значительно позже, около середины IV века, началась христианизация Готов, живших вне Крыма, в причерноморских степях, проявившись, главным образом, в миссионерской деятельности знаменитого „апостола Готов“—епископа Ульфилы, Гота по происхождению. Распространение христианства среди черноморских Готов оставило после себя следы в виде тех высеченных в скалах церквей, которые, по сообщениям византийского писателя X века — императора Константина Багрянородного, были видны на берегах Днестра, около опустевших городов, вероятно, тех же, которые перечислялись в этих местах Птолемеем. Отголосками готского христианства на берегах Черного моря являются те сообщения о пользовании готским языком при богослужении среди жителей низовьев Дуная—нынешней Добруджи, еще в IX веке, которые мы находим у древних церковных писателей и которые объясняются проживанием здесь в это время целого племени, так называемых „Малых Готов“.

Гораздо более скудные известия мы имеем о политическом и общественном строе Готов во время их пребывания в черноморских степях. Как и у других германских племен, королевская власть получает у них значительное развитие, в особенности в связи с переселениями и походами, но до объединения всех черноморских Готов под властью одного короля дело доходит лишь в середине III века (или даже позже). Это единое государство среди Готов не является и впоследствии непрерывно действующим, что проявляется, между прочим, и в той бессистемности, с которою Готы ведут свои набеги на римские провинции. В общем

Оstroготы проявляют большее стремление к государственному объединению, чем Визиготы, долгое время еще сохраняющие племенное устройство, с мелкими вождями — „судьями“ во главе. Этим обстоятельством и объясняется тот факт, что из среды Остроготов, из правящего у них королевского рода Амалунгов или Амалов, вышел знаменитейший из готских королей — Гермакрих (или Эрманарих). Царствование Гермакриха, начавшееся в середине IV века, является временем наибольшего расширения готского владычества в Восточной Европе. Правда, нельзя доверять буквально сообщениям готского историка Иордана, говорящего о подчинении Гермакриху не только всех обитавших в причерноморских равнинах народов, но также всех Славян (именуемых Иорданом Венетами, Антами и Склавинами). Литовцев (под именем Эстиев) и ряда финских племен Севера России, так как эти сообщения включили в себя много легенд, созданных Готами в более ранний, прибалтийский период их истории. Однако, во всяком случае, следует признать: что владения Гермакриха были обширны, а чем говорит и современная ему латинская писательница Аммиан Марцеллин, и что именно в это царствование славянские племена, расположенные к Северу от непосредственных готских владений, подверглись сильному влиянию готской культуры, преимущественно материальной. Отголосками могущества Готов при Гермакрихе являются те значительно позднейшие (IX — XII века) скандинавские саги, в которых говорится о стране Рейдготов (т. е. „оленейских“, „славных“ Готов), в их столице — „городе Днепра“ (Даннестадир). К этим сообщениям скандинавских саг один из ученых проявляет полное доверие, идущее до отождествления „града Днепра“ с позднейшим Киевом, другие, наоборот, относят вполне справедливо, считая их позднейшими домыслами. Более правильным является взгляд, признающий возможным видеть в упоминаемой этнической сагами стране „трейдготов“ бассейны верхнего и среднего Поднепровья, в эпоху его подчинения власти черноморских Готов, не задвигая в дальнейшем, более искаженные, отождествления.

Яркий расцвет готского владычества в причерноморских равнинах (а также экономический прогресс — переход к земледелию) однако был не продолжителен: он явился как бы контрастом к тому быстрому и полному разгону, который постиг Готов со стороны новых восточных пришельцев в Европу, представителей новой семьи народов — Гуннов¹⁾.

§ 8. Появление Гуннов в прикарпатских степях знаменует начало нового периода в том движении народов с Востока на Запад, первой, подпадающей историческому учету, фазой которого было появление в Черноморьи Скифов и других иранских племен. Этот новый период отличается от предыдущего тремя чертами: продолжительностью, силой

¹⁾ Капитальное исследование о Готах Ф. А. Брауна — Разыскания в области готско-славянских отношений. I. Готы и их соседи до V века (1899); Iorga, o. c., I, 44—60; Шахматов, Введение, 29—30; 40—41; Грушевский, o. c., I, 140—150, 543—546; Брун, Черноморье, II, 189—212, 289—291; Пархоменко, Начало христианства Руси (1913), гл. I. — Об Аланах в Крыму — Кулаковский, Аланы, 15—18. — Новейшая монография о Готах — Васильев, Готы в Крыму. Известия Росс. Академии истории материальной культуры, т. I (1921), 247—344.

размаха переселяющихся народных масс и иным этническим составом этих масс. Действительно, начиная с IV века и кончая XIII веком, идет непрерывная смена народностей, появляющихся из глубины средней Азии и наполняющих обширные равнины Восточной Европы. Некоторые из этих народных передвижений происходят с такой энергией, что участвующие в них народы докатываются, сокрушая все на своем пути, до окраин Западной и Южной Европы. Наконец, отличительной чертой этого периода народных переселений является однородность состава главной массы переселяющихся народов и отличие его от состава предшествовавших азиатско-европейских миграций. Здесь впервые выступает на европейской исторической арене многочисленная Урало-Алтайская семья народов, преимущественно в своих тюркской и монгольской ветвях. Но среди многоплеменных кочевых орд, двигавшихся из глубины Азии, могли находить себе место и представители еще одной ветви той же семьи народов — именно финской: после же появления этих орд в пределах Восточной Европы к ним насильно или добровольно примыкали жившие здесь народы индоевропейской семьи — прежде всего Иранцы, затем Славяне. Этой разнородностью объясняются те, нередко противоречащие друг другу, сведения, которые нам сообщают современные писатели о внешнем виде, быте и языке отдельных орд, появившихся одна за другой в восточно-европейских равнинах, в частности в причерноморских степях.

Еще задолго до своего появления в равнинах Восточной Европы Гунны становятся известными истории, как деятельные участники многовековой борьбы между северными варварами Восточной Азии и древней цивилизацией Китая. Эта борьба, как мы уже знаем, являлась частичным проявлением той, вызывавшейся в значительной степени стихийными причинами, тяги азиатских народов на Запад, которая сыграла такую большую роль в судьбах старого света. Различные северные племена, ведущие кочевой, пастушеский образ жизни, волна за волной обрушиваются на пограничные области Китая, доходя до берегов Гованго — этой „Желтой реки“ китайцев, протекающей по плодородным лесным равнинам — источнику богатства китайской земледельческой цивилизации. Эти племена, принадлежавшие по большей части к тюркской и монгольской ветвям урало-алтайской семьи народов, получили от Китайцев имя Хиунг-Ну или Хунну — „мятежных рабов“ — в результате установившихся впоследствии между ними и китайским государством взаимоотношений. В целях защиты плодородных китайских областей, лежащих к себе Хиунг-Ну, воздвигается китайскими императорами Цинской династии, в III веке до Рождества Христова, знаменитая „Великая Стена“, о которую разбиваются дальнейшие волны северных варваров. Теперь эти варвары испытывают двоякую участь. Часть их, подвергаясь действию исторического закона, подчиняющего менее культурные народы влиянию более культурных, становится защитниками Китая от дальнейших натисков собственных сородичей, стремящихся проникнуть в заманчивую „Желтую (по цвету плодородной почвы) страну“. Другая часть Хиунг-Ну подвергается систематическому натиску со стороны перешедшей в наступление против северных варваров китайской объединившейся государственности. Во II и I веках до Рождества Христова значительные массы Хиунг-Ну, потерпев ряд

поражений со стороны воинственных императоров Ханьской династии, частью подчинились их власти, частью двинулись, теснимые Китайцами, на Запад. В медленном своем движении, объясняющемся кочевым, пастушеским образом их жизни, а также силою сопротивления встречающихся им по пути народов, Хиунг-Ну достигают равнин и гор Туркестана. Здесь они остаются долгое время, становясь известными не только китайским, но и европейским (римским и греческим) писателям под новыми именами Тие-ле или Ефтелитов, а также под видоизмененным старым названием „Белых Гуннов“ (такова греческая форма для имени Хиунг Ну). Продвигаясь к берегам Каспийского моря, отчасти под давлением китайских войск, достигавших в I веке после Рождества Христова тех же берегов, Гунны (как мы теперь будем вслед за греческими писателями называть Хиунг-Ну) приходят в столкновение с известными нам Аланами. Эти столкновения, длившиеся довольно долгое время, отразились даже на имени этого иранского народа, называвшегося также Ас, так как название „Аланов“ скорее всего происходит от тюркского слова „алинь“—горный хребет означая горные. Это имя было дано Тюрками, составлявшими значительную часть Хиунг-Ну, тем из Асов, которые занимали предгорья Кавказа (где и теперь живут их потомки—Осетины); в такой тюркской форме это название Асов было усвоено и античными писателями.

В равнинах Аму и Сыр-Дарьи, а также по берегам Каспийского моря Гунны остаются долгое время, пока не начинает замечаться упадок могущества Аланов между Каспийским и Черным морями, связанный с упорочием Готов а припонтийских степях. В связи с этим упадком, а также подчиняясь дальнейшей тяге на Запад — на лучшие пастбища и ближе к культурным, богатым добычей странам, Гунны появляются в равнинах Предкавказья и на берегах Дона. Подчинив себе Аланов и включив их в состав своих орд, Гунны переходят в третьей четверти IV века Дон—эту восточную границу германских поселений на берегах Черного и Азовского морей. Вторжение Гуннов в пределы готской державы быстро обнаружило, что величие этой державы во времена Германриха, столь ярко отразившееся в германской народной фантазии, покоилось на довольно шатких основаниях. Не говоря о том, что западные ветви Готов—Визиготы, за редкими исключениями, и раньше не были подвластны общеготской королевской власти, в потоку и теперь не приняли участия в борьбе Остроготов с Гуннами, среди подвластных Германриху народов, в том числе Роксаланов вспыхнуло восстание, облегчившее Гуннам их победу. Не пожелавшего пережить гибель собственного величия Германриха сменили во главе Остроготов другие вожди, которые пытались, но не удачно, отстоять в дальнейшей борьбе независимость Готов. В конце концов, эти вожди принуждены были признать вассальную зависимость от Гуннов. Часть Остроготов не пожелала, однако, подчиниться этой зависимости и двинулась на Запад, к Днестру, в надежде найти помощь у еще не разбитых Гуннами Визиготов. Эта надежда оказалась тщетной, так как и Визиготы с их вождом „судьей“—Атанарихом, после ряда битв между Днестром, Прутом и Серетом, постиг тот же разгром. Тогда обе массы Готов, и восточных и западных, ища спасения от победоносных Гуннов, слились в одном стремлении уйти за Дунай—в пределы Рим-

ской Империи. Здесь Готам было суждено сыграть блестящую, хотя не особенно долговечную роль в истории Западной Европы, в качестве авангарда германских народов, раньше других подвергшегося влиянию греко-римской цивилизации. Лишь небольшие обломки готского народа, загнанные сюда гуннской грозой, сохранились под именем Готов-трапезитов в пределах Крымского полуострова, где, как мы знаем, и раньше существовали на южном берегу Крыма готские поселения. Самое название части этого южного берега от Балаклавы до Судака — Готы, указывавшее на племенной состав его населения, сохранялось долгие века; в последствии оно вошло в титул местных митрополитов, именовавшихся еще в конце XVIII века „готфийскими“. Народность крымских Готов, все время остававшихся верными православью, постепенно растворилась в массе преобладавшего, сначала греческого, а позже татарского, населения южного берега Тавриды, но еще в XVI веке сохранились среди южнокрымских жителей остатки готского языка — памятник давнего пребывания германских племен на берегах Черного моря.

Новые властители припонтийских степей, за которыми упрочилось имя Гуннов, являвшееся греческой (точнее, византийской) перелкой китайского названия Хиунг-Ну, послужили темой для многочисленных описаний как их внешности, так и быта со стороны различных греческих и римских писателей (в особенности Аимбиана Марцелина и Приска), вследствие той крупной, хотя чисто отрицательной роли, которую Гунны сыграли в истории Европы V века. Эти описания, нередко фантастические и неясные, вызвали в свою очередь немало споров среди ученых, в особенности по вопросу о приурочении Гуннов к той или иной национальности на основании данных о физической природе Гуннов. В решении этого вопроса большую помощь оказали китайские источники со своими сообщениями о Хиунг-Ну (или Хунну) — этом стволе, ветвью которого, несомненно, являются европейские Гунны. В то время, как европейские писатели не могут найти достаточно сильных слов для описания безобразной и свирепой внешности Гуннов, у китайских историков эта внешность не вызывает никакого удивления. Это обстоятельство, в связи с сообщаемыми европейскими писателями чертами внешности Гуннов (коренастость, короткоголовость, приплюснутость носа, скудная растительность лица) подтверждает гипотезу о преобладании среди Гуннов представителей урало-алтайской семьи народов, давно знакомых и отчасти родственных китайцам и поэтому не вызывавших у этих последних особого к себе внимания. Приурочение европейских Гуннов к определенной народности или даже ветви урало-алтайской семьи является, однако, затруднительным делом. В данное время среди ученых преобладает мнение о монгольстве или тюркстве Гуннов. Во всяком случае, совсем слабыми аргументами может быть обоснована возникшая в русской исторической науке теория о славянстве Гуннов. Эта теория опиралась на факты, относящиеся ко времени пребывания главной гуннской орды в равнинах среднего Дуная, в нынешней Венгрии, где известная примесь славян к массе Гуннов и культурное влияние их на эту массу являются вполне вероятными. Но выведение Гуннов вообще, как народа славянской семьи, на основании этих фактов, противоречит как несомнен-

ному их азиатскому происхождению, так и указанным их физическим признакам.

Быт Гуннов или Хиунг-Ну, как его рисуют и восточные и западные источники, носит черты низкого уровня культуры. По сообщениям китайских писателей, Хиунг Ну являются охотниками или скотоводами. Ведущими кочевой образ жизни. Употребление ими в пищу сырого мяса, крайняя неразборчивость в выборе пищи, нечистоплотность, проявлявшаяся в ношении одежды до полного ее уничтожения, а также в запрещении мыть платья—все эти черты, отмечаемые, как у Хиунг-Ну, так и у европейских Гуннов, заставляют древних писателей ставить Гуннов значительно ниже по культуре сравнительно с покоренными ими иранскими кочевниками—Аланами. Наравне с охотой и скотоводством Хиунг-Ну, по сообщениям китайцев, имеют склонность к хищническим набегам с целью грабежа. По мере вовлечения их в столкновения с Китаем, а затем в связи с их движением на запад, Хиунг-Ну становятся все более воинственными, а под именем Гуннов они приводят в трепет народы Европы. Проводя целые дни и ночи на своих неказистых, но выносливых конях, Гунны вызывают у греко-римских писателей воспоминания о классических кентаврах. Вооружением им служат луки с костяными стрелами и мечи. Как и другие кочевники, Гунны налетают на врагов густыми массами всадников, стараются захватить их врасплох или заманить притворным бегством.

В семейном быте Хиунг-Ну и, следовательно, Гуннов, обнаруживаются черты, связанные с так называемым групповым браком, в виде обязательной женитьбы одного из братьев на женах умершего брата, а также пасынка на мачихе в случае смерти его отца. Эти черты, как установлено наблюдениями новейших социологов и антропологов, были самым различным народам, независимо от их расы и даже культурного уровня (припомним обычай „левирата“ у ветхозаветных евреев). Что касается общественного строя Гуннов, то о нем нам известно немного. Уже во время своего пребывания в средне-азиатских равнинах под именем Хиунг-Ну, они обнаруживают признаки государственного объединения, подчиняясь власти одного правителя, носившего титул, в китайской передаче, „Тсунг-ли-хо-то“. В этом титуле ориенталисты видят испорченный тюркский титул „Теңгри-Кут“—„Власть Неба“, которым величали себя монгольские ханы XIII века. При появлении Гуннов в причерноморских степях мы видим их объединенными под властью одного вождя—Баламера (или Баламбера), проявившего известное военное искусство в борьбе с разрозненными Готами. Хотя позже во главе Гуннов стоит одновременно несколько вождей, но все таки формы их государственного быта обнаруживают довольно высокую степень развития, что может объясняться культурным влиянием покоренных Гуннами народов, прежде всего, Готов.

Апогея своего развития гуннская держава достигла под руководством знаменитого „бича Вожия“—Аттилы, восстановившего, путем свойственного азиатским правителям избения своих родственников и соперников, единство правительственной власти среди Гуннов. В это время, в середине V века, Гунны продвинулись главными своими силами далеко на Запад—в долины среднего Дуная и Тиссы, расположи-

вшись здесь со своими кибитками и стадами. Отсюда, из средней Европы, устанавливал Атила свои воинственные, то мирные отношения к обитам половине распавшейся Римской Империи — Западной и Восточной, откуда он властвовал над покоренными народами от Рейна до Волги. Его личность, отличающаяся незаурядными качествами — энергией, дипломатической изворотливостью, но в то же время и суровой справедливостью, произвела сильное впечатление на воображение покоренных им народов. Германцы, подчинившиеся ему в лице не только восточной своей ветви — Готов и Гепидов, но и западной — Турингов, ввели Атиллу под именем короля Этцели в свой эпос, в частности в знаменитую Песнь о Нибелунгах. В паннонских равнинах находилась главная ставка Атилы, имевшая вид города с постоянными жилищами. В центре этого города за оградой, имевшей форму круга, находился ряд деревянных и отчасти каменных построек, составлявших дворец Атилы. Здесь он принимал послов иностранных государей, стремившихся умиротворить могучего завоевателя. В числе этих послов был византийский ритор Приск, из описаний которого мы почерпнем наиболее подробные сведения о дворе Атилы, сохранявшем черты китайского культурного влияния, а также о быте Гуннов в это время вообще. В этом быте бесспорно встречаются особенности, проникшие к Гуннам от покоренных ими Славян и Германцев; таково питье или меда, как напиток, сохранявшего у них и самое германославянского название (что касается другого напитка Гуннов, называемого Приском „камсом“, то это скорее всего столь употребительный у всех азиатских кочевников-скотоводов кумыс).

Приведенные выше сведения о быте Гуннов во времена Атилы, к сожалению, не касаются причерноморских степей под владычеством Гуннов. Повидимому, это владычество не отличалось особой прочностью, так как по дошедшим данным, отдельные племена, жившие в Черноморьи, то освобождались из под владычества Гуннов, то снова, и нередко добровольно, подчинялись им. Эти племена принадлежали по большей части к урало-алтайской семье народов, служившей неисчерпаемым источником для того потока азиатских кочевых орд, который, начавшись с появления Гуннов в припонтийских степях, катился сюда ряд веков. Слабое подчинение отдельных причерноморских племен верховной власти Гуннов хоть отчасти умерялось теми бесспорными талантами правителя, которыми обладал Атила. Неожиданная смерть Атилы и развал его державы между многочисленными сыновьями вызвали неминуемый распад гуннского государства и освобождение входивших в его состав отдельных народов, в частности Германцев и Славян. Этот распад, произведенный победой объединившихся вокруг Гепидов германских и славянских племен при Нелладе (в Паннонии) в 454 году, вызвал прежде всего изгнание Гуннов из наиболее западных их владений — из средне-дунайской равнины и занятие их германцами; что касается разбитых Гуннов, то часть их осела в восточно-римских провинциях к югу от Дуная, а остальные откочевали в черноморские степи, а также в равнинную часть крымского полуострова, вероятно, в небольшом количестве. Имя Гуннов, разделившихся здесь на две ветви — Утигуров и Кутригуров, сохранялось в этих степях еще долгое время, принимая, однако, все более и более

географический характер в понимании его греческими (византийскими) писателями¹⁾.

§ 9. Распад гуинской державы имел важные последствия для истории причерноморских равнин. Эти последствия были двоякого рода. С одной стороны, отмеченный нами прилив в эти равнины азиатских кочевых орд урало-алтайской семьи, лишь слабо подчинявшихся власти Гуннов, теперь еще усилился. С другой стороны в припонтийских степях, в западной их половине, замечается появление славянских племен. Эти племена снялись с являвшихся для них второй прародины берегов Вислы (первой, по мнению некоторых крупных авторитетов языкознания, были берега Балтийского моря—устья Немана и Западной Двины) после ухода отсюда Готов, чтобы последовать за Готами на заманчивый для всех северных варваров Юг. Однако, это движение Славян на Юг, вероятно к Дунаю, в пределы Балканского полуострова, было задержано сначала осевшими на берегах Черного моря Готами, а затем гуинской грозной силой, подчинившей себе отдельные славянские племена. Теперь для этих уже разделившихся на ветви (западную и восточную) славян, носивших до этого общее имя Споров или Венетов, путь на Юг, к берегам Дуная и Черного моря, был свободен и можно думать, что уже в конце V века Славяне появились у берегов нижнего Дуная. Это появление не могло быть мирным, так как Славянам приходилось пробиваться через различные орды воинственных азиатских кочевников, стремившихся к тому же Дунаю, в заветные южные земли—в провинции Восточной Римской империи. Этим последним обстоятельством и объясняется тот воинственный характер, с которым являлись Славяне в изображении современных их появлению на Дунае историков—у гота Иордана (Иорнанда) и, в особенности, у византийца Прокония Кесарийского. Этот характер находил себе проявление как в многочисленных нападениях Славян на Балканский полуостров, сцелью не только добычи, но и захвата земель для поселения, так и во внутренних усобицах и столкновениях, связанных с дальнейшим распространением Славян не только к Югу, но и к Востоку, по причерноморским равнинам. Нужно, однако, прибавить, что, несмотря на ясность исторических свидетельств о воинственном характере первоначального быта Славян в связи с условиями их расселения, в исторической науке о Славянах еще лишь в недавнее время окончательно упрочилось мнение о наличии воинственного, активного начала в характере и быте славян V-VI веков. Долгое время в этой науке господствовали взгляды о мирном, кочевническом быте первоначальных Славян, вызванные как естественным стремлением славянских историков к идеализации своих предков в виду обратных

¹⁾ О Хуннах (Хиунг-Ну) Селун, *Introduction à l'histoire de l'Asie-Turcs et Mongols* (1896), 44—48; 87—98; 100; Иностранцев, *Хиунг-Ну или Хунну по сообщениям китайских источников* (1900); Нейтман, *о. с.*, 23—77; Грушевский, *о. с.*, 150—157; Забелин, *о. с.*, 318—357; Шахматов, *Восание*, 41; о судьбе Готов, в частности в Крыму—Брун, *Черноморье*, II, 199—204; 228—241; Кулаковский, *Прошлое Тавриды*, 67—69; 109—111; 120—121; Matucci, *Osteuropäische und Ostasiatische Streifzüge* (1903), 365—367—здесь же и о Гуннах в Паннонии; Васильев, *Готы в Крыму* (*о. с.*, 1, 207—341); Braun, *Die letzten Schicksale der Krimgothen* (1890).

тенденций некоторых немецких историков, так и влиянием известного историка-философа конца XVIII века, Гердера, желавшего видеть в Славянах носителей того начала гуманности, которое, по его мнению, лежит в основе развития истории человечества.

Уже вскоре после поселения Славян на Юге, они разделяются на две главных массы: одну, сидящую к Востоку от Прута и, повидимому, до Днестра (а, может быть, и до Дона), и другую, расположенную к Западу от Прута, по направлению к Карпатам и Дунаю. Эти две массы носят названия Антов—родоначальников восточных Славян, и Склаввинов—западных, в частности югозападных, при чем между этими двумя группами происходят иногда столкновения, вызывавшиеся в значительной степени Византийцами, стремившимися использовать более отдаленных Антов для удержания особенно опасных Византийцам Склаввинов от натиска на границы Империи по Дунаю. Вообще, политика Византии по отношению к Славянам, начиная с времен Юстиниана Великого, впервые принужденного серьезно заняться славяно-византийскими взаимоотношениями, носила двойственный характер. С одной стороны, Византия, как носительница идеи мирной Римской державы, старалась подчинить своему культурному влиянию Славян, путем „пожалования“ им для жительства земель не только к Северу от Дуная, в нынешней Валахской низменности, где власть Византийских императоров была совершенно призрачной, но и к Югу, в Мизии и Фракии. С другой стороны, однако, страх перед Славянами, этими якобы „защитниками“ Империи, вызывал стремления Византийцев ослабить силу славянского натиска, путем возбуждения против Славян то той, то другой из надвигавшихся на причерноморские равнины кочевых азиатских орд. Правда, нередко эта политика приводила к неожиданным для Византийцев результатам — союзам этих орд со Славянами в целях набегов на Империю, но в общем она способствовала ослаблению славянского натиска и отливу значительной части восточного Славянства под давлением азиатских кочевников от берегов Черного моря к Северу. Здесь, по среднему течению Днестра, Буга и Днепра, подготавливалась восточная ветвь Славян—Анты, к той крупной исторической роли, которую, под новым именем Руси, ей предстояло сыграть с конца IX века. Пока же Славяне предоставили причерноморские равнины почти на два века (от конца VI до середины VIII столетия) в свободное распоряжение урало-алтайских орд, под властью которых, несомненно, осталась жить часть Славян¹⁾.

§ 10. Первою из урало-алтайских народностей, свободно распространившейся по припонтийским степям вслед за крушением Гуннской державы, были Волгары, входившие раньше, повидимому, в состав этой державы. Эта народность впервые встречается у Византийских писателей VI—VII веков (Прокопия, Феофана, Никифора) под различ-

¹⁾ О переселении Славян на Юг и их быте—Шахматов, о. с. 41—42; 44—48; Погодин А. Л. Из истории славянских передвижений (1901); Грушевский, о. с. I, 162 — 181. Тога, о. с., 63—66; Успенский, Ф. И. История Византии т. I (1913), 386—395; а также новейший труд Шахматова, Древнейшие судьбы русского племени (1919), 6—14.

ными, нередко искаженными именами, среди которых можно установить две группы, сообразно двум главным массам, из которых она распадалась. Именно, к Востоку от Азовского моря, в бассейне Кубани, в стране, известной под именем древней или великой Болгарии, сидели Утургурь, называемые некоторыми источниками Бургарами (т. е. Болгарами). К Западу от Азовского моря, в степях между Доном и Днепром, жили Кутургурь, иначе называвшиеся Котрагами. Все эти племена были известны у Византийцев и под ставшим географическим термином именем Гуннов (или Уиннов). Вопрос о происхождении этих, нередко ожесточенно враждовавших между собою, но несомненно родственных племен, вызвал у ученых немало споров, в виду той значительной роли, которую сыграла осевшая к Югу от Дуная часть Болгар в истории Славянства и восточной Европы вообще. Славянский характер основанного Дунайскими Болгарами государства и населявшего его народа вызвал гипотезу об исконном славянском происхождении Болгар вообще. Наравне с этой гипотезой одно время пользовалась известным весом другая—о фракийском источнике болгарского народа. Однако, как вышеупомянутые свидетельства византийских писателей о первоначальном жительстве Болгар по берегам Азовского моря и Кубани и о последующем вторжении их за Дунай, так и сообщения арабских источников X века о характере Болгарского царства на Волге, выдвинули мнения о неславянском и вообще неарийском происхождении Болгар и приходе их с Востока, с Волги. Эти мнения получили особую доказательность, когда ученые обратили внимание на сохранившиеся остатки древне болгарского (неславянского) языка, в частности на собственные имена в так называемой „росписи“ (или „именике“) первых болгарских князей. Эти лингвистические изыскания не оставили сомнения в урало-алтайском происхождении как языка, так и народности первоначальных Болгар—дунайских и волжских. Более точное приурочение Болгар к тюркской или финской ветви урало-алтайской семьи народов вызывает разногласия среди ученых. Наиболее вероятным является предположение о смешанном характере как народности, так и языке древних Болгар, соединившем финские и тюркские черты, с преобладанием последних. Это предположение находит себе опору в близости языка древних болгар к языку современного приволжского племени Чувашей. Это племя, являющееся результатом смешения финских и тюркских элементов, говорит на языке, отражающем это смешение. Сопоставление сохранившихся остатков древне болгарского языка с чувашским, а также с языком первоначальных Тюрков (о них у нас будет идти речь дальше) дает возможность объяснить удовлетворительным образом формы этого языка.

Движение отдельных урало-алтайских племен, впоследствии объединенных под именем Болгар, с Востока на Запад, в приазовские и причерноморские степи, привело их, начиная с V века, к общению с Византийцами, послужившему, как мы знаем, причиной к проявлению к этим племенам интереса со стороны византийских писателей. Это общение, чаще всего в виде набегов Болгар за Дунай, еще усилилось в VI веке, в связи с дальнейшим передвижением Болгар к Западу, вызванным новым натиском урало-алтайских народностей, выходивших из

глубин Азии — „Турков“ византийских писателей, Аваров и Хазар. Под давлением этих свежих сил, болгарские племена, находившиеся, по сообщению туземной легенды, под властью одного хана — Кубрата, разделились на несколько частей. Одна из них, удалившись в северные, более защищенные природой места по средней Волге и нижней Каме, образует здесь сохранившееся до X века государство Волжских Болгар, послужившее целью походов киевских князей Святослава и Владимира Святославича. Другая часть болгарского народа продвигается вдоль северного побережья Черного моря к Западу. Здесь, в краю, называемом византийскими писателями славянским именем „Угол“ — между нижними течениями Днестра, Дуная и Прута, в нынешней южной Бессарабии, эта ветвь Болгар собирается с силами. Пользуясь ослаблением Аваров, эти Болгары объединяются под властью хана Испериха (или Аспаруха) и в 679 году начинают покорение разрозненных славянских племен, поселившихся между нижним течением Дуная и Балканским хребтом в номинальной зависимости от Византии. Это покорение, вызвавшее ожесточенную борьбу с Византийцами, завершается созданием в X веке могущественного болгарского государства, связанного с именем царя Симеона. Наконец, довольно значительная часть Болгар остается на старых кочевьях Кутургулов — между устьями Кубани, Дона и Днепра, подчинившись здесь владычеству Хазар. Эти Болгары, под именем Черных Болгар, вступают в военные столкновения с византийскими владениями в Крыму — в частности с Херсонесом. Это последнее обстоятельство находит себе отголосок в обязанности, налагаемой греко-русскими договорами X века на киевских князей — Игоря и Святослава — защищать область Херсонеса (или Корсуна, так его называют русские источники) от этих „Черных“ (т. е. несвободных, подвластных Хазарам) Болгар.

Переходя к вопросу о культурном состоянии Болгар, нужно сказать, что часть Болгар, покорившая задунайских Славян, хотя в начале и сохраняла черты своего не арийского происхождения и кочевого быта, стала постепенно подвергаться сильному влиянию более культурных Славян и впоследствии совершенно славянилась. Однако еще довольно долго высший общественный слой дунайских Болгар сохранял в названиях отдельных, составлявших этот слой групп, урало-алтайские черты. Так, глава государства носил титул хан — ивиги (последнее слово выводится из тюркского корня, служащего для обозначения силы, могущества), окружавшие его вельможи именовались тарханами (термин, обозначающий у многих тюркских народов, в этом числе и у Татар, свободного человека, владеющего „белой“, т. е. неосвоенной землей), богатурами (слово тюркского корня, встречающееся и в форме „багадур“ и служащее для обозначения храбрца; оно перешло, как известно, в славянские языки в виде „богатыря“) и боилами, от тюркского слова „бойлу“ — „высокий“ (отсюда выводят термин „бояр“, встречающийся как у Болгар, так и у других славянских народов). Большую роль играет у дунайских Болгар, в первые времена их поселения, принадлежность к тому или другому роду, что выразилось в упоминании рода ханов („Дуло“) в уже известном нам перечне их. В этом же перечне обращают на себя внимание загадочные слова, стоящие возле имен отдельных ханов. Эти слова толкуются одними учены-

ни, как числительные, другими же, как названиями животных, по которым обозначались отдельные годы у родственных Болгарам среднеазиатских Тюрков, позаимствовавших этот способ летосчисления у Китайцев. Жилища дунайских Болгар носили в начале характер полукочевого лагеря—таким была первая столица болгарских ханов Плиска (или Плискова), впоследствии превратившаяся в город, развалины которого были недавно обнаружены русскими и болгарскими учеными возле Абобы (между Шумлой и Варной¹). Найденные при раскопках в Абобе человеческие черепа обнаруживают довольно резкие монгольские особенности, но наравне с этим в черепах заметны и славянские черты, приобретенные, как думают некоторые ученые, Болгарами еще во время передвижения их по черноморским равнинам, где они могли сталкиваться с сохранявшимися здесь частями славянских племен—известных нам Антов¹).

§ 11. Почти одновременно, в середине VI века, появляются на равнинах Восточной Европы два народа, принадлежавшие к урало-алтайской семье и в частности к тюркской ветви этой семьи. Один из этих народов лишь частично и при том ненадолго проник в причерноморские степи, тогда как другому удалось образовать на пространстве не только этих степей, но и на равнинах как Восточной, так и Средней Европы государство, наводившее страх и на Византию, и на земли далеких Франков. Мы имеем в виду, во первых, „Турков“, упоминаемых византийскими писателями VI и VII столетий, и Аваров, во вторых.

Образование из разрозненных до тех пор, не чувствовавших свое родство, тюркских племен Средней Азии, одного большого государства, распространившего, в течение VI и VII веков, свои пределы от Орхона (притока Селенги, впадающей в Байкальское озеро) до Сир-Дарьи, является, по своим последствиям, важным событием для истории не только Азии, но и Восточной Европы. Дремавшее доселе национальное сознание тюркских племен впервые проявляется в виде федерации Огузов. Эта федерация известна у китайских писателей, как государство народа Ту-кию, у византийских—народа „Турков“. Оба эти названия бесспорно связаны с общенациональным именем „Тюрков“, постепенно объединившим вокруг себя целую ветвь урало-алтайской семьи народов. Государство Турков-Огузов обладало довольно высоким уровнем культуры, проявившимся в постройке городов и в создании особого алфавита, дошедшего до нас благодаря многочисленным надписям, найденным в развалинах этих городов (на реке Орхоне). Среди этих надписей особенно важны для истории государства Турков-Огузов две, относящиеся к VIII веку и поставленные ханами Огузов в память своих предшественников. На основании этих надписей мы можем получить представление о социальном строе государства Огузов. Во главе этого государства стояли правители с титулами Или-Хана (т. е.

¹) О Болгарах, их передвижениях и быте, кроме общих трудов Иречка, История Болгар (русский перевод 1878 года) и А. Л. Погодина, История Болгарии, а также Guérin Mongeon, Histoire de la Bulgarie (1913), Bousquet, Histoire du peuple Bulgarie (1909) Успенский, о. с., I, 767—788; Marquart, о. с., 154—156; 244; 503—506; Немцалов, о. с., 91—92; 105—106; Брун, Черноморье, I, 105—106; Кулаковский, История Византии, т. III (1915), 246—250; 376—386; Грушевский, о. с., I, 158—160.

главного хана) и Кагана (откуда в сокращении получилось имя хана). Эти правители являлись прежде всего вождями военной организации тюркских племен. Наличие сложной иерархии должностей, как военных, так и гражданских, а также привилегированных сословий, может быть установлена на основании надписей у этих впервые объединившихся Тюрков, от которых она переходит к ряду позднейших, образованных этнии Тюрками, государств. Мы встречаем здесь титулы „шадов“, „идикотов“, „текинов“, равно как сословие вольных людей — „тарханов“. Образование этого первого крупного тюркского государства произошло лишь после ожесточенной борьбы Огузов с другим, стремившимся к гегемонии над различными племенами Средней Азии народом, называемом китайскими источниками двойко: Жужанями или Те-ле. Эта борьба привела к разгрому государства Жужаней или Те-ле и к торжеству Тюрков, только теперь принявших имя Огузов, в честь своего мифического родоначальника, Огуз-Хана. Могущество государства Тюрков-Огузов достигает к середине VI века такой степени развития, что этим государством начинают интересоваться не только азиатские, но и европейские страны. В частности, между Византией и государством Огузов завязываются в 568 году дипломатические сношения на почве как военных, так и торговых интересов. Глава государства Огузов, Бумин—Каган (Моқан—Хан китайских источников и Дизабул—искажение титула Ябгу—Кагана—византийских), желая установить правильную торговлю китайским шелком, в которой Турки-Огузы выступали в качестве посредников, предлагал Византии заключить с ним союз. Этот союз, оборонительный и наступательный, должен был, по плану Кагана, направляться против общих врагов как Византии, так и Огузов. Такими врагами являлось, с одной стороны, Ново-Персидское царство, достигшее в это время под владычеством Сассанидов апогея своего могущества, с другой стороны народ, который Огузы называли своими „мятежными рабами“. Появление этого народа на арене истории связано с уже известным нам разгромом Турками-Огузами царства Жужаней или Те-ле. Часть этого царства, расположенная в среднеазиатском Междуречьи в долинах Сыр- и Аму-Дарьи, сохраняла некоторое время свое самостоятельное существование, при чем народ, составлявший население этой части, получил от Персов особое название Аб-Теле, т. е. приречных Те-ле, название, которое по мнению некоторых ученых, было переделано Византийцами в Ефталитов. Однако натиск Огузов привел к разрушению независимости царства Аб-Теле, принужденных покориться Огузам и лишь небольшая часть этих Аб-Теле, не желавшая подчиниться Огузам, двинулась дальше к Западу и появилась в прикаспийских и причерноморских степях. Здесь эти „мятежные рабы“ Огузов становятся известными под даваемым им византийскими историками именем Авгаров, и против них-то, наряду с Персами, предлагал Византии союз Бумин — Каган Огузов. Однако эти тюрко-византийские дипломатические сношения не привели к положительным результатам, вследствие страха Византики перед более близкими, а потому и более опасными Аварями, а также нежелания Византийцев вступить в длительный союз с варварами и язычниками—Турками. Неудача этих сношений коренилась также в том обстоятельстве, что могущество государства Огузов, проявившееся одно время в захвате ими берегов Ким-

мерийского Босфора (т. е. нынешнего Керченского пролива) стало клониться к упадку, в связи с распадом государства Огузов на две половины — восточную и западную и возникновением между ними, в последней четверти VI века, междоусобий. Эти междоусобия отвлекли на некоторое время внимание Тюрков от Восточной Европы, в том числе и от причерноморских степей. Этим обстоятельством поспешили воспользоваться недавние „мятежные рабы“ Огузов — Авары¹⁾.

§ 12. Потрясения, вызванные образованием в Средней Азии обширной федерации тюркских племен под главенством Огузов, отразились, как то бывало и раньше, на международных отношениях восточной Европы, в виде появления на ее равнинах новых азиатских кочевников — Аваров. Значение, которое вскоре приобрели Авары для своих цивилизованных соседей, в особенности Византийцев, объясняют нам то внимание, которое уделяли Аварам (а равно и Туркам) византийские историки VI века, Менаандр и Феофилакт Симокатта. Сообщения этих византийских писателей об Авах не всегда отличаются достаточной ясностью и точностью, чем объясняются те разногласия, которые возникли у ученых, пользовавшихся сообщениями этих писателей без достаточной проверки их другими, в частности китайскими, источниками. По мнению Византийцев Авары составились из соединения двух племен — Вар и Хунки, что отразилось на другом имени, дававшемся им Византийцами — Вархонитов. Эти племена были обломками царства, образованного в Средней Азии народом Жуан-Жуан (Жужаней) или Те-ле. В такой форме этот взгляд Византийцев, опиравшийся на усвоение себе такого происхождения самими Аваарами, является неправильным, так как остатки среднеазиатских Жуан-Жуан или Те-ле, разбитых восставшими против них Турками-Огузами, бежали не на Запад, а на Восток, где в области Байкальского озера их знают последние китайские известия. Правильнее можно говорить, что Авары, появившиеся в Европе, являются племенами, подчиненными той наиболее западной части народа Жуан-Жуан или Те-ле, которая, живя по Аму- и Сыр-Дарье, позже остальных была покорена Турками-Огузами. Эти подчиненные племена, эмигрировав вследствие не оставлявших их в покое Тюрков из среднеазиатского междуречья в VI веке в прикаспийские степи, уже нашли здесь народ, известный еще в V веке под именем Аваров, с которым они и слились, усвоив себе его название. Авары к этому времени были уже залучены Византийцами в число тех народов, которые служили срудиями искусной политики Византии, натравливая одних варваров на других в целях самосохранения. Путем подарков Авары были направлены Византийцами против неприятных для последних Угургуров — ветки Болгар, сидевшей по берегам Дона, а затем против еще более неприятных Антов. Эти предки восточных Славян распространяли в VI веке свои поселения все далее к Востоку от Прута, захватывая поднепровские и побужские степи. Таким образом Авары, движимые одновременно стре-

¹⁾ О Тюрках вообще и о государстве Огузов в частности L. Cahen, *Introduction à l'histoire de l'Asie—Turcs et Mongols* (1895), 40—43, 72—82, 99—118; Кушанский, *История Византии*, т. II, 229; 465. См. также Бартольд, *Решения на труд Cahen's* в „Журн. Мин. Нар. Просв.“ за 1896 г., кн. VII.

мнением уйти подальше к Западу от соседства Турков-Огузов и желанием захватить лучшие пастбища, а также приблизиться к сказочным богатствам „Рума“, т. е. Византии, распространяются вдоль северных берегов Черного моря.

Очень скоро, в 60-ых годах VI столетия, Авары проникают в долины сначала Нижнего, а затем и Среднего Дуная. Средне-дунайская равнина становится на ряд столетий центром их государственности, со столицей в Сирмии на Дунае. Отсюда, в течение ста лет Авары производят бесконечные набеги, как на Юг, так и на Запад. Вторгаясь в пределы Византии, они доходят до стен Константинополя, при чем однажды (в 617 г.) им едва не удалось захватить в плен Византийского императора Ираклия. Проникая далеко вглубь Германии, Авары владеют в то же время над рядом славянских племен, в том числе и над известными нам Антами — этими первыми славянскими обитателями причерноморских равнин. Подчинение Антов власти Аваров произошло в результате ожесточенной борьбы. Одним из эпизодов этой борьбы является сохраненное греческими историками сообщение о предательском убийстве Аварами важнейшего вождя Антов—Мезамира. В этом Мезамире, после гибели которого Авары стали особенно сильно опустошать земли Антов, некоторые ученые видят одно лицо с упоминаемым арабским путешественником Масуди вождем славянского племени Валинана, по имени Мажжак. Этот Мажжак объединил, по словам Масуди, ряд славянских племен под своею властью, но союз этот вскоре распался. Предлагаемое учеными отождествление Мезамира с Мажжаком облегчается тем фактом, что Анты жили в бассейне южного Буга, а славянские обитатели этого бассейна именовались в IX—X веках то Бужанами, то Волынянами (название, перевавшее в арабском источнике в форме „Валинана“), то, наконец, Дулебани. Между тем, о подчинении племен Дулебов Аварам (или, как она их называет, Обрам) говорит русская Начальная летопись в своем известном рассказе о нашествиях, принявших Обрами женою Дулебов. Таким образом, является вполне допустимым, что конец объединения Антов вокруг одного из их племен под властью вождя этого племени совпал с апогеем натиска Аваров на причерноморские равнины, принудившего Антов, как мы уже говорили, отодвинуться к Северу.

Владычество Аваров не было, однако, особенно продолжительным в припонтйских степях, так как главные интересы и силы Аваров были сосредоточены значительно западнее—на среднем Дунае. Этим объясняется тот факт, что уже в начале VII века, еще до заметного упадка аварской державы, начавшегося с неудачной осады Константинополя, предпринятой в 626 году Аварами по соглашению с теснившими Византию Персами, племена Антов являются независимыми от Аваров. Они даже выступают враждебно против своих сородичей—более западных Славян, покорных Аварам и участвующих поэтому в их сухопутных и морских набегах на Византию. Мало того, Анты поддерживают союзные отношения с Византией, искавшей теперь помощи против Аваров и подчиненных им Славян, все прочнее оседавших на землях Балканского полуострова. Эта независимость Антов от Аваров могла проявиться еще полнее, когда вслед за упомянутым неудачным походом Аваров на Константинополь против них поднялось почти

всеобщее восстание западных Славян, начавшееся в нынешней Чехии под предводительством загадочного вождя Само. Это восстание сокрушило державу азиатских кочевников, оставивших такое тяжелое о себе воспоминание в народной памяти, что самое имя Аваров сохранилось на долгие века в различных славянских наречиях, как обозначение недоброй, сверхчеловеческой силы, как синоним великанов. Прочных культурных следов не могли оставить эти выходцы из средне-азиатских степей, сидевшие в своих „хрингах“—круглой формы укрепления, служивших им хранилищами для награбленных богатств, откуда они выходили для своих далеких походов или для „примучивания“ соседних славянских племен. Заслугами, но невольными, Аваров являются, с одной стороны, пробуждение стремления к государственному объединению среди западных Славян, и беспрепятственное распространение по припонтийским степям, прочищенным аварским потоком — Хазарам, этого самого культурного из всех тюркских насельников Причерноморья, с другой стороны¹⁾.

§ 13. Появление Хазар в виде организованного государства в восточно-европейских степях относится к гораздо более поздним временам, нежели первые упоминания о Хазарах, как особом народе. Впервые говорят о Хазарах армянские историки, как о племени, живущем на северных склонах Кавказского хребта и ведущем успешную борьбу с армянами и грузинами в III и IV веках после Рождества Христова. Гуннское нашествие покрывает их своими волнами и лишь в VII веке они выступают снова на историческую сцену. Некоторые ученые хотят заполнить этот промежуток истории Хазаров путем отождествления их с Ахацирами—народом, жившим в V—VI веках где-то поблизости Черного моря, в соседстве с Болгарами. Ахациры по характеру ведшейся ими политики являлись предшественниками Хазар—они поддерживали дружеские отношения с Византией и воевали в интересах последней сначала с Гуннами, а потом с Персами (на Кавказе). Однако, самое имя Ахациров, которое одними учеными сближается с названием части Хазар Ак-Хазары (т. е. „Белые“ Хазары), выводится с большим основанием другими специалистами из тюркских слов „агач-эри“, т. е. „лесные люди“. В случае принятия такого словопроизводства, название Ахациров не может быть приложено к степнякам, которыми по преимуществу были Хазары, и скорее может быть применено к Уграм (Венграм)—народу, о появлении которого в припонтийских степях мы скажем дальше.

В начале VII века Хазары выступают перед нами, на основании византийских источников, как народ, владеющий западным берегом Каспийского моря, низовьями Волги и Дона. Хазары являются здесь сначала в качестве вассалов, а потом преемников царства известных нам западных Турков-Огузов. Некоторые ученые даже прямо отождествляют Хазар с этими западными Турками-Огузами. Постепенно

¹⁾ Об Авах—Maguati, о. с., 43—46; 146—147; Neumann, о. с., 85—90; 92—93; Забелин, о. с., I, 385—390; Ключевский, Волжская дуга древней Руси, 20—21; его же, Курс русской истории, I, 123—125; Кулаковский, История Византии, т. III, 51—56; 76—91; Грушевский, о. с., I, 160—161; 180—183; Шахматов, Древнейшие судьбы русского племени, 15—23

Хазары расширяют пределы своего государства на Юг, в Предкавказье, где они покоряют Аланов, затем они вступают в вековую ожесточенную борьбу с Арабами за обладание Кавказом, действуя в последнем случае в союзе с Византией. Одновременно Хазары продвигаются на Запад, подчиняя себе не только приазовские степи с населявшим их кочевым народом Ойгутов, являющимся частью Болгар, по одному мнению, и Уграми—Медьярами по другому, но и культурные греческие колонии Тавриды, с Воспором (Пантикапеею) во главе. Еще более важным с точки зрения специально русской истории обстоятельством является факт распространения хазарского владычества на бассейны не только нижнего, но и среднего Поднепровья в IX—X веках. Этот факт проявляется в платеже дани Хазарам осевшим в Поднепровье, восточно-славянскими племенами, после перехода их сюда с Волыни, в результате аварского натиска. Сфера влияния Хазар простиралась на Запад до Буга, доходя на Севере до истоков Дона—первоначального места жительства платившего Хазарам дань восточно-славянского племени Вятичей, и до среднего течения Волги, в то время, как восточной границей являлся Урал. На этих обширных пространствах, главным образом по низовьям Дона и Волги жили в качестве господствующего племени Хазары—народ, об этнической принадлежности которого высказано столько же разнообразных мнений, как и об их предшественниках в восточно-европейских степях.

Сообщения арабских писателей о существовании двух физических типов у Хазар—смуглого и более светлого, наравне с многочисленными фактами, говорящими о существовании среди Хазар двух общественных классов: высшего и низшего, соответственно называвшихся Белыми и Черными Хазарами (не по цвету кожи, однако, а по общественному положению, в виду свойственного многим восточным народам способа обозначения путем этих цветов социальных различий) приводят к мнению о смешанном племенном составе Хазар. Так как у Византийцев Хазары были известны долгое время под именем „Турков“, а с другой стороны сведения о военной и политической организации Хазар указывают на ее тюркские черты, то поэтому можно думать, что господствующий класс у Хазар скорее всего являлся тюркским по происхождению, тогда как подчиненный мог быть финского корня.

Сословное деление, замечаемое среди Хазар, было связано и с различием в образе жизни, так как в государстве Хазар наравне с кочевым населением было и оседлое, жившее в городах и занимавшееся на прилегающих полях земледелием и садоводством, в особенности вдоль западного берега Каспийского моря. Сведения об образе жизни Хазар, которые приводятся в изобилии арабскими путешественниками, а также содержатся в письме хазарского хакана Иосифа к испанскому еврею Рабби Хисдан (X века), хотя и вызывают некоторые сомнения в своих подробностях, но все таки дают нам ценные данные для характеристики общественного и частного быта Хазар. Несомненно, что города Хазар являлись крупными поселениями, с немалым торговым значением. В особенности это нужно сказать о главном из них, лежавшем на низовьях Волги, около нынешней Астрахани. Этот город распадался на две части, из которых одна называлась Сарыг-шар, что по тюркски означает „желтый город“, а другая—Капу-Балык (или Хаза-

ран), при чем каждая из этих частей носила особый характер, так как в первой из них жили правительственные власти Хазар, а вторая была населена разноплеменными купцами, особенно арабскими. Кроме этого главного города, который в более позднее время носил у Арабов название Итиля, по имени той реки (нынешней Волги), на которой он лежал, заслуживает упоминания Баланджар (повидимому, на западном берегу Каспия, около позднейших Тарков), окруженный цветущими виноградниками. Важное военное значение имел для Хазар Саркел — крепость, построенная по их ходатайству перед византийскими императором Феофилом (в IX веке) византийскими военными инженерами на изгибе Дона в сторону Волги (возле нынешней Качалинской станицы) и известная русской Начальной летописи под именем Белой Вежи (у византийского писателя X века, императора Константина Багрянородного — „Белая Гостинница“). Городов у Хазар, расположенных дальше к Западу, в причерноморских степях, мы не встречаем. Постройки в городах носили довольно жалкий характер, являясь деревянными, обтянутыми войлоком или глянцными хитинами, среди которых возвышался в Итиле кирпичный дворец царя Хазар.

Положение хазарского царя — хагана или кагана (титул, как мы уже знаем, обще-тюркского происхождения, присваивавшийся государям Тюрков Огузов и Аваров) является также характерным проявлением двойственности этнического состава хазарского народа. Именно, в то время, как хаган был священной особой, недоступной для лицезрения почти всех своих подданных, жил во дворце, окруженный своими двадцатью пятью женами, многочисленными санулами, 4 тысячами слуг, вся фактическая власть находилась в руках его наместника. Этот наместник носил чисто тюркский титул бега (или бека), он творил правосудие с семью судьями, которых избирали представители всех существовавших в государстве Хазар вероисповеданий. Бег являлся главою постоянного войска из 12 тысяч человек тяжело вооруженных конных стрелков и копейщиков. Это войско, состоявшее в начале из Хазар, по мере упадка их воинственности стало пополняться наемниками — чистыми Тюрками, которые, будучи мусульманами, выговорили себе право сохранения нейтралитета в случае войн между Хазарами и другими мусульманами. Такое право наемников ставило, конечно, хазарское государство в опасное положение и послужило впоследствии одной из причин его гибели.

Отдельные области хазарского государства управлялись особыми правителями, носившими название тудунов. В социальном строе Хазар мы видим уже встречавшийся нам у других Тюрков класс тарханов, людей знатного происхождения, „обеленных“ (свободных) от податей, но зато обязанных выставлять определенное количество всадников. Мы видим в государстве Хазар правильно организованную систему прямых и косвенных налогов. Этот организованный и культурный характер государства находил себе полное выражение в том мирном сожительстве нескольких вероисповеданий, которое нам описывают современные свидетельства о хазарском царстве. Первоначальной религией Хазар было скорее всего свойственное всем Урало-алтайцам шаманство, т. е. грубая форма анимизма (поклонения духам), хотя на-

равне с ним существовало и почитание неба. Вскоре после основания Хазарами своего государства в Предкавказьи среди них, под влиянием как воинственных, так и мирных столкновений с арабами, стал распространяться ислам. Однако, параллельно с мусульманским влиянием к Хазарам стали проникать представители как христианства, так и иудаизма, в особенности со времени овладения Хазарами побережьями Азовского и Черного морей. Расположенные здесь старые культурные города—Воспор (прежняя Пантикапея), Танаис, Фаягатория (или Таматарха) обладали многочисленными и давними, восходящими к I—III векам после Рождества Христова, поселениями евреев. Таматарха в восточных источниках носит имя „Самхарша, города евреев“. Среди этих евреев христианская проповедь нашла ряд верных сторонников, но большинство осталось верою иудейской религии. Между представителями стольких различных вер в хазарском государстве возникла борьба на почве обращения еще сохранивших первобытное язычество хаган и высшего хазарского сословия в одну из пропагандирующихся этими представителями великих религий. Имеются основания предполагать, что первоначально победа осталась за христианством. Видную роль в этой победе сыграло выступление в качестве проповедника перед хаганом одного из знаменитых братьев — просветителей славян — именно, св. Кирилла (Константина). Одно из посвященных ему житий говорит о пребывании его, по пути к Хазарам, в Тавриде, где он обрел в Херсонесе мощи папы римского, св. Климента, а также познакомился с Евангелием, писанным „рушьскими письмены“, в которых некоторые ученые хотят видеть готские руны. Но эта успешная хазарская миссия св. Кирилла (относящаяся к промежутку времени между 851 и 863 годами) имела малую прочность, так как уже скоро и хаган и его двор приняли иудаизм, которое с этого времени стало религией господствовавшего класса хазарского государства. Причину этого перехода хагана и хазарской аристократии в иудаизм некоторые ученые видят в политических соображениях; в нежелании принимать религию того или другого из могущественных и культурных соседей Хазар—Арабов и Византийцев из страха последующего политического подчинения. Однако, принятие иудаизма не помешало дальнейшему мирному сожительству представителей иудейской, христианской и мусульманской религий в хазарском государстве, что объясняется веротерпимостью, которая проявлялась самим хаганом, выступившим однажды на защиту христиан против мусульман, хотя, как мы уже знаем, мусульманский элемент в виде наемного войска являлся крупным фактором в хазарском государстве.

В своей внешней политике хазарское государство продолжало твердо держаться союза с Византией, вызывавшегося общностью интересов—борьбою с сильными общими врагами, сначала с Персией, а затем с Арабским Халифатом. Этот союз диктовался для Византии также необходимостью сдерживать натиск кочевых азиатских орд, двигавшихся по припонтийским степям к Дунаю—сначала Аваров, а потом Болгар. Положение хазарского государства, находившегося как бы в тылу у этих перемещавшихся орд, являлось очень важным с точки зрения византийских интересов. Возникшие по этим причинам тесные связи Византии с Хазарией (это имя впоследствии надолго упрочилось за

северным побережьем Черного моря) скреплялись даже браками Византийских императоров с хазарскими князьями, а также присылкой из Византии к хазарам нужных им людей—вроде строителей упоминавшейся нами выше придонской крепости Саркела. Постройка этой крепости и, можно думать, целой системы связанных с нею валов, произведенная в 833 или 835 годах, знаменует начало усиленного натиска с Востока и отчасти с Севера новых народов урало-алтайской семьи. Этот натиск выразился прежде всего в движении на Хазарию Магьяр или Угров, народа, которому пришлось сыграть заметную роль в судьбах Европы ¹⁾.

§ 14. Магьяры или Угры—народ, который прежде чем осесть в равнинах Среднего Дуная прошел далекий путь из за Уральского хребта, где он был известен уже Геродоту под именем Юрков. Это имя долго (до XVI века) сохранялось той частью магьярского народа, которая осталась на исконных местах жительства и которую русские летописи называют Югрой. Магьяры бесспорно принадлежат по своему происхождению к урало-алтайской семье народов и относятся большинством ученых на основании лингвистических данных к финской ветви этой семьи, в частности ближе всего к группе, в которую входят теперь зауральские племена Вогулов и Остяков. Исконное близкое соседство Магьяр-Угров с тюркскими народами оказало сильное влияние как на язык, так и на быт Угров, превратив их постепенно из рыболовов и охотников на пушных зверей в скотоводов, чему, конечно, способствовала и перемена магьярами мест жительства. Именно, под давлением двигавшихся из глубин Средней Азии тюркских племен, Угры появляются к Западу от Урала, в восточно-европейских равнинах, сначала в лесистых краях Поволжья. Этим последним обстоятельством некоторые ученые объясняют усвоение магьярами тюркского имени Акациров, т. е. лесных людей. Акациры выступают впервые во времена гуннского могущества в виде ряда разрозненных племен, которые после смерти Атилы и распада Гуннской державы приобретают свободу действий. Часть Акациров расселяется в степях между Кубанью и Доном, и получает здесь особое название Оногузов; из этого названия через сокращение образовалось имя Унгров или Угров, под которым магьяры известны Византийцам и Славянам. Остальные Акациры устремляются, в союзе с другими урало-алтайскими племенами, на Юг, за Кавказский хребет, где под именем Севордик или Сабартов они живут в середине VIII века по берегам Куры. Имя Севордик является, по мнению некоторых ученых, народным армянским переводом названия "Черные" Угры, усвоенного также русской начальной летописью для части магьяр.

Пребывание Магьяр-Угров между Кубанью и Доном совпадает с владычеством здесь сначала Турков-Огузов, а затем Хазар—народа, как мы знаем, наполовину тюркского. Несудивительно поэтому, что Магьяры-Угры подпадают усиленному тюркскому влиянию и, быть

¹⁾ О Хазарах—Neumann, о. с., 101—105; Забелин, о. с. I, 401—407; Врун, о. с., II, 312—316; 319—320; Maqqaqi, о. с. XIV—XV; XL—XLV; 1—27; 301; Грушевский, о. с. I, 226—232; Кулаковский, История Византии, III, 92—95; 285—290; 297—301; 363—364.

может, получают тюркскую княжескую династию. Этими обстоятельствами объясняется долгое (с IX века) именование Византийскими историками Мадьяр Турками, после того, как Византийцам пришлось ближе познакомиться с этими новыми обитателями Причерноморья.

Отношения между Мадьярами—Уграми и Хазарами носили по большей части мирный характер, на основе подчинения первых последним, вследствие культурного превосходства Хазар. Во второй половине IX века эти тесные связи Мадьяр с Хазарами были прерваны вследствие передвижения Угров далее на Запад. Это передвижение было вызвано появлением в Приволжьи еще одного представителя тюркской ветви Урало-Алтайцев, сыгравшего видную роль в истории русского народа—Печенегов. Появление этих кочевников, одно время осевших в степях между Уралом и Волгой, на правом берегу Волги, произошло скорее в результате усиливавшейся слабости Хазарского государства, нежели вследствие давления на Печенегов Хазар в союзе с еще оставшимися в европейских степях обломками царства западных Турков-Огузов, как это сообщает византийский писатель император Константин Багрянородный.

Появление какого-либо нового кочевого народа на обширных равнинах Восточной Европы вызывало, как мы не раз уже наблюдали, ряд последовательно передававшихся толчков, выражавшихся в передвижениях к Западу других обитателей этих равнин. Так и в данном случае давление Печенегов вызвало передвижение Мадьяр-Угров из мест их долгой стоянки между Кубанью и Доном сначала в степи к Западу от Дона. Здесь, по сообщениям Константина Багрянородного, Мадьяры осели в местности Лебедии, орошаемой рекой Хингулузом. Эти имена различно толкуются учеными, отождествляющими реку Хингулус то с Ингулом (притоком Буга), то с Орелью (притоком Днепра, носившим у древних Славян имя Угла), то с еще более незначительным притоком Днепра (в Екатеринославской губернии)—Молочной, образующейся через слияние Чингула с Токмаком. С другой стороны местность Лебедия помещается теми же учеными то около города Лебедина (Харьковской губернии), то по урочищу Лепетихе (по берегам вышеупомянутой речки Молочной). Во всяком случае эта первая новая стоянка Мадьяр-Угров, находившихся в равнинах между Доном и Днепром, оказалась непродолжительной. В результате нового натиска Печенегов на Мадьяр, последние откочевали еще дальше на Запад, в край, называемый византийскими источниками Атедькузу, который приурочивается учеными к пространствам между Днепром (или Днестром) и берегами нижнего Дуная. Это новое передвижение Мадьяр-Угров к Западу отмечено русской начальной летописью, говорящей о прохождении мимо Киева Угров Черных. Эта летопись отличает Черных Угров от Угров Белых, под которыми она подразумевает Хазар, пользуясь здесь уже известным нам восточным обозначением господствующей и подчиненной народностей.

Появление Мадьяр-Угров в западной части причерноморских степей, происшедшее во второй половине IX века, скоро дало себя почувствовать как соседним народам, например, Дунайским Болгарам, так и более отдаленным—Германцам, входившим в состав восточно-франкского государства, и Славянам Великоморавской державы на

среднем Дунае. Еще некоторое время, однако, интересы Мадьяр были устремлены на Восток, к берегам Днепра, где осели их враги Печенеги. Подстрекаемые своими давними соседями и союзниками — Хазарами, заинтересованными в ослаблении новых, более опасных пришельцев — Печенегов, Мадьяры объединяются вокруг одного вождя, утвержденного Хазарами. — Арпада и вступают еще один раз в борьбу с Печенегами. Эта борьба, однако, оказывается не под силу Мадьярам, тем более, что они одновременно подпадают под тяжкие удары знаменитого царя дунайских Болгар — Симеона. В результате этого двустороннего давления Мадьяры покидают оказавшиеся для них мало гостеприимными степи западного Черноморья. Они двигаются вверх по Дунаю, в уже знакомые им по прежним набегам равнины среднего Дуная и Тиссы, которые, как мы знаем, уже не раз служили конечной целью движения азиатских кочевых орд. Покорение славянской Великоморавской державы, уже ослабленной внутренними смутами и германским *Drang nach Osten*, совершилось быстро и с конца IX столетия Мадьяры выступают в роли основателей нового государства, сыгравшего видную роль в истории восточной Европы вообще и Славянства в частности — Венгрии.

О быте Мадьяр-Угров во время их пребывания в припонтийских степях источники сообщают нам мало характерных данных. Как и у других азиатских кочевников, у Мадьяр процветало многоженство, причем жены захватывались у соседних племен путем набегов. Наступившим благодаря этому обстоятельству смещением урало-алтайских антропологических черт с арийскими (скорее всего через посредство Аленов, с которыми Мадьяры жили по соседству долгое время в Прикавказьи) объясняются сообщения некоторых арабских источников о красоте Мадьяр. И в области верований Мадьяр замечаются арийские, точнее иранские, влияния, действовавшие на Мадьяр еще в пору их пребывания в придонских степях, по соседству с Иранцами — арийцами. Такому арийскому влиянию можно приписать господствовавший у Мадьяр обычай перебивать всех пленников — мужчин, чтобы души этих последних служили им рабами в будущей жизни — взгляд, наблюдавшийся как у Скифов, так и у Славян, по сообщениям арабских и греческих писателей. Славянские влияния на Мадьяр в период движения последних по причерноморским равнинам являются тем более допустимыми, что ко времени этого движения уже совершилось расселение восточного славянства на эти равнины¹⁾.

§ 15 Прорыв Печенегов в причерноморские степи вслед за Мадьярами, происшедший вопреки желаниям Хазар, был признаком серьезного ослабления хазарского господства в этих степях. Но должно было пройти еще около ста лет, чтобы хазарское государство сошло со сцены, уступив место другим, более однородным, государственным организациям. Решающую роль в окончательном сокрушении хазарского государства сыграли те восточно-славянские племена, которых мы оставили под именем Антов на среднем течении Днепра и Буга, куда

¹⁾ О Мадьярах-Угров — Neumann, *о. с.*, 56—99; 117—120; Брун, *Черноморье*, II, 320—321; Magouart, *о. с.*, XI—XII; XXI—XXVI; XXXIII—XXXIV; 27—74; 144—145; 160—164; 520—528 Грушевский, *о. с.*, I, 232—235; Sauer, *Histoire générale des Hongrois* (1900). К. Я. Густов, *Австро-Венгрия или ирредунайские земли и судьбы славянства и в русском историческом изучении* (1914).

они удалились от аварского натиска. Хазарское господство — я причерноморских равнинах принесло с собою известное умиротворение в этих краях и под покровом этого господства уже со середины VII века началось продвижение отдельных племен восточных Славян, как на Юго-восток, так и на Юго-запад. Это продвижение продолжалось сравнительно беспрепятственно два века, до того нового натиска урало-алтайских племен на восточную Европу, с первыми стадиями которого в виде передвижений Мадьяр и Печенегов мы уже познакомились. В юго-восточном направлении славянские поселения достигли в VIII веке нижнего течения Дона, получившего вследствие этого у арабских писателей название „Славянской реки“. В руках Славян оказывается один из старинных греческих городов на нынешнем Таманском полуострове — Таматарха (или Фанагория), получающая прославленное в русских летописях и в *Слове о Полку Игореве* имя Тмутаракани. Многочисленность славянских поселений в Подоньи и Приазовьи подтверждается сообщениями арабских писателей о тех десятках тысяч славянских пленников, которых выводили арабские вожди из хазарской земли во время своих победоносных походов.

Наравне с этим восточным потоком славянской колонизации, приписываемым учеными то Северянам то Вятичам — этим наиболее восточным из всех восточно-славянских племен, обозначается и другой поток. Он идет в южном направлении к нижнему течению Днепра и Буга, к берегам Черного моря, за которым скоро установится привычное название „Русского моря“. Это южное движение восточных Славян могло начаться несколько позже, чем восточное, так как влияние Хазар сюда проникало медленнее, вследствие присутствия здесь еще достаточно многочисленных кочевых масс. Это были, с одной стороны, не ушедшие еще за Дунай Болгары и не присоединившиеся еще к главной своей орде в среднедунайской низменности Авары, с другой. Поэтому только к VIII столетию может относиться расселение славянских племен по низовьям Днепра, Буга и Днестра. Сведения, которые нам дает Начальная летопись об именах и местах жительства этих племен, несколько сбивчивы, что объясняется немалым промежутком времени, отделявшим это расселение от эпохи составления Начальной летописи, т. е. от XI века. По нижнему Днепру, может быть, по обоим берегам его, вплоть до Буга, сидело племя Уличей, которое позже, вероятно, под напором Печенегов, передвинулось западнее, за Буг, до течения Днестра, потеснило этим другое племя — Тиверцев. Тиверцы позже занимали пространство нынешней Бессарабии, вплоть до дельты Дуная; их имя связывают то с древним названием Днестра — Тирас и с жившими тут некогда Тирагетами, то с именем западной ветви Готов — Тервингов, живших в Приднестровьи. Эти племена должны были вначале вести довольно упорную борьбу с продвигавшимися к Западу Мадьярами, из которой они вышли сравнительно без ущерба, чего нельзя сказать о позднейших столкновениях их с Печенегами, вынудившими их в первой половине X века потесниться на Запад — к Днестру и Дунаю. Здесьние поселения восточных Славян, очень многочисленные по сообщениям Начальной летописи, были известны Грекам под географическим названием Великой Скифии. Летописец при этом отмечает существование у этих славянских племен городов; имя одного из

них—Пересечена, выступает в летописи в связи с осадой его войсками Киевского князя Игоря Старого—одного из первых строителей русской государственности. Возможно, что об этих же славянских, уже разрушенных Печенегами, городах говорит Константин Багрянородный, помещая их к Западу от Днепра. Пребывание этих славянских племен среди постоянно сменявших друг друга азиатских кочевников повлекло за собою смешение их с этими степняками. Это смешение отразилось в названии этих причерноморских славян Толкиовинами—именем, вызывающем различные предположения. Некоторые ученые выводят слово „Толкиовины“ из двуязычного характера этих славянских племен, позволявшего считать их как бы переводчиками—тем более, что другой старинный термин для понятия „переводчик“—толмач, может быть выведен из названия одного печенежского рода — Толмат. Важнее всего было, конечно, культурное влияние наиболее прочного соседа этих причерноморских славянских племен—Хазар, к этому то влиянию мы и обратимся¹⁾.

§ 16. Расселение славянских племен в припонтйских степях, происходившее с особою интенсивностью в VIII веке и в первой половине IX столетия, обуславливалось, как мы уже знаем, присутствием в этих степях сравнительно культурного хазарского народа. Этот народ являлся, с одной стороны, защитником подчинившихся ему, отчасти добровольно, Славян от постоянно грозивших новым прибоем воли урало-алтайских кочевников. С другой стороны, Хазары предоставляли этим своим подданным пользование теми выгодами, которые связаны были с правильным функционированием хазарского государственного организма. Одной из главнейших таких выгод было участие Славян в том оживленном торговом обмене, который завязался в юго-восточной Европе со времени укрепления здесь хазарского государства. Торговые интересы Хазар носили разнообразный характер. Владение берегами Каспийского моря и предгорьями Кавказа вводило Хазар в торговые сношения с культурными народами, как жившими по берегам этого моря—каковыми являлись Персы и отчасти Армяне, так и с более отдаленными, распространявшими свое политическое и культурное влияние до этих краев—Арабами времен Халифата. Господство Хазар, прямое или посредственное, над побережьями Азовского и Черного морей, с их давними культурными центрами, в виде греческих колоний, приводило Хазар к сношениям с высоко-развитыми в экономическом отношении областями Византийской империи. Наконец, обладание нижним течением Волги, этой могучей водной дороги восточной Европы, ставило Хазар в связь с северными краями Балтийского моря и Уральских гор. Такое выгодное центральное положение Хазар находило свое выражение в той оживленной торговой жизни, которую отличалась столица Хазарского государства—упоминавшийся нами двойной город на устьях Волги, известный Арабам под именем Итиля. ♦

¹⁾ О расселении славянских племен в Черноморье—Шахматов, Византизм, 49—52, 63—64; 92, 97—99; Магдальт, о. с., 162—164, 189—194; Грушевский, о. с., I, 783—784, 194—197; 201—204; о происхождении имени Тиверия—Забелин, о. с., I, 268. Брук, о. с., II, 206; Шахматов, Древнейшие славяне, 28—39,

Выгодами хазарской экономической жизни славянские племена должны были воспользоваться уже вскоре после своего продвижения к Югу, к берегам Черного и Азовского морей. Действительно, уже по сообщениям арабских писателей первой половины IX века, славянские купцы не только постоянно посещают Итиль, но плавают также по Каспийскому морю и с торговыми караванами доходят до Багдада. Товары, приобретающиеся славянскими купцами на этих восточных рынках, перепродавались ими частью на Запад, а частью на Север. Эта перепродажа производилась или непосредственно, для чего восточно-славянские купцы отправлялись в далекие странствования, доводившие их до долины среднего Дуная, до Чехии и Польши, или же при посредничестве иноземных купцов, скорее всего Евреев, служивших связующими звеньями для западной и восточной торговли в тяжелые для культуры века народных переселений. Наравне с восточными рынками славянские племена Черноморья тяготели к более близким к ним рынкам греческого мира, как в виде ушедших после бури народных переселений припонтийских колоний, в особенности Херсонеса, так и в лице главного центра этого мира—Византии. Давние торговые связи, восходящие ко временам Римской Империи и предшествующие появлению Славян в причерноморских равнинах, способствовали установлению той знаменитой торговой дороги, которою являлось течение Днепра. Впрочем, энергичное использование этой дороги, создание при ее посредстве кратчайшего сообщения Черного моря с Восточным, является более поздним фактом, нежели существование оживленных торговых сношений между Черноморским и Балтийским культурными районами при помощи кружного Волжско-Донского пути. Этот интересный для нас факт находится в связи с овладением восточно-славянскими племенами всем Днепровским бассейном и с проникновением их в область финского прибалтийского бассейна—событиями, примыкающими по времени (IX век) к утверждению в восточно-европейской равнине русского государственного начала.

Прочными следами оживленной экономической жизни в восточно-европейской равнине являются те многочисленные клады монет, которые здесь открываются с давних времен. Среди этих монет наиболее древними (после римских) являются восточные монеты, как персидские времен Сасанидского царства (начиная с V века), так особенно многочисленные арабские, эпохи Халифата. Начинаясь монетани VIII столетия, арабские серебряные «диргемы» особенно часто относятся по времени своей чеканки к IX–X векам, что указывает на наивысший именно в эти века прилив арабской монеты в восточно-европейские, в частности прикаспийские равнины, конечно, в связи с расцветом в это время как хазарской, так и зависевшей от нее восточно-славянской торговли. Это изобилие арабских монет, при том главным образом на Севере восточно-европейской равнины, толкуется учеными как признак превышения в арабской торговле вывоза из изобилующих естественными богатствами стран восточной Европы над ввозом в эти страны восточных товаров. Однако, не следует забывать, что торговля со стороны славянских купцов носила еще в сильной степени характер выменивания привозимых ими товаров, в особенности мехов, на драгоценные металлы, как в виде слитков, так и в виде монет. Эти

характером славянской торговли объясняется в достаточной степени такой односторонний, иноземный состав монетных кладов. Причину же большего сосредоточения этих кладов в северных краях можно искать в большей культурности Юга восточно-европейской равнины, проявлявшегося интерес к производству Востока и выменивавшегося на них своим продуктом, тогда как Север стремился лишь к накоплению ценных металлов, в частности в виде монет. Нужно еще сказать, что монеты местной чеканки появляются в восточно-европейских равнинах лишь с XI века, в связи с прекращением прилива восточных, арабских монет вследствие упадка арабского Халифата и гибели хазарского государства, и с объединением восточно-славянских племен в Киевскую державу времен Владимира Святого и Ярослава Мудрого.

На ряду с арабскими монетами, но более позднего времени чеканки и в меньшем количестве, мы видим в восточно-европейских кладах византийские монеты, а также западные, среди которых наиболее ранними по времени являются англо-саксонские. Последнее обстоятельство объясняет нам, почему, согласно рассказу Начальной летописи, восточно-славянские племена платили Хазарам дань „по щельгу с рала“, т. е. по шиллингу, исконной денежной единице англосаксов, наравне с пенни (пенсом), также нашедшем свое отражение в древнерусском „пенязе“.

Дальнейшее развитие экономической жизни в восточной Европе вообще и в Причерноморьи в частности, связано с ростом соперника, а затем и преемника культурного Хазарского государства — с ростом объединившей восточно-славянские племена Руси¹⁾.

§ 17. Вопрос о начале Русского государства, в частности о племенном происхождении тех Варягов—Руси, которым древнейший русский исторический источник—Начальная летопись, отводит такую главенствующую роль в деле создания этого государства, этот вопрос имеет уже свою почти двухвековую научную историю и вызвал колоссальную ученую литературу. Вот одна из причин, почему этот „Варяжский вопрос“ будет нами рассматриваться лишь в той мере, в какой создавшееся государственное объединение восточно-славянских племен усиливало их значение в политической и культурной истории Причерноморья.

Первая половина IX века приносит с собою ряд известий о появлении на берегах Черного моря неизвестного до тех пор Грекам воинственного народа, который они называют „Рос“. Сведения об опустошениях, произведенных этим „диким, жестоким и немилосердным“ народом, как на южном, мало-азийском, берегу Черного моря, так и на крымском побережье, в окрестностях сначала аланского, а потом греческого города Сугдеи, сохранились в житиях местных греческих святых—Георгия Амастридского и Стефана Сурожского (т. е. Сугдейского, Сурож—позднейшее славянское имя Сугдеи), в виду чудес,

¹⁾ Об экономической жизни в восточной Европе (в частности в Причерноморьи) в эпоху хазарского владычества — Доляков-Запольский, История русского народного хозяйства, т. I; Святловский, Прimitивно-торговое государство, как форма быта (1914), 201—229; Е. Н. Щепкин, Варяжская зира (1915), 3—57; Грушевский, о. с., I, 284 — 302; Шахматов, о. с., 64—65. Szekowski, Najstarsze drogi z Polski na Wschód (1909), 41—63.

связывавшихся народною памятью с временами этих опустошений. Если могут быть допустимы известные сомнения, в связи с вопросом о времени написания этих житий, относительно приурочения этих набегов народа Рус (т. е. Руси) к первой половине IX века (или даже к концу VIII), то вполне точно засвидетельствован новый, гораздо более многолюдный и смелый набег того же народа. Об этом нападении Руси на центр восточно-христианского мира, на Константинополь, происшедшем в 860 году (как это теперь точно установлено новейшими учеными разысканиями), говорят как сообщения византийских исторических хроник, так и красноречивые церковные произведения знаменитого константинопольского патриарха Фотия. Одновременные с этим событиями сообщения арабских историков о нападении народа Русь на южное побережье Каспийского моря указывают на существование каких-то общих причин, вызвавших к середине IX века если не на самых берегах Черного моря, то вблизи их образование воинственного государственного соединения, носившего до тех пор неизвестное имя Руси (Рус). На государственный характер этого соединения бросает свет знаменитое сообщение западных Бертинских анналов, повествующее о прибытии в 838 году в Константинополь посольства от царя народа Руси, носившего имя (или, как думают большинство ученых, титул) Хахана. Хахан (или каган)—это хорошо известный нам титул тюркских государей, переходивший, вместе с культурными влияниями, особенно Хазарскими, и на подчиненные или соседние народы. Между прочим, мы встречаем этот титул в позднейшем XI века) церковно-славянском литературном памятнике, в „Слове о законе и благодати“ киевского митрополита Илариона, в виде именованного Владимира Святого „благочестивым каганом“.

Эти первые известия о набегах народа Руси на берега Черного и Каспийского морей еще не дают нам точных сведений о месте его сосредоточения и позволяют вследствие этого высказывать мнения о проживании этой Руси на северо-восточных берегах Азовского и Черного морей, т. е. приводят, таким образом, эту Русь в связь с упоминавшимися нами раньше славянскими поселениями в низовьях Дона и на Таманском полуострове. Однако, последующие, гораздо более многочисленные и точные известия ведут нас на средний Днепр, как место формирования того крупного государственного организма, который явилась киевская держава Владимира Святого и его ближайших преемников. Приложение имени Русь в специальном, тесном смысле к земле Польи, к окрестностям Киева, заставляет думать, что и в более раннюю эпоху это имя, связывалось скорее всего с теми же местами. Конечно, это не предreshает вопроса о самом происхождении этого имени и о его первоначальных носителях. Этот вопрос и теперь еще далеко не решен, как не решен и вопрос о тех силах, которые сплотили в одно целое разрозненные восточно-славянские племена. Являлись ли эти силы проявлением исконных туземных начал, в лице старейшин племен или даже князей, существовавших у Антов еще в VI веке, или же перед нами чуждые элементы, скорее всего скандинавские дружинные вожди, сумевшие захватить власть, пользуясь благоприятными обстоятельствами? Определенного ответа на эти вопросы наука русских древностей еще не дала.

Огромную роль в деле сложения восточно-славянских племен в Киевскую, „Русскую“ (в первоначально-узком значении слова) державу бесспорно сыграли экономические причины. Господствовала ли среди Восточных Славян прежде всего торговая деятельность или наряду с нею играла важную роль добывающая промышленность, в виде использования тех естественных богатств, которые давали лес, река и отчасти степь—в этом вопросе мнения исследователей расходятся. Во всяком случае, неоспоримо значительной была роль торговых путей на Руси, среди которых первым по важности явился водный Днепровский путь, в деле объединения отдельных племен в тяготеющие к отдельным городским центрам области, а затем в подчинении этих городских областей наиболее выгодно расположенной из них в экономическом отношении Земле Полян, с Киевом во главе. Эта роль торговых путей, и в частности, Днепровского, блестяще подтверждается теми сообщениями, которые мы находим у известного византийского писателя, императора Константина Багрянородного. Его знаменитый рассказ, содержащийся в труде „о народах“, хотя и относится к более позднему времени (X век), но бесспорно характерен и для предшествующего—конца IX и начала X века—момента объединительной деятельности племени Русь, живущего, по словам Константина, на правом берегу среднего Днепра и господствующего над соседними славянскими племенами. Сосредоточение в Киеве многочисленных лодок однобережек, сплавляемых сюда местными жителями по Днепру и его различным притокам, нагрузка их здесь результатами того сбора дани, который под именем „полюдьа“ производил господствующим элементом, „русским“ в узком смысле слова, у зависимых от Киева и в политическом и в экономическом отношениях племен, в числе которых под именем Ултинов выступают славянские обитатели Черноморья—Уличи—все это яркими чертами рисуется нам Константином Багрянородным. Наконец, рассказ о сосредоточении всей нагруженной товарами флотилии с ее „русским“ экипажем в начале лета у Витичева на Днепре для отправления в далекий путь через пороги „в Греки“ завершает получаемое нами представление о том военно-торговом характере, который носила новая государственная организация, передавшая постепенно свое имя „Руси“ и подчиненным ей областям.

Те же торговые интересы вызвали и регулировали отношения этого нового государственного организма и к его соседям, как восточным, так и южным. Подчинение киевской центральной власти наиболее южных из славянских племен—Уличей и Тиверцев, относимое летописью к полуполюдарным временам Аскольда и Дира, завершонное Олегом и Игорем, вызывалось стремлением господствовать над низовьями Днепра и северным побережьем Черного моря—продолжением Днепровского пути в Царьград. Постепенное завоевание киевскими князьями (особенно Святославом) заднепровских племен—Северян, Радимичей, Вятичей, преследовало цель, помимо приобретения новых источников сбора дани, проникновение в бассейны Дона, а затем и Волги—этих исконных путей восточной торговли, еще остававшихся в слабых руках Хазар. Ряд опустошительных набегов уже известной Арабам Руси на южные берега Каспийского моря в начале и средние X века обнаруживает силу, которую под влиянием этого нового связую-

щего начала почувствовали столь долго покорные хазарскому государственному и культурному влиянию осевшие в Поднепровьи и в Приазовьи славянские племена. Но этим племенам для закрепления тех торговых выгод, которые им сулили берега Черного, Азовского и Каспийского морей, нужно было считаться с тем вечной обновлявшимся тюркским потоком, который наводнил уже ряд веков южно-русские степи. Перейдем поэтому к рассмотрению взаимоотношений отдельных тюркских племен между Волгой и Доном в конце IX века—где мы их оставили, чтобы коснуться расширения славянской колонизации и сформирования русского государства на Днепре ¹⁾—

§ 18. Мы видели, что к концу IX века тот оплот оседлой культуры от кочевого варварства, каким являлись в прикаспийских и причерноморских степях Хазары, не выдержал усилившегося натиска двигавшихся с Востока новых тюркских народных волн и дал серьезную трещину, позволившую передовой из этих волн. Печенегам, раздвинуть по широкому простору припонтийских степей. В противоположность некоторым из своих предшественников—Аварам, Болгарам, Мадьярам, стремившимся дальше на Запад, в более заманчивые долины среднего и нижнего Дуная, Печенеги надолго расположились в южных степях, заняв пространство от Дона до устьев Дуная, получившее у Византийцев название „страны Печенегов“. Самое имя Печенегов является у восточных писателей в формах Баджнак или Пачнак, но наравне с ним существовало особое название для более благородной и мужественной части народа (по словам Константина Вагнеродродного)—Кангар, указывающее на происхождение Печенегов от одного из племен известных нам средне-азиатских Турков—Огузов, носившего это имя, сохранившееся до позднейших времен (в форме „Канклы“) у Узбеков Туркестана. Вся масса кочевников, объединившихся под именем Печенегов, распадалась на восемь „колен“ или орд, имевших определенные места для кочевок, при чем четыре из этих колен разместились между Доном и Днепром, где имя одного из них — Чур, оставило след, по мнению некоторых ученых, в названии одного из притоков Дона—Чира. Остальные четыре колена кочевали западнее, между Днепром и Дунаем. Общественный быт многочисленных печенежских орд мало чем отличался от порядков других тюркских кочевников. Мы видим у них отдельные предводителей, которых наша летопись называет князьями (Куря—победитель Святослава), стоявших, повидимому, во главе отдельных „колен“; о верховных правителях над всеми коленами Печенегов, подобно

¹⁾ Не перечисляя хотя бы главнейших сочинений из громадной литературы по вопросу о Варягах—Руси и основании русского государства, укажем на последнюю по времени сводку материала и научных мнений в I томе истории Украины, Грушевского (в его 3-м украинском издании 1913 г., или в русском переводе—История Киевской Руси, 1911 г., стр. 370—388; 602—624), а также на блестящие по новизне и смелости взглядов страницы „Введения в курс истории русского языка“, академика Шахматова, в особенности стр. 65—72; критику этих взглядов см. в сочинении Пархоменка—Начало христианства Руси, 1913 г. Новейшее резюмирующее изложение взглядов Шахматова—Древнейшие судьбы русского племени, 43—64. См. также об экономических причинах сложения Киевской державы—Ключевский Я. Воярская дума древней Руси (1882), 21—28 (то же в Курсе русской истории, т. I, 1904); Рожков, Русская история в сравнительно-историческом освещении, т. I, (1919), 76—92; Szelagowski, о. с., 87—96.

аварским ханам, мы не слышим. В каждом колене существует народное собрание—„коментон“, ограничивающее довольно сильно власть князя и даже избирающее его, но из членов одного определенного рода. Своим нравственным укладом Печенеги вызывали даже в привычных к Тюркам арабских путешественниках отрицательное к ним отношение, как своею грубостью нравов, доходившей до цинизма, так и своею алчностью, особенно ярко проявлявшейся при переговорах с иностранными правительствами, заинтересованными в военной помощи Печенегов. О последней черте особенно подробно говорят византийские писатели, в частности Константин Багрянородный. Мы не слышим, чтобы в этих краях Печенегов произошло какое-либо смягчение после распространения среди них мусульманства. Можно думать, что уже во второй половине IX века, после расселения Печенегов между Доном и Дунаем, к ним стала проникать мусульманская пропаганда при посредстве персидских купцов, что имело место в это же время и среди Дунайских Болгар. Эта пропаганда вызвала сначала кровавые раздоры среди Печенегов, часть которых придерживалась исконного язычества (которое Арабы изображают в виде поклонения огню), но привела в конце концов к торжеству ислама и среди этих Тюрков. Как большинство мусульманских прозелитов, Печенеги отличались нетерпимостью к попыткам распространения среди них других вер—в частности христианской, о чем мы находим сведения в письме немецкого миссионера Бруно к императору Генриху II. Бруно посетил, при посредстве Владимира Святого, в начале XI века кочевья Печенегов на границах Киевской Руси в тщетной надежде обращения Печенегов в христианство. Если позже, во второй половине XI века, Печенеги, переходившие целыми массами в пределы Византии, и крестились в значительном количестве, то это обращение оказывалось по большей части крайне непрочным, так как диктовалось политическими расчетами, а не влиянием христианской культуры на этих кочевых варваров.

По внешности своей Печенеги отличались крупным ростом, длинными бородами и усами—черты, выделяющие их из среды других уральско-алтайцев и объяснимые меньшей примесью в них финских элементов, чем, например, в Гуннах. В пищу Печенеги употребляли, по словам и западных писателей и Арабов, просо (неизвестно, однако, собственного ли производства или покупное), но главной их едой было мясо различных, не только диких, но и домашних (лошадь, козлик) животных, при том в сыром виде: даже кровь этих животных (лошадей) являлась у них лакомством. В способе военных действий Печенеги мало чем отличались от других кочевников, применяя притворное бегство для заманивания врагов, которых они затем осыпали тучами стрел или поражали копьями и мечами. Ловкое пользование природными складками местности—степными балками, переправа через реки на набитых соломой мешках из воловьей кожи, наконец отсиживание за укреплением, сделанным из высоких, крытых кожами, повозок, характеризуют военное искусство Печенегов чертами, общими и для их преемников в южнорусских степях—Половцев. Воинственность и свирепость Печенегов производили впечатление даже на других кочевников, которые, как, например, Магьяры, потерпев сильное поражение от них, всячески уклонялись от приглашений византийских послов—вступить в новую

борьбу с Печенегами, ссылаясь на многочисленность и жестокость их. В случае совместных военных действий Мадьяр с Печенегами, первые, по рассказам арабских писателей, подчинялись предводительству печенежских князей. Эта воинственность Печенегов начала несколько смягчаться при более близком и продолжительном сожительстве с культурными народами. Так, одно из Печенежских колен, кочевавшее на севере Крымского полуострова, пользовалось греческой колонией — Херсонесом, как рынком для сбыта некоторых своих продуктов — кож и воска в обмен на культурные предметы. Это же колено поставляло проводников и охрану для греческих купцов, отправлявшихся из Херсонеса вглубь припонтийских степей, как на Север — в Приднепровье, так и на Восток, в Хазарию. Особый интерес для Печенегов ввиду этих торговых сношений с Поднепровьем представляло господство над переправой через Днепр у Крайского брода — местности, приурочиваемой к нынешнему Кичкасскому перевозу в области днепровских порогов и острова Хортицы. Это место, где Днепр стеснен в своем течении высокими скалами, господствующими над ним, служило Печенегам не только для переправы их и конвоируемых ими херсонесских купцов, но чаще для засады и нападения на те спускавшиеся вниз по Днепру торговые флотилии среднеднепровских Руссов, путешествие которых по внешней воде из киевских окрестностей через днепровские пороги так подробно описывает Константин Багрянородный. Только пройдя через это опасное место, нередко с боем, Руссы могли чувствовать себя в безопасности от Печенегов и выражали это чувство в языческую пору принесением жертв на ближайшем к перевозу острове, называемом Константином островом св. Григория — нынешней Хортице.

Эти торговые отношения Печенегов к Византийским колониям, а также нападения на торговые караваны русских полу-воинов, полу-купцов вводят нас в область международной политики Печенегов. Конечно, Печенеги по своему невысокому культурному уровню, не давшему даже развиться у них государственному началу, могли по большей части только служить орудием в руках неизмерно выше их стоявших соседей, какими являлись Византийцы. Вполне понятно, что Византийцы, всегда зорко следившие за тем вечно кипящим котлом полу-диких народов, каким являлись в течение ряда веков припонтийские степи, обратили свое внимание на Печенегов уже вскоре после их появления в этих степях и постарались использовать их против других варваров, уже известных Византийцам, как опасные соседи. Давняя дружба, связывавшая, как мы видели, Византию с Хазарами, была причиной, почему в первое время после прорыва Печенегов за Дон, нанесшего тяжелый удар Хазарскому государству, Византия относилась отрицательно к упорочению Печенегов в причерноморских равнинах и старалась поднять против них согнанных Печенегами с насиженных мест в Лебедии Мадьяр. Убедившись, однако, в неудаче своей политики ввиду страха Мадьяр перед Печенегами с одной стороны и тяготения их к долинам Дуная с другой, Византийцы изменили свое отношение к Печенегам. Эта перемена диктовалась двумя важными обстоятельствами. Соседство Печенегов с греческими, еще удельевшими владениями в Крыму требовало со стороны Византии сохранения дру-

жесточайших отношений с многочисленными и воинственными кочевниками. Эти дружественные отношения с Печенегами были еще более важны для Греков в виду той дасякой опасности, которая грозила Византии как со стороны достигавшего в начале X века апогея своего могущества Болгарского Дунайского царства, так и со стороны проявлявшей себя все более смелыми морскими походами Киевской Руси. Положение Печенегов в центре, между этими двумя опасными для Византии народами, позволяло византийской политике направлять Печенегов поочередно то на одного, то на другого из этих врагов. Правда, иногда византийцы старались использовать и одного из этих врагов против другого; так, в начале X века они проектировали устройство коалиции из Печенегов, Руссов Олега, только что после своего царьградского похода заключившего договор с Византией и других, более отдаленных народов—коалиции, направленной против грозившего стенам Константинополя болгарского царя Симеона. Коалиция эта не состоялась, так как интересы некоторых из ее участников—Печенегов и Киевской державы, слишком не совпадали друг с другом. Однако, коварная политика Византийцев давала иногда неожиданные результаты, в особенности при той крайней жадности к добыче, которая отличала Печенегов. Так, мы видим Печенегов участвующими массами в набегах на Византию вместе со своими прежними врагами Мадырами в 934 году; есть возможность предполагать о союзе Игоря с Печенегами против Византии при его походе в 941 году. Вовлечение Греками Печенегов в их ожесточенную борьбу с погибавшим Болгарским царством времен царя Самуила (в конце X и в начале XI веков) принесло больше вреда, чем пользы Византии, приутив Печенегов к пути за Дунай, где, уже после сокрушения Болгар, они вымогали себе у победителей Византийцев места для поселений, скорее всего в нынешней Добрудже. Еще опаснее было для Византийцев то деятельное участие, которое Печенеги стали принимать во внутренней политической жизни Византии X и XI-веков, столь изобилывавшей заговорами и мятежами, в которых они становились на сторону щедрее сыпавшего деньгами претендента на престол, что не мешало им изменять ему и нарушать договоры в расчете на более выгодную сделку. Но все же нужно признать, что в причерноморских степях Печенеги сослужили немалую службу Византии, способствуя уменьшению могущества объединявшихся вокруг Киевской Руси славянских племен. Конечно, в борьбе с этими племенами, сначала с южными—Тиверцами и Уличами, Печенеги преследовали свои непосредственные цели, в виде вытеснения их с нужных Печенегам для свободного кочевания обширных причерноморских равнин. Такие же выгоды, в виде все учащавшихся (со второй половины X века) набегов на расположенные севернее, на среднем Днепре, племена, повлекли Печенегов в ту борьбу с киевскими князьями, которая превращается, по словам нашей летописи, в „рать без переступа“, на которую должен был уделить столько сил организатор Киевской государственности—Владимир Святой. Еще раньше, в эпоху наибольшего воинственного размаха Киевской Руси, во времена Святослава, Печенеги являлись опасными врагами этого князя, тормозящими, под руководством византийской политики, ту смелую затею, какой являлось превращение Святославом Дунайской Болгарии в „середу земли“ его.

Самая гибель Святослава, на обратном пути в Киев, около игравшей такую важную для Печенегов роль Крайнейской переправы, является делом рук этих непримиримых врагов русского государства.

Борьба Печенегов с объединившимися вокруг Киева славянскими племенами не мешала этим последним простираť свое влияние не только на причерноморские степи, но и дальше на Восток — на берега Каспия и предгорья Кавказа. Это влияние опиралось на те, уже упоминавшиеся нами, необычайно смелые походы, которые приводили русские дружины на берега Куры и в горы Адзербейджана (в северной Персии). Конечно, известную роль играло в этом влиянии продолжавшееся, не смотря на печенежское господство в Причерноморье, существование Тмутаракани и других славянских поселений на границах Хазарского государства. Состояние этого государства в течение X века представляло картину прогрессирувавшего упадка, как вследствие истощения господствовавшего тюркского элемента в результате вековой борьбы с Арабами, так и вследствие продолжавшегося натиска свежих тюркских сил с Востока. Против этого натиска правящему хазарскому слою приходилось искать защиты у других таких же Тюрков, но более культурных — жителей Хваризма (нынешней Хивы), ценою, однако, отказа от иудаизма и принятия мусульманства, все более распространявшегося среди Тюрков. Слабость хазарского царства позволяла русским дружинам, как и Печенегам, проходить без его разрешения в желанные им края, в частности, перетаскивать лодки из Дона в Волгу при помощи того „волока“, который образуется сближением этих двух рек, при чем как те, так и другие производили это перетаскивание не смотря на существование здесь специально построенной для Хазар византийскими инженерами крепости Саркела. Однако, Хазары иногда собирались с силами и наносили ощутительные удары отогченным добычею русским дружинам на их обратном пути. Еще более решительным шагом с их стороны является та борьба, которую Хазары предприняли (по сообщению недавно открытого письма какого-то хазарского еврея, относящегося к середине X века) против захватившего обманным образом город Самбарай царя Руси, по имени Хальгу или Хельгу.

В этом царѣ Руси Хельгу ориенталисты с большим основанием видят Вещего Олега, а в городе Самбарае известную нам Тмутаракань, носившую еще имена Самкарша или Самкуша. Эта борьба связана, может быть, с известными по другим источникам походами Руссов на Восток, скорее всего подпредводительством Олега, нашедшего в Тмутаракани необходимую для этих походов опорную базу. По сообщению еврейского документа борьба эта, ведшаяся сначала с переменным успехом, закончилась победою Хазар, прикудивших Хальгу отпразднать походом на Церьград, в виду наступивших у них враждебных отношений с Византией. Неудача этого царьградского похода привела Хальгу к поискам нового поприща для своей воинственной деятельности, где-то в Персии, поискам, во время которых он погиб со всей своей дружиной. Этот конец, не совпадающий с сохраненной в Начальной летописи легендой о кончине Олега, встречает доверие у некоторых ученых вследствие существования и других легенд о смерти Олега где-то за морем — быть может и за Черным, весь же

рассказ бросает новый интересный свет на личность и деятельность Олега, подтверждая ее вполне исторический характер.

Сила сопротивления Хазарского государства, не смотря на отдельные удачные действия против натиска русских дружин, становилась к середине X века все меньшей. Наоборот значение киевского князя в причерноморских отношениях все возрастает, находя себе выражение в тех условиях заключенного Игорем с Византией договора, которые возлагали на русского князя охрану важнейшей в Крыму греческой колонии — Херсонеса с ее округом от нападений Черных Болгар. Эти Черные Болгары являлись обломком, оторвавшимся от главной массы Болгар при их движении на Запад — к Дунаю и оставшимся на старых кочевьях — в низовьях Дона и Кубани, повидимому, в некоторой зависимости от Хазар, на что указывает их эпитет „Черные“ — прилагательный тюркской терминологией к самостоятельным народам. Новый победоносный поход на богатые закавказские страны, относимый учеными ко временам Игоря, лишний раз подчеркнул силу русского и слабость Хазарского государства. Наконец сыну Игорю, Святославу, суждено было нанести смертельный удар Хазарскому государству. Его поход, совершенный около 968 года вниз по Волге, через земли Волжских Болгар, сопровождался разрушением и грабежом главных Хазарских городов, с Итилем и Семендером во главе, не говоря о Саркеле, называемом летописью Белой Вежей. Все оседлое население хазарского царства рассеялось, главным образом, по западному берегу Каспийского моря. Небольшие обломки Хазарского государства сохранились в приазовских краях, пока в начале XI века они не подверглись совместному нападению их бывших союзников — Византийцев и давних противников — Руссов, под предводительством правившего от имени своего отца Владимира тмутораканским уделом князя Мстислава, нападению, приведшему к окончательному исчезновению памяти об этом государстве.

Разрушение Хазарского государства нашло себе завершение в тех удачных войнах, которые вел Святослав с расселенными в Предкавказьи остатками Аланов, известных нашей летописи под именем Ясов (переименованное второе имя этого племени — Асы) — предков нынешних Осетин, а также с некоторыми из черкесских племен, которых летопись называет Касогами (имя тюркского корня, общего с широко распространенным среди азиатских кочевников термином „казак“ — для обозначения вольного человека или степного разбойника). Эти войны способствовали закреплению за Киевской державой Тмуторакани — этого форпоста Славинства на берегах Черного моря, но в общем гибель Хазарского государства имела вредные последствия как для Киевской державы, так и вообще для культурной жизни в причерноморских равнинах. С одной стороны, уничтожение торговых центров на нижней Волге сильно ослабило то торговое движение на Восток, в котором участвовало и Причерноморье. Исчезновение же, с другой стороны, хотя и ослабленной, но все таки компактной массы Хазар развязало совершенно руки Печенегам, с этого времени особенно усилившим свои набеги на пограничные славянские племена. Эти набеги привели к сильному отливу Славинства с Юга на Север и на Запад, отливу, выразившемуся в переселении Вятичей из Поволжья на Оку, с

одной стороны, в очищении Уличами и Тиверцами течения Буга и отходе их к Днестру, с другой. Да и в самой долине Днепра линия поселений Славян под натиском Печенегов отодвинулась далеко на Север, где она сначала задерживалась на реке Роси (правом притоке Днепра), но затем отошла еще ближе к Киеву—Владимир Святой „ставит города“ по Стугне и Ирпеню, в то время как за Днепром сначала Сула, а потом еще более северный Трубеж служат оплотами Руси против Печенегов. Конечно, славянская народность не исчезла вполне из тех краев, где раньше она была столь многочисленна. Не говоря о продолжавшемся русском владении Тнutorаканью, а также временно и Пантикапеей под именем Корчева, мы видим в XI веке на устьях Днепра и Дона славянские поселения, в виде Олешья (на месте нынешних Алешек) и „России“—порта, память о котором сохранялась еще долго в сменившем его „Русском селе“, отмечаемом на Итальянских картах Приазовья XV века. Да и города Тивериев по Днестру упоминаются. Начальной летописью еще как существующие во второй половине XI века—времени составления этой летописи. Сохранившиеся в степях остатки Славянской колонизации должны были приспособляться к образу жизни восторжествовавших тут кочевников и эти, вероятно, объясняется то название „бродников“, под которым выступает нетюркское и даже христианское население причерноморских степей в известиях XII-XIII веков. Эти известия говорят о его частых союзах с кочевниками, а также об участии его в борьбе возрождавшегося болгарского царства Асеней с Византией. Еще более значительными были славянские поселения на нижнем Дунае, где вокруг города Берлада (недалеке от нынешнего Галаца) группировалось многочисленное полумирное, полувойенное население, занимавшееся то рыбной ловлей, то морскими разбоями, и называвшееся „Берладниками“. Вероятно, под влиянием кочевого натиска замечается в середине XI века прилив славянских, точнее русских, элементов к Дунаю, где они, пользуясь вторжением Печенегов в подальшую в это время Византию Болгарию, захватывают ряд городов, среди них Бычин, упоминаемый, наравне с другими придунайскими городами, в качестве „русского“ одной из наших летописей (правда, довольно поздней по времени составления)—Воскресенской; эта же летопись перечисляет в качестве „русских городов“ многочисленные поселения нынешней Молдавии (в том числе Асий Торг—современные Яссы) и, что для нас еще важнее,—поселения, расположенные по течению Днестра, где она указывает Хотин, Белгород (позднейший Ак-Керман, обозначающий по-турски то же понятие), Черный Город (помещаемый около села Граденицы на устье Днестра). Таким образом, вытеснение славянской стихии из восточного Причерноморья компенсировалось ее усиленным распространением на Запад, где ей предстояло именно в эти века внести свою значительную долю в дело образования румынской народности. По господствующему в науке взгляду эта народность возникла путем слияния Славян с переселившимися из-за Дуная на Север, в долины Олты, Серета и Прута Валахами—этими отдаленными потомками римских колонистов провинции Дакия (нынешней Трансильвании), выведенных оттуда на Юг императором Аврелианом в III веке вследствие все усиливавшегося натиска германских племен.

Апогей печенежского господства в Черноморских степях, падающий на конец X и начало XI веков, продолжался недолго. С одной стороны, та ожесточенная борьба, которую вели Печенеги с Русью, обходилась им весьма недешево и истощала их силы, с другой стороны, среди отдельных печенежских колен и их вождей возникали кровавые раздоры, приводившие иногда к уходу побежденных на новые места, что ослабляло главную массу Печенегов. Такой именно факт произошел в 40-ых годах XI века, когда два колена Печенегов во главе с их вождем Кегеном, теснимые остальными коленами, предводительствуемыми заклятым врагом Кегена — Тирахом, перешли с разрешения императора Константина Мономаха за Дунай. Это, однако, не прекратило вражды их вождей, и привело к вторжению в пределы Империи остальных Печенегов, вступивших в яростную борьбу друг с другом. Эта борьба прекратилась только вследствие повальных болезней, которые стали косить невооруженных кочевников, набросившихся на вина и меды плодородной Болгарии; но еще сильнее, чем эти обстоятельства, способствовало упадку Печенежского могущества то возобновление тюркского натиска с Востока, которое привело в Черноморские равнины сначала Узов, а затем Куманов. Натиск этот проявился постепенно, с начала XI века, чем объясняется то еще деятельное участие, которое Печенеги принимают в русских внутренних делах во время борьбы сыновей Владимира Святого, выступая на стороне Святополка против Ярослава. Но к 30-ым годам этого века положение Печенегов резко ухудшилось вследствие усиления натиска на них Узов, до тех пор мирно кочевавших между Волгой и Доном, а теперь сдвинутых с места еще более многочисленной ордой Куманов (Половцев нашей летописи).

Вероятно в связи с необходимостью массовой перекочевки на Запад стоит тот необычайно сильный натиск Печенегов на Киевскую Русь, который привел в 1036 году к осаде ими Киева и к ожесточенной битве с Печенегами подоспевшего из Новгорода Ярослава. Эта битва, окончившаяся решительной победой оседлого начала над кочевым, привела к уходу Печенегов на Запад, сначала на низовья Дуная, а затем, частью, как мы уже видели, к выселению в византийские провинции, частью к присоединению, в долине среднего Дуная, к сложившемуся здесь государству племенных им, но некогда враждебных Мадьяр. В земле Мадьяр — нынешней Венгрии — Печенеги под именем „Бессенио“ или Бессов составляли вначале отдельные поселения, лишь позже слившиеся с остальной массой Мадьяр¹⁾.

§ 19. Сменившие Печенегов в черноморских степях Узы являются, как и родственные им Куманы, частями того значительного со-

¹⁾ О Печенегах — Голубовский, Печенеги, Торки и Половцы (1884); Васильевский, Печенеги и Византия, Труды, т. I (1908), 1—118; Marquart, о. с., 60—74, 76; Neumann, о. с., 110—111; 117; 126—128; Кулаковский, Аланы, 53—54; Шахматов, Введение, 87—88; Грушевский, о. с., I, 238—236; 465—468; II, 24—26; Забелин, о. с., II, 147—153; о разрушении Хазарского государства и его последствиях для Руси — Neumann, о. с., 124—126; Marquart, о. с., 1—5; 474—475; Шахматов, о. с., 93; 101—104; Грушевский, о. с., II, 461—462; 463—465; статьи Коковцева в Жур. Мил. Нар. Пресс. кн. XI (1913) в Пархоменка, Изв. Отделения русск. языка Академии Наук; о русских городах на Дунае Васильевский, Труды, I, 122—134. Свод и оценка теорий о происхождении Румын — Ф. И. Успенский, Образование второго Болгарского царства.

единения тюркских племен, которое, как мы видели, образовалось еще в VI веке в степях Средней Азии под именем Огузов. Самое имя Узов, или, как называют их арабские писатели, Гузов, указывает на их принадлежность к этому соединению, равно как то название, под которым Узы выступают в русских летописях—именно Торков, бесспорно свидетельствует об их тюркском происхождении. Время отделения Гузов от общей массы западных Тюрков и движение их на Запад не может быть точно установлено. Вероятно, оно стоит в связи с распадом государства западных Тюрков в VIII веке под ударами соединившихся Китайцев и Уйгуров—наиболее культурного из тюркских племен. В IX веке арабские писатели говорят о Гузах, как о народе, живущем, главным образом, вокруг Аральского озера, где важнейшим рынком для них являлся давний торговый город Гургенч (в нынешнем Хивинском ханстве), а в городе Янгикенте (около нынешнего Казалинска) зимой проживал их хан. Среди самых Гузов Арабы отмечают не только кочевников, но и оседлых жителей, в то же время они говорят об их делении на три отдела: верхний, средний и нижний, повидимому, по местам расселения (чему находят аналогию в таком же делении на три орды у живущих теперь на местах Гузов их тюркских сородичей—Киргиз-Кайсаков).

В физическом типе Узы отличались особенно маленькими глазами и небольшим ростом от остальных Тюрков—черты, указывающие на их смешение скорее всего с монгольскими племенами. В своем общественном быте Узы гордились своим благородным происхождением сравнительно с Печенегами, что, по мнению некоторых ученых, выразилось в самом имени их—Гузов, т. е. „свободных“. Их большая воинственность отмечалась Арабами, равно и многочисленность их племени, поразившая впоследствии и Византийцев при появлении Узов на берегах Дуная. Быть может, размножение и вместе с тем недостаток мест для кочевки вызвали переход Узами их западных границ, которыми являлись реки Эмба и Урал, и потеснение ими, с согласия Хавар, Печенегов, в результате чего был уже известный нам прорыв Печенегов в причерноморские степи. Так, по крайней мере, толкует эти передвижения кочевых варваров знаток причерноморских политических взаимоотношений—Константин Багрянородный. Во всяком случае, часть Узов осталась на своих старых местах, где они известны под именем Узбеков. В X веке мы видим Узов кочующими между Уралом и Волгой, но по мере ослабления хазарского государства Узы стали продвигаться за Волгу, пользуясь преимущественно временем замерзания ее и не взирая на хазарские караулы, для того, чтобы кочевать в обширных степях между Волгой и Дном.

Об особом натиске их на Печенегов мы не слышим до начала XI столетия, когда под давлением начавших надвигаться с Востока на Узов их сородичей—Куманов они стали проявлять большую энергию. Результаты ее мы уже знаем, в виде того массового переселения Печенегов за Днепр, которое привело к решительному поражению их Ярославом, а затем к уходу на низовья Дуная и переходу во владения Византии. Заняв место Печенегов Узы не проявили себя столь неприятными соседями Руси, как их предшественники, что объясняют или малочисленность их (что едва ли верно, в виду противоположных

показанный как арабский, так и византийских писателей) или (более правдоподобно) той борьбой на два фронта, которую должны были вести Узы с надвигавшимися с Востока многочисленными Куманами и с нежелавшими так легко покинуть привольные причерноморские степи (хотя бы в западной части их) Печенегами. Торки (как называет летопись Узоя) выступают даже союзниками Владимира Святого в его походе на Волжских Болгар. Во всяком случае русским князьям, и лице Ярослава, не стоило труда продвинуть русские поселения на Юг по Днепру, к течению реки Роси, а сыновья Ярослава совместными силами предприняли в 1040 году поход в степи на Торков и нанесли им решительное поражение, в результате которого Торки уступают свою роль в причерноморских степях своим более счастливым соперникам — Куманам. Как и их предшественники — Печенеги, Узы ищут себе защиты и новых мест для поселения в Задунайских провинциях Византии, куда они вторглись вопреки воле Греков в 1064 году со всем своим имуществом, в количестве якобы 600 тысяч человек. Их отряды, все опустошая на пути, доходили до Солуни (нынешних Салоник) и границ Греции, с одной стороны, до стен Константинополя — с другой, и только повальные болезни, начавшие так же косить Узоя, как раньше Печенегов, спасли Византию от крайней опасности. Что уцелело от Узоя, было использовано Византийцами в качестве военных поселенцев, наравне с их врагами Печенегами, но немалое количество Узоя не примирилось с непривычными для них условиями службы и вернулось за Дунай, в привольные степи. Но и здесь Узоя, вследствие невозможности бороться самостоятельно с Печенегами, пришлось искать себе покровительства у более цивилизованных и обладавших достаточной силой сопротивления народов. Этим обстоятельством объясняется появление в 80-ых годах XI века поселений из Торков (т. е. Узоя), устраиваемых русскими князьями на пограничных их земель со степью, как в Киевской, так и в Переяславской землях, а позже в Черниговской, и даже в Галицкой. В качестве этих поселенцев Торки сливаются впоследствии с другими замирненными кочевниками в то своеобразное население, которое под именем Черных Клобуков играло не малую роль как в защите русских земель от натиска степняков, так и в княжеских усобицах. Имя Черных Клобуков, данное этим замирненным Торкам русскими ввиду носившихся ими черных шапок, сохраняется и теперь в виде названия одного из туркестанских племен — Кара-Калпаков, тождественного по значению с вышеуказанным древним именем. В связи с этим некоторые ученые склонны видеть в этих Кара-Калпаках потомков Узоя или Печенегов. Черные Клобуки, по сообщениям русских летописей, продолжали вести кочевой образ жизни, укрываясь в существовавшие в районе их кочевок города, построенные Русскими, только в минуты опасности. В общественном быте Черных Клобуков замечается дробление на мелкие единицы, имеющие особые названия, скорее всего роды, управлявшиеся старшинами. Эти старшины, которых летопись называет князьями, получали от русских князей во владение те мелкие городки, которые входили в состав русской пограничной линии. Слияния этих кочевников со славянским населением не наблюдается; наоборот, в позднейшие времена оно тяготеет скорее к своим независимым единоплеменникам и теряется в том тюркском

потоке, который в виде Татар надолго залил южнорусские степи. Самое имя Тюрков—Узав сохранилось довольно долго в названии одного из построенных в Киевском пограничье городов—Торческ. Потомков Узав, оставшихся под властью Византии в нынешней Добрудже и в XIX веке частью переселившихся на Север от Дуная, в Бессарабию, некоторые ученые видят в современных нам Гагаузах—христианах, но говорящих на одном из тюркских наречий¹⁾.

§ 20. Новые хозяева причерноморских степей, вытеснявшие отсюда, за небольшими исключениями, своих менее счастливых предшественников—Печенегов и Узав, известны в истории под тройным именем: Кипчаков, как их называют арабские писатели, Куманов — греческие, а также венгерские, и Половцев—русская летопись. Они являются заключительной группой того однородного конгломерата тюркских племен, которые, как мы уже не раз отмечали, вслед за распадением государства Тюрков—Огузов, стали передвигаться из Средней Азии через „ворота народов“—между Уральскими горами и Каспийским морем, в обширные степи юго-восточной Европы. Имя этих Тюрков, под которым они выступают у восточных писателей—Кипчаки, долгое время усваивалось, в виде названий—Дешт-и-Кипчак, т. е. степь Кипчаков, именно этим обширным приуральским, а также приволжским и придонским степям. Уже в I-ой половине XI века, еще во время борьбы Узав с Печенегами за господство в причерноморских равнинах, Половцы (имя, как и название Куманов, означающее на разных языках одну и ту же особенность их быта—проживание в степях—„полях“, в старинном значении этого слова) продвинулись в придонские степи. Им не стоило большого труда сбить Узав, уже ослабленных сильным поражением, нанесенным им Ярославичами в 1060 году, с их богатых поднепровских кочевий (самое имя Днепра у Тюрков—„Озу“ связывается некоторыми учеными с пребыванием здесь Узав) и занять их место. Очень быстро Половцы оказываются полными хозяевами степей от Волги и до Дуная, получающих вследствие этого у западных писателей имя Кумани, но главным сосредоточием их кочевий являлись степи между Доном и Днепром. На этих обширных пространствах Половцы оставались полными хозяевами в течение почти двух столетий, до нашествия Татар, не имея никаких-либо опасных для себя соседей из своих сородичей Тюрков. Последнее обстоятельство оказалось особенно тягостным для культурных соседей Половцев, не имевших возможности использовать для своей выгоды те постоянные столкновения между отдельными тюркскими ордями, которые не раз ослабляли их натиск на оседлые поселения. Те остатки Печенегов и Тюрков, которые уцелели в причерноморских степях, были слишком незначительны для сколько-нибудь самостоятельного существования и частью беспрестанно подчинялись Половцам, частью сами искали себе защиты у этих оседлых культурных соседей, т. е. у Русских. Таким образом, господство Половцев должно было особенно тяжело отразиться на их ближайших соседях—Русских, и, действительно, ни один из населявших

¹⁾ Об Узав—Васильевский, Труды, I, 26 — 29, Голубовский, о. с., Магварт, о. с., 330 — 331; 337 — 340; Нейтвал о. с., 111 — 112; 129—129; 131—132; Брун, Черноморье, I, 95 — 97; Грушевский, о. с., II, 54—55; 7—348; 416; 526—530.

южнорусские степи кочевых народов, исключая Татар, не оставил таких обильных воспоминаний в народной памяти, как Половцы. Отражениями этих воспоминаний являются, с одной стороны, многочисленные летописные сообщения о военных и мирных отношениях Руси к Половцам, с другой — тот несравненный памятник русского эпоса, каким является „Слово о Полку Игореве“. Это обилие русских источников о Половцах дополняется теми сообщениями западно-европейских и восточных писателей, которые в XII — XIII веках посещали страны, населенные Половцами, или в качестве путешественников (араб Едриси, еврей рабби Петахия), или в качестве христианских миссионеров (францисканские монахи Руксбек и Плато Карпини). Наконец, столкновения Половцев с Византией, с одной стороны, и со сложившимися греческое государство в XIII веке латинскими крестоносцами — с другой, вызвали появление характеристик образа жизни Половцев (под именем Куман) у византийских (Евстафий Солунский, Никита Хониат) и французских (рыцарь Роберт де Клари, Жуанвиль) писателей.

В сообщаемых этими многочисленными источниками сведениях об общественном и частном быте Половцев многое является общим с бытом таких же кочевников и при том одноплеменников Половцев, какими были Печенеги и отчасти Авары с Гуннами. Половцы в массе своей были кочевниками, менявшими места своих кочевий по временам года, но имевшими при этом разграниченные районы для этих кочевий, что отражается в названиях отдельных частей населения, как, например, Половцы Лукоморские — название, связанное с „лукою моря“, т. е. заливом вообще, но приурочиваемое в данном случае к западному побережью Азовского моря. Среди половецких кочевий находились и города, носившие по большей части имена тех или других половецких ханов (Шарукань, Осень). Один арабский путешественник (Едриси), говоря о той части страны Половцев, которую он называет Белой Куманией и которую можно отнести к степям Причерноморья, сообщает о многих населенных городах в этой Кумании; но каково было население этих городов по своему племенному составу, трудно установить, и мало вероятности, чтобы оно было половецким. То, что сообщается иностранцами о пище Половцев — об употреблении ими, наравне с сырой кониной, согретой под седлом, риса и проса, не может служить доказательством их оседлого земледельческого состояния, так как, не говоря о привозном характере риса, и просо могло приобретаться Половцами у местного оседлого населения, скорее всего русского (о котором мы скажем еще далее). В пище Половцы являлись такими же неразборчивыми „сыроядцами“, как и их предшественники Печенеги, вызывая этим одинаковое чувство отвращения как у западных анналистов, так и у наших летописцев. Питье кумыса Половцами отмечается теми же писателями с меньшей брезгливостью. Обычай полатинства посредством сосания одним из заключающих союз крови из проколото пальца другого или же посредством совместного питья молока из особого сосуда, имевшего форму человеческого лица, применялся Половцами преимущественно по отношению к путешественникам, искавшим защиты во время проезда через их земли. Но в заключавшихся ими с соседями договорах Половцы являлись типичными коварными кочевниками, нарушавшими давшие ими „роты“ (присяги) при первом для

них выгодном случае. Религиозные верования Половцев носили по сообщению арабских писателей характер поклонения звездам и веры в их влияние на судьбу людей — черты, в которых некоторые ученые видят усвоение Половцами еще на их старой родине — вокруг Аральского озера — обрывков распространенного в X—XII веках в Средней Азии манихейства — персидской секты, отводившей наряду с добрым началом в мире большое значение и злу. Эти отголоски манихейства явились впоследствии причиной сочувствия Половцев и гонимым в Византийской империи усвоившим себе некоторые манихейские мнения христианским еретикам — павликианам и богомилам. Позже, однако, среди Половцев, как и среди остальных Тюрков, успешно распространилось исламство, но особого фанатизма среди них оно не вызвало, судя по существованию наравне с ним и христианства и иудаизма. Что касается христианства, то оно стало распространяться среди Половцев по мере их сближения с Русскими, — сближения, выражавшегося как в союзах половецких ханов с Русскими, так и в браках русских князей с половчанками. Случаи крещения отдельных половецких князей, многочисленные христианские имена среди Половцев, существование легенд о Половцах — монахах Киево-Печерской Лавры — все это факты, говорящие в пользу успешности распространения христианства к концу периода половецкого господства в причерноморских степях, т.е. в XIII стол. В общественном быту Половцев мы видим такое же деление на „колена“, как и у Печенегов, с особыми княжескими (ханскими) родами во главе каждого из них. Количество колен колебалось в разное время, равно и количество ханов, тем более, что в числе последних наряду с правителями колен были и младшие члены княжеских родов. Эта родовая знать играла немалую роль в жизни Половцев; иногда предводители отдельных „колен“ подчинялись старшинству какого-либо одного лица из своей среды. Это явление становится более частым к концу половецкого пребывания на Юге России, когда наибольшим влиянием пользуется хан Юрий Кончакович (наравне с ним мы видим, однако, и другого хана, главенствующего над всеми Половцами — Котина). Имя отца этого Юрия — Кончака, как и имена других ханов, в особенности Боника, пестрят на страницах летописи при описаниях тех бесконечных набегов Половцев и отражении их русскими князьями, которые сыграли такую большую роль в истории южной Руси в смысле запустения ее и перехода культурной жизни на Север и на Запад. Эти набеги начинаются уже вскоре после появления Половцев на границах южнорусских земель, с 60-х годов XI века. Уже в 1068 году попытка отразить такой набег на Переяславскую землю соединенными силами князей — Ярославичей привела к разгрому русских сил на знаменитой в военной истории древней Руси реке Альте и в результате к свержению неудачливого, сидевшего в Киеве „в отца место“ Изяслава Ярославича. Чем дальше, тем набеги Половцев становятся чаще и опустошительнее, особенно в 80-х годах XI века, причем Половцы являются деятельными участниками княжеских усобиц, выступая союзниками князей изгоев, с знаменитым Олегом „Гориславичем“ во главе против объединившихся старших Ярославичей. Но несмотря на это энергичное вмешательство Половцев в русские дела, у них хватает достаточно энергии и сил на одновременное военное выступление на другом отдаленном военном те-

атре войны—на Балканском полуострове. Мы уже знаем, как сначала Печенегы, а затем Узы перешли в значительных массах Дунай, ища поочередно спасения от теснивших их с Севера сородичей. На новых местах, в Византийской империи, они не долго выдерживали роль покорных императорской власти подданных или союзников и скоро превращались в жестоких хищников, старавшихся воспользоваться смутами, царившими в Византии, а также натиском на нее в Малой Азии их же сородичей Тюрков, в лице Сельджуков. Такое положение вещей естественно вызывало со стороны более энергичных из византийских „василевсов“ попытки отпора новым тягостным соседям Империи. В частности Алексей Комнен, один из виднейших императоров Византии вообще, задумал выбить Печенегов из прочно захваченной ими Дунайской Болгарии и двинулся туда в 1068 году с большим войском. При известии об этом Печенегы вначале смутились и отправили одного из своих вождей—Татуша к своим сородичам—Половцам за помощью. Эта помощь явилась тогда, когда Печенегы уже одержали полную победу над Византийским войском и получили огромную дань с побежденного ими Алексея. Вид этого богатства поразил Половцев, не привыкших к такой богатой добыче, не похожей на результаты их нападений на русские города. На почве притязаний Половцев на участие в дележе этой добычи, как вознаграждении за далекий поход, между алчными сородичами произошла кровавая битва, кончившаяся разгромом Печенегов. Хотя Половцы и ушли в свои кочевья за Дунай, но раз изведанный путь в богатую Византию не мог не манить их и впредь, и мы видим, что они скоро вновь появляются за Балканами под предлогом сведения счетов со своими недавними союзниками, а теперь заклятыми врагами—Печенегами. Византийцы, в лице Алексея Комнена, после некоторых колебаний решаются использовать эту вражду одних варваров к другим в своих интересах, и мы видим, как в 1091 году Половцы, во главе с известными нам по русским летописям хаканам Тугорканом и Боняком (имя последнего в греческой передаче—Маниак, наводит некоторых ученых на те манихейские влияния среди Половцев, о которых мы упоминали выше), оказывают мощное содействие Алексею Комнену в той решительной победе над печенежскими полчищами в долине Марицы, которая спасла Константинополь от захвата его тюркскими кочевниками, действовавшими в согласии с тюркскими же пиратами, предводительствуемыми грозным ренегатом Чахой. Однако и на этот раз Половцы остались не удовлетворенными той наградой, которая выпала на их долю за участие в битве, и четыре года спустя они снова появляются за Балканами, на этот раз в качестве участников византийских междоусобиц, поддерживая права претендента на престол, младшего сына сверженного императора Романа Диогена. Но военное искусство Алексея Комнена одержало верх над половецкой массой, которая с большим уроном отступила на Север, оставив в руках победителя и поддерживаемого ею самозванца.

Неудачные экспедиции Половцев за Балканы на время вызывают прекращение их натиска на Византию; но с тем большей силой возобновляются половецкие набеги на южнорусские земли, принимая характер планомерного опустошения, в частности Киевской и Переяславской земель. Эти набеги, доводящие население до отчаяния, связыва-

ются народной памятью с именем уже известного нам половецкого хана Боняка, именем, то сопровождаемым в летописи эпитетами „бязбожника“, „шелудивого“, то окружаемого сверхъестественными чертами вещуна, понимающего волчий вой. Но сила этих набегов вызвала в конце концов реакцию русского элемента, заставившую князей забыть их вечные усобицы и сплотиться вокруг „добротоу страдальца за русскую землю“ — Владимира Мономаха, явившегося сторонником наступательной тактики в борьбе с Половцами. Единение князей, закрепленное знаменитыми съездами их, привело к походу 1103 года, в котором, наряду с княжескими дружинами, участвовали и полки „смердов“, о горькой участи которых под половецкой грозой так убедительно говорил своей братье — князьям Мономах. Сильный удар, нанесенный Половцам на Днепре, около его притока Самары, привел не только к освобождению значительного числа русских пленников, но и к отторжению из под власти Половцев покорных им остатков Печенегов и Торков — элементов, немедленно использованных для возобновления разрушенных Половцами русских пограничных поселений по Руси и в других степных местах. Однако, этого похода оказалось недостаточным для прекращения половецких набегов, возобновившихся с прежней энергией: вот почему в 1109 и 1111 годах русские ополчения проникают далеко вглубь половецких степей, нанеся Половцам ряд таких поражений, что по словам воспевающих эти русские победы летописцев часть Половцев должна была уйти на Кавказ, за Железные Ворота (нынешний Дербент), часть же хотя и осталась на старых придонских кочевьях, но терпела здесь немалые беды. Эти походы, нашедшие себе завершение в походе прославленного сына Мономаха — Мстислава, не только поднимали дух русского племени, но и очистили значительное пространство степей от Половцев, предоставив, таким образом, новое поприще для русской колонизации. Эти же поражения вызвали опасное для Половцев явление — восстание против них покорных им доселе Печенегов и Торков, обитателей причерноморских степей. Это восстание, выразившееся в жестокой битве кочевников между собою, закончилось все же победой Половцев над своими давними „рабами“. Русские князья, не сумевшие воспользоваться этой распрей для полного разгрома Половцев, использовали эту смуту для пополнения искавшими у них защиты разбитыми Печенегами и Торками того колониационного материала, который, как мы знаем, под именем Черных Клобуков, уже давно играл немалую роль в истории южнорусских степей. Однако и среди победителей — Половцев нашлось немало охотников поселиться под покровительством русских князей в запустелых вследствие усобиц и их же набегов пограничных городах черняговской и других южных земель — признак упадка их воинственности под тяжестью испытанных поражений. Однако этот упадок длился недолго — возобновление княжеских усобиц уже скоро после смерти Мономаха, привлечение Половцев в качестве союзников то Мономаховичами, то Ольговичами, вызывают как приближение половецких кочевий ближе к границам русских поселений, доходивших было до Ворсклы, так и возобновление набегов, становящихся ко второй половине XII века необычайно частыми, хотя далеко не столь крупными, как до испытанных Половцами в начале XII столетия поражений.

Отражением этого ожогания, охватившего Половцов уже вскоре после смерти их грозного врага—Мономаха, является сохранный летописью поэтический рассказ о приглашении одним из половецких ханов, отсидевшим во время половецкого разгрома на низовьях Дона, —другого, убежавшего от этого разгрома вглубь Кавказского хребта, возвратиться на старые кочевья именно ввиду смерти Мономаха. Однако должно было пройти несколько десятилетий, чтобы раны, нанесенные Половцам Мономахом и его сподвижниками, совершенно зажили, и только со второй половины XII века Половцы все сильнее начинают давать о себе знать русским землям, как непосредственными нападениями на них, так и препятствиями, чинившимися русской внешней торговле, путем нападений на караваны купцов, двигавшихся из Византии на Русь или обратно В целях защиты этих купцов —,гречников" киевские, наиболее заинтересованные в русско-греческой торговле князья не только высылали отряды в степь, но иногда, если обладали достаточным для этого авторитетом, собирали вокруг себя ряд князей и с ними спускались по Днепру, чаще всего к Каневу, чтобы угрозы собранной силы напугать Половцов. В отдельных редких случаях экспедиции русских князей (например, Мстислава Изяславича в 1152 и 1166 годах) проникали дальше вглубь половецких степей — до Угла (отождествляемого здесь с левым притоком Днепра недалеко от порогов—Орелью) и Снопорода. Наиболее памятной из этих экспедиций была предпринятая в 1184 году киевским князем Святославом Всеволодовичем во главе десятка других князей. Но и этот поход, завершившийся громкой победой над Половцами в степях того же Угла и пленением ряда половецких ханов, не помешал в следующем же 1185 году энергичнейшему из половецких вождей того времени—Кончаку разбить неосторожно углубившихся в гридонские степи семерских князей с Игорем Святославичем во главе. В знаменитом „Слове о Полку Игореве“, воспевающем победу 1184 года и оплакивающим поражение северских князей 1185 года, помимо ценнейших данных о способах борьбы русских с Половцами, об отношениях половецких ханов к русским князьям, обращают на себя внимание те несколько туманные выражения, в которых говорится здесь о давних славянских поселениях в черноморских степях. Подонье и старинный оплот русского племени на Черном море—Тмутаракань причисляются здесь к „земле незнаеме“, что, конечно, нужно понимать не в смысле незнакомства русских с этими землями, а как признак утраты русского господства над ними, в результате усилившегося половецкого натиска. Эта утрата произошла, повидимому, незадолго до похода северских князей на Юг, которым „Слово“ приписывает намерение „поискать града Тмутараканя“, т. е. возобновить над ним ту власть северских князей, которая столь долгое время там преобладала. Хотя с конца XI века и исчезают летописные сообщения о сменах русских князей (преимущественно изгоев) в Тмутаракани, но до середины XII века можно предполагать, основываясь отчасти на неопределенных арабских сообщениях, что Тмутаракань находилась во власти русских князей. Позже, в 60-ых годах XII столетия Тмутаракань оказывается в сфере византийского господства, в которой она остается впредь, подыравшая все большие вариации населения, утрачивающего всякие славянские черты.

В пределах Придонья и Приазовья русская национальность продолжает существовать во время половецкого господства, в XI — XIII веках. К ней нужно отнести как население упоминавшегося порта „Росий“ на устьях Дона, впоследствии в XIII веке превратившегося в село, так и тех половецких городов (в особенности Шаруканя), о которых говорят как арабские, так и русские источники.

Подобно устьям Дона, и устья Днепра сохраняли долгое время славянское население, которое сосредоточивалось здесь в нескольких пунктах, из которых важнейшим был Олешья. Этот последний пункт, впервые упоминающийся во второй половине XI века, являлся важным промежуточным звеном на „пути из Варягов в Греки“, носившим характер торгового центра. Его значение усиливалось наличием в устьях Днепра богатого рыболовства, продукты которого направлялись из Олешья как вверх по Днепру, так и в Поднестровье. В целях защиты русских торговых интересов киевские князья не только высылали к Олешью свои отряды, но, повидимому, прямо утвердили свою власть над этим важным пунктом, явившимся как бы морским портом для Киева. Независимо на половецкое господство в степях, Олешье продолжает сохранять независимое от него положение, перейдя в XIV веке в руки новых культурных элементов на берегах Черного моря, какими являются в это время итальянские мореплаватели и купцы.

Наконец, и устья Днестра и Дуная продолжают сохранять в XII — XIII веках свое оседлое население, незнание на усиливавшееся именно в это время тяготение Половцев к западным, подунайским и прикарпатским краям. Белгород на Днестре, сменявший древний Тирас, носит еще в это время славянский характер, который впоследствии переходит в преобладание румынского элемента, что отражается и на появлении румынского его имени — „Чэзате Альба“, являющегося буквально переводом славянского названия. Более важную роль играют в это время запрутские города, из которых Берлад является в XII веке как сосредоточием различного воинственного, преимущественно русского, элемента, так и временным княжеским уделом, где находят себе приют князья — изгои. Один из этих изгоев, галицкий князь Иван Ростиславич, в середине XII века, даже сам носит название Берладника, что толкуется в двояком смысле: как вождя того бездомного воинственного элемента, который сосредоточивался в Берладе и вообще на низовьях Дуная и потому назывался берладниками, или как правителя особого Берладского княжества. Возможность последнего толкования облегчается несомненностью появления отдельных русских князей в качестве правителей придунайских городов в XII веке, в зависимости как от византийских императоров, так и от царей восстановленного второго болгарского царства.

Восстановление болгарского царства, связанное с именем Асеней, представляет двоякий интерес для истории причерноморских степей. С одной стороны, в этом восстановлении, достигнутом путем упорной борьбы Болгар с Византией, начавшейся в 1185 году, видную роль сыграли Половцы, ставшие на сторону вождей Болгар — Асеней. Участие Половцев в западных и византийских делах, начавшееся, как мы знаем, в XI веке, прерывается почти до конца XII века, когда в связи с перемещением центра половецких кочевий в придунайские степи По-

ловцы снова заинтересовываются балканскими краями. Помощь Половцев Асеням в самом начале их трудного предприятия оказывается очень существенной — вся северо-восточная Болгария была благодаря им освобождена от византийской власти и послужила исходным пунктом для дальнейшего развития восстания. Конечно, Половцы не забывали при этом собственных интересов и подвергали жесточайшему грабежу то население, которое помогало им против Греков; они явились, но этим они косвенно оказывали услугу делу восстания, толкая разоренных крестьян на присоединение к сулившим свободу Асеням. Вскоре Половцы появляются за Балканами, доходя в своих набегах до Адрианополя, и византийскому императору Исааку Ангелу не удается прогнать кочевников за Балканы, а приходится ограничиться защитой крупных городов Фракии. Возможно, что вмешательство Половцев было одной из причин тех уступок, которые Византия сделала уже в 1187 году во имя болгарского восстания. И позже Половцы принимают деятельное участие в борьбе обновленного болгарского царства с его врагами, а вместе с тем их влияние на внутреннюю жизнь Болгарии становится все более заметным, что объясняется переселением довольно значительных масс их за Дунай, в область, получившую позже имя Добруджи. Но как это влияние, так и это переселение падают уже на то время, когда Половцам пришлось испытать страшный разгром и изгнание из черноморских степей от руки новых кочевых владык этих степей — Татар.

Прежде, чем перейти к этому новому периоду в истории Новороссии, следует остановиться на факте появления в XII веке исторических сведений о существовании в Северу от Дуная, сначала в прикарпатских краях, нового этнического элемента, в лице Валахов. Мы уже говорили, что эти предки современных Румын сложились в особую племенную единицу скорее всего к Югу от Дуная, в центре Балкан, и отсюда стали постепенно продвигаться, ведя пастушеский образ жизни, к Северу. Византийские историки сообщают отрывочные факты об участии этих живущих в Предкарпатьях Валахов в борьбе Византии с Венгрией, а также о проживании их возле Галича — русского города на верхнем Днестре. О самостоятельном существовании Валахов в это время еще нет речи — они находятся частью под властью Половцев, в степных краях, частью под властью Венгров, в предгорьях нынешней Трансильвании. Вместе с Половцами Валахи принимают деятельное участие в болгарском восстании против Византии, но приписывание им некоторых учений руководящей в нем роли (в связи с мнением о валахском происхождении вождей этого восстания — Асеней) является неосновательным, тем более, что и после этого восстания Валахи ни к Северу, ни к Югу от Дуная не достигают независимого существования. Однако, продвижение их к Востоку, в области, орошаемые Серетом, Прутом и Днестром, под покровом сначала половецкого, а затем сменявшего его татарского господства, становится все более заметным фактом, приведя позже к созданию плотной массы румынского населения в значительной части нынешней Бессарабии¹⁾.

¹⁾ О половецах — вышеупомянутые труды Голубовского — Пеганеги, Торни и Половцов, Васильевского — Византии и Печенег. стр. 4—7; 40—43; 56—57; 62—63; 74—77; 98—106; 109—117; 118—122; о тюркском происхождении языка Полов-

§ 21. Время половецкого господства в причерноморских степях является периодом постепенного упадка той оживленной торговли, которая завязалась между объединившимися в русское государство восточно—славянскими племенами, с одной стороны, и культурными народами Балканского полуострова, Средней Европы, Малой Азии, Персии и Кавказа, с другой. Эта деятельность, пользовавшаяся в качестве промежуточной среды черноморскими степями, не могла не страдать от того воинственного, разбойничьего характера, который носило пребывание Половцев в этих степях. Правда и Половцы, подобно своим предшественникам — Печенегам, скоро оценили выгоду торговых сношений с более культурными, чем они, соседями, и мы видим, что они появляются в Херсонесе, чтобы продавать здесь тех бесчисленных пленников, которых они набирали, главным образом, во время своих набегов на русские земли. Здесь же они приобретали в обмен на этот живой товар и на другие сырые продукты те приспособленные к их невысокому культурному уровню произведения, которые издавна умели готовить для соседних варваров жители греческих припонтийских колоний. Но эта мирная торговая деятельность Половцев не мешала им всячески прерывать такой же деятельности, осуществлявшейся другими людьми. Вот почему те торговые сношения, которые велись по истари проложенным через причерноморские степи путям, находились под постоянной угрозой половецких нападений и требовали особой защиты со стороны правительственной власти. Такими путями, связывавшими русские земли с отдаленными торговыми рынками, являлись три: Греческий, Соляной и Залозный. Что касается первого, совпадавшего с южной частью знаменитого пути „из Вуряг в Греки“, то-есть, с течением реки Днепра от Киева до Олешья, то в целях его защиты от Половцев чаще всего и предпринимались экспедиции киевских или вообще южнорусских князей. Этот путь, связывавший Русь прямо с Царьградом, являлся наиболее важным из всех путей и потому привлекал к себе такое внимание заинтересованных в русско-греческой торговле князей. Но и пути, связывавшие среднее Поднепровье с Крымом и Приазовьем, сохраняли немалое торговое значение. С этими путями отождествляют сохраненные летописью имена Соляного и Залозного путей. Что касается Соляного пути, то самое имя его указывает на связь его с соляным промыслом, источником для которого и в те времена служили богатые соляные озера как на самом Крымском полуострове (около нынешнего Перекопа), так и вне его, по берегу Азовского моря. Этот путь, по мнению некоторых ученых, был водяным, по Днепру и его степному притоку — Волчьей Воде, из которого при помощи небольшого волока ладьи перетаскивались в речку Калинус, впадающую в Азовское море, недалеко от упомянутых соляных озер. Конечно, этим путем, носящим также название Сурожского, вывозились из Крыма, помимо соли, в обмен на русские сырые продукты

щед; Успенский, Образование второго Болгарского царства, Записки Новороссийского Университета, т. XXVII, стр. 202—215; 259—263; 289—291; 300, 374—375; Неупаев, о. с., 132—134; Грушецкий, История, т. II, 41—42; 61—63; 73—77; 136—139; 152—157; 286—294; о русском населении степей в XII—XIII веках—Грушецкий, о. с., II, 268—281; Успенский, о. с., 385—393; а Напатах к Северу от Дуная в XI веке—Успенский, о. с., 224—228.

и другие интересные для русских потребителей предметы, как из Корсуни—Херсонеса, так и из Сурожа—русского названия Сугден. Имеются сведения, что русские купцы проникали и в Половецкие кочевья, идя, вероятно, этим Соляным путем или третьим, так называемым Залозным. Это название, связанное, повидимому, с местностью, покрытой лозой или тростником, приурочивается одними учеными к устьям Днепра, откуда результаты рыбного промысла подымались вверх по реке, другими же к Перекопскому заливу, в который русские рыболовы могли попасть через приток Днепра—Белозерку, отделенный небольшим возвышением от впадающей в этот залив реки Каланчака. Есть мнение, что Залозный путь вел на Запад, к устьям Днестра и Дуная, но вероятнее что этот путь, шедший сначала по Днепру, сворачивал с него около Канева на Восток, идя сначала к Тмуторакани, а затем на Кавказ. По этому восточному пути в XII—XIII веках наравне с русскими купцами двигаются, не взирая на опасности со стороны Половцев, и западные купцы из Австрии, Силезии, Польши, Моравии, при чем промежуточной станцией являлся для них Киев, где они, по „Слову о Полку Игореве“, воспевают победителя Половцев, киевского князя Святослава Всеволодовича, оказавшего этой победой услугу и их предприятия. Скот и рабы являлись главными предметами торговли русских купцов с Половцами, при чем работорговля привлекала на русских торговцев суровые обличения церковных властей. Однако эта торговля, будучи слишком выгодным и соответствовавшим моральному общественному уровню явлением, продолжала существовать, тем более, что и стоявшие гораздо выше по культуре западные страны (Италия, Испания) перекупали в значительном количестве христианских русских пленников у Половцев.

Но, не взирая на эти торговые связи Половцев, в общем их пребывание на берегах Черного моря отразилось вредно на экономической жизни не только черноморских степей, но и Поднепровья. Последнее стало терять свою роль посредника между западной и восточной торговлей, в особенности, когда в XIII столетии на берегах Черного моря появился целый ряд итальянских колоний, направлявших торговлю Востока с Западом по новш, как морским, так и сухопутным (через Ак-Керман и Галицию) торговым путям¹⁾.

§ 22. Господство Половцев в южнорусских степях не проявляло признаков значительного упадка, когда после двух-неконого, почти безраздельного обладания этими степями оно оказалось сокрушенным новым, необычайной силы, приливом азиатских кочевников, объединенных в стройную военную и государственную организацию. Образование Монгольской или Татарской державы является по своим последствиям одним из крупных всемирно-исторических явлений, наложивших свой отпечаток на жизнь как Азии, так и Восточной Европы на долгое время. В частности, в истории Новороссии Татарская эпоха охватывает больше, чем пять веков, несравненно более долгий период времени, чем пе-

¹⁾ Грушевский, о. с., I, 280; Кулаковский, Прошлое Таврии, 86—87; Иконников, Опыт русской историографии, т. II, кн. I, (1908), 147—148; 156; 160—164; Вруч, Черноморье, I, 292—304; Довнар-Запольская, История русского народного хозяйства, т. I. Сметловский о. с., 193—201.

риоды пребывания в черноморских степях предшествовавших Татарам других дарятских кочевников. Правда, в эти столетия особенно в позднейшие, кроме Татар в южнорусских равнинах действуют и другие народные элементы, но все же Татарам принадлежит первенство, в смысле создания прочного государственного организма, в виде Крымского ханства. Вот почему рассказу о появлении Татар в черноморских степях должны предшествовать, конечно, в общих чертах, сведения о сложении Монгольской державы в глубине Средней Азии и о тех элементах, которые вошли в состав этой державы.

По поводу последовательных приливов волн кочевников в новороссийские степи, нам не раз приходилось касаться тех государственных образований, в которые слагались в степях и предгорьях Средней Азии народы урало-алтайской семьи, в частности ее тюркской ветви. Вслед за государством Турков—Огузов, объединившим в VI—VIII веках ряд тюркских племен, появляется на грани X—XI столетий государство Уйгуров, достигшее высокой степени культуры, создавшее свой алфавит и письменность. Вслед за падением уйгурского господства, как тюркские, так и другие, близкие им урало-алтайские народы уже не составляют одного большого государства, а распадаются на ряд отдельных меньших государственных соединений. Среди них китайские летописи выделяют народ, которому они дают сначала имя Ши-вей, потом Монгу или Монгу-ли. Этот народ помещается этими летописями сначала в нынешней Манчжурии, а затем по рекам Селенге и Орхону, в стране, получившей позже от него свое имя Монголии. В числе племен, на которые распадалась Монгу, одно выделяется Китайцами под именем Та-та. Происхождение этого имени спорно; в то время, как одни ученые производят его из языка родственного Монголам тунгусского племени, где оно связано с понятием „тянуть что-либо“, и толкуют его, как служащее для обозначения людей, либо натягивающих лук, либо разбивающих палатки (юрты), другие видят в нем китайское название для всех, граничащих с Севера с Китаем варварских народов, звучащее в некоторых китайских областных наречиях в форме Тар-тар. Эта последняя форма, усвоенная персидскими и арабскими историками, перешла от них к западно-европейским народам, где она, в связи с классическими воспоминаниями, а также вследствие ужаса, нагонявшегося носителями этого имени, производилась от Тартара—греческого названия для ака. Племя Та-та разделяло вначале общую судьбу монгольских племен, живших родовым бытом, занимавшихся частью охотой и рыболовством, частью скотоводством и не знавших вначале употребления железа, что не мешало им отличаться воинственностью.

Эти монгольские племена производили себя от родоначальников—животных, т. е. разделяли наравне с другими первобытными и даже культурными народами ту веру в зависимость определенной группы—племени, рода, от известного класса предметов, в частности животных, которой в науке усвоено название тотемизма. Такими тотемами были у Монголов серый волк (Бюртечин) или бык (Дубун Буян), а также перестра лань (Марал), от которых возникла одна группа монгольских родов, в то время, как в создании другой участвует проявление другого вида первобытных верований—анимизма, небесный дух Тангри, соединяющийся со смертной женщиной—Алань-Гов. На таком уровне

материальной и духовной культуры монгольские племена прожили ряд веков, подчиняясь владычеству своих более удачливых соседей и даже сородичей, распространявших свою власть и на культурные области Китая. Так, с половины еще IX века над ними господствовали Кидани или Кара-Китай — народ тюркского происхождения, смененный в XII веке Ниучами-Тукгузами, предками нынешних Манчжуров. Но постепенно на этих последних стал обнаруживаться постоянный закон разложения варварской элементарной стихии под влиянием старинной культуры (китайской), так как Ниучи образовали государство, охватывавшее весь Северный Китай. Тогда-то монгольские племена начали освободиться от своей зависимости и проявлять стремление к национальному объединению. Выразителем этого объединения явился в середине XII века глава племени Та-та, Есугей багатур, производивший себя в восьмом поколении от мифического главы Монголов — Будандара — сына Алань Гоа и небесного духа, и принадлежавший к роду Бурджигенов. Этот род по женской линии был тюркского, скорее всего уйгурского происхождения, среди которого могло быть распространено христианство в виде несторианства. В мужском поколении род Бурджигенов был монгольским, что отражается на втором имени мифического родоначальника Бурджигенов Будандара-Монг (позже Менгке) — хан, означающем „небесный, священный“. Есугей становится во главе федерации монгольских и тюркских племен (особенно Керитов), направленной против могущественного царства Ниучей или Кин („золотой ограды“ по-китайски). Несомненно деятельное участие южнокитайского государства Сун в организации этой коалиции против ненавистных китайскому национальному чувству владык Северного Китая, в лице „варваров“ — Ниучей. Пользуясь, кроме того, смутами среди других монгольских племен, страдавших также от нападений тюркских государств Керитов и Найманов, Есугей объединил эти племена, но не наволго — его преждевременная смерть почти разрушила его дело. Старшему сыну Есугея — Темучину пришлось подвергнуться гонениям и опасностям, пока благодаря поддержке его энергичной матери сумевшей сохранить влияние над некоторыми родами, а также могущественного керитского хана Тогрула, ему не удалось добиться в 1169 году своего признания со стороны ряда монгольских племен, в качестве кагана, при чем он принял титул Суту Богдо (воплощение Бога). С этого момента, путем искусной политики союзов с Керитами и севернокитайским правительством Ниучей, а также удачных войн, Темучин объединяет всю Монголию. В ознаменование этого события на курултае — собрании „тарханов“, т. е. владельцев „обеленных“ (свободных от повинностей) земель, происходившем на лугах реки Карулена, в 1203 году, по мнению одних ученых, в Каракоруме, старинной тюркской столице, в 1206 году, по мнению других, Темучин принял титул Чингиз-хана. Точное значение этого титула не установлено; обыкновенно его переводят словами: „непоколебимый государь“; возможно, что он тождествен с титулом хакана Бунг-ну (в китайской передаче) — Чен-Ю („славный, блестящий“). С момента этого курултая разрозненные монгольские, тюркские и тунгусские племена сливаются в одну нацию — синих Монголов. Здесь же Темучин положил начало той военной организации монгольских племен, которая послужила причиной его последующих громадных завоеваний.

Основой этой военной организации явились племена монгольских племен на 9 военных округов, во главе которых должны были стоять особо приближенные к Чингиз-хану, отличенные своею храбростью „арбеки“ (богатыри). Созданная им гвардия служила источником, из которого он мог черпать достойных людей для военного командования. По мере роста его военных сил Чингиз-хан вводил в них строгую дисциплину, опиравшуюся на круговую поруку, которой были связаны входившие в состав военных единиц отдельные воины. Низшей из этих единиц был десяток, следующими—сотня и тысяча, высшей—10 тысяч человек, составлявших „томан“ (или „тэму“, как называют ее русские летописи). Дисциплина поддерживалась смертною казнью, постигавшей весь десяток или сотню—в случае бегства хотя бы одного из входивших в их состав воинов, а также телесными наказаниями, в виде бития жупом. После знакомства с китайскими военными приспособлениями Монголы усвоили употребление осадных орудий, в том числе таких, которые метали зажигательные, наполненные нефтью, снаряды, а также приспособлений для минной борьбы. В боевом порядке Монголы, как и Тюрки, располагались пятью или семью отрядами, при чем это расположение, и даже названия отдельных из этих отрядов были впоследствии заимствованы у Монголов покоренными ими русскими племенами и сохранялись в московском военном устройстве.

Опираясь на созданную им военную силу, Чингиз-хан начинает ряд походов как на соплеменные Монголам государства Керантса и Найманова, так и на постоянную, заманчивую цель для всех азиатских варваров—на Китай. Все эти походы увенчиваются успехом, под влиянием которого Чингиз-хан решает на борьбу со сложившейся в нынешнем Туркестане и Персии внешне-могущественной державой Хорезмшахов. Эта победоносная борьба привела двух выдающихся полководцев Чингиз-хана—Субудая багадур и Джебе Нойона—к предгорьям Кавказа, откуда они предприняли, с одобрения Чингиз-хана, карательный поход на Половцев, которые, по некоторым сведениям, оказывали помощь Хорезмшаху в его борьбе с Монголами. Этот поход доставил Монголам ряд побед, из которых самая крупная была одержана ими зимою 1220 года уже на Дону—в центре половецких кочевий. Чтобы спасти остатки своей орды, уцелевший старший хан Котян откочевал с ними поближе к границам русских земель, где он обратился одновременно к русским князьям с призывом о помощи, рисуя им картины порабощения их Монголами вслед за Половцами. Хотя Монголы со своей стороны уведомили русских князей, что их поход имеет целью только наказание Половцев, которых они называли своими конюхами и рабами, но собравшиеся в Киеве князья были слишком связаны родством и интересами с Половцами, с одной стороны, и опасались соединения Половцев с Монголами в случае отказа им в помощи—с другой, чтобы послушаться Монголов. Поход русских князей в глубь половецких степей, куда их заманили обычной у кочевников тактикой Монголы, завершился упорной битвой на берегах Калки (нынешнего Калмиуса, впадающего в Азовское море) в 1223 году. Исход битвы оказался роковым для соединенного русско-половецкого войска, как вследствие произошедшей даже в критическую минуту княжеской розни, так и вследствие бегства Половцев, вызванного скорее паникой, чем изменой. В

гибели упорно оборонявшихся в укрепленном лагере нескольких русских князей сыграл коварную роль выступивший в качестве посредника между Русскими и Татарами (как постоянно называют Монголов, наравне с западными, и русские летописи) вождь Бродников, Плоский, Бродники. Этот, как мы уже знаем, акклиматизовавшийся в черноморских степях славянский элемент, оказавшись, не взирая на их христианство, в данном случае союзниками Татар, предавшими им русских князей. Последствия калкского разгрома оказались, как известно, не столь ужасными для русских областей, как ждало этого налуганное появлением „языков неизвестных“ народное воображение. После некоторого преследования остатков разбитых русских полков и грабежа полупустых поселений. Субудай и Джебе, не доходя до Киева, повернули назад, в половецкие степи, к Дону, откуда они возвратились в пределы Монгольской державы, включавшей к этому времени в свой состав и степи Кипчака между Волгой и Аральским морем. Причину этого отступления, непонятного для современников, следует видеть как в малочисленности татарского войска, не позволявшего начать новый далекий поход, так и в ограничении Чингиз-ханом задачи последних из военачальников наказанием Половцев и рекогносцировкой еще мало известных Монголам краев Западного Кипчака, т. е. причерноморских степей.

Первое появление Монголов в причерноморских степях было, таким образом, лишь недолгим эпизодом. Однако, оно произвело сильное впечатление на умы не только русских людей, увидевших в нем наказание за грехи, но и на Половцев, испытанных на себе впервые силу монгольского удара. Оправившись от постигшей их беды, Половцы стали подумывать об откочке в более защищенные от возможного вторжения монгольского натиска места, и уже в ближайшие за битвой на Калке годы часть их уходит в Венгрию—в равнины среднего Дуная, часть на Кавказ. Но все-таки еще не малое количество Половцев осталось на старых, облюбованных кочевьях, где их и застала новая, еще более грозная пора—появление в черноморских степях громадной монгольской массы—в виде орд Батия.

Возвратившиеся из своего победоносного похода в степи Кипчака Субудай и Джебе были с почетом встречены Чингиз-ханом на берегах Сыр-Дарьи: но их донесения не вызвали у создателя монгольской державы немедленного желания заняться покорением этих степей и лежащих за ними европейских стран. Планы Чингиз-хана были направлены в это время на Восток—в глубь Азии, и последние годы своей жизни он провел в войнах с различными варварскими владениями Китая. Он умер в 1227 году, почти одновременно со своим старшим сыном Джучи, получившим в удел степи восточного Кипчака. Огромная держава Чингиз-хана, хотя и разделенная между его сыновьями, починалась высшей власти одного из них—Огодая (или Угедая), избранного на собранном с этой целью в 1229 году курултае. В числе уделов Кипчак, за смертью Джучи, перешел к одному из его сыновей—Бату, известному русским летописям под именем Батия. Первые годы правления Батия заняты были усмирением восстания живших между Уралом и Волгой и подчиненных Монголам племен, при чем этим племенам помогали как русские князья, так и Половцы. Такое неустойчивое положение монгольской власти на Западе ее владений вызвало со сто-

роны великого хана Огодая присылку Батыю большого войска для окончательного покорения всего Кипчака, т. е. и черноморских степей. Размеры этого войска определяются современниками в 300 тысяч человек, что в связи с сопровождавшими войску семьями их и рабами дало бы массу, еще вдвое большую. По поводу этих огромных цифр здесь, однако, возможны такие же сомнения, какие выдвинуты некоторыми учеными в связи с сообщениями о численности германских племен, сокрушивших Римскую Империю. Едва ли при условиях того времени могли бы такие массы людей передвигаться на большие расстояния и в особенности прокармливать себя, да и самое существование такого многочисленного населения в мало плодородных степях Азии, а не в естественно или искусственно орошенных низменностях (в роде туркестанского Междуречья) является маловероятным. Самые военные успехи Монголов, относившиеся побежденными ими народами на счет их неизмеримого численного превосходства, объясняются в настоящее время учеными скорее превосходством их военного искусства.

Получив, во всяком случае, некоторые подкрепления, в состав которых входило немало тюркских элементов, Батый двинулся в далекий поход, в сопровождении знатока Кипчака, Субудая, который и стал фактическим руководителем всего войска. Перипетии этого „Батыева нашествия“, начавшегося от берегов Урала в 1236 году, страшились на судьбах черноморских степей лишь летом 1238 года, когда Монголы, опустошив северо-восточную Русь, появились здесь, чтобы окончательно раздаться со своими непокорными „холопами“—Половцами. Хотя Половцы и пробовали сопротивляться, но борьба их с Монголами оказалась неудачной и уже к концу того же 1238 года половецкому владчеству в Причерноморьи пришел конец. В то время, как небольшая часть уцелевших Половцев осталась на старых кочевьях, проявив полную покорность победителям, значительное большинство их двинулось компактной массой на Запад, избрав при этом две цели—засунайские области Болгарии и равнины среднего Дуная, заселенные близкими к ним по культуре Венграми. Судьба их была различна. Задунайские Половцы, вторгнувшись в Болгарию вопреки сопротивлению Болгар, вскоре проникли за Балканы и затем осели в довольно большом количестве в разных местностях Балканского полуострова, в особенности в Добрудже. Здесь в XIII—XIV веках существовали даже полунезависимые „деспоты“ или „архонты“, правившие над местным тюркским населением. Вторая значительная струя половецкой эмиграции направлялась в Венгрию, где глава ее, хан Котян, нашел гостеприимную встречу у короля Бела, расселившего значительные массы Половцев (до 40 тысяч семейств) по различным областям Венгрии (получившим вследствие этого имя Кунаний Большой и Малой). Это гостеприимство, однако, дорого обошлось Венграм, так как оно послужило одним из поводов для вторжения в их пределы войск Батыя. Однако позже и в Венгрии, как и в Болгарии, половецкий элемент начал играть довольно значительную роль при королевском дворе и среди высших слоев венгерского общества. Следы Половцев сохраняются в Венгерском государстве еще ряд веков.

Таким образом, к началу 1239 года Татары (как мы будем теперь впредь называть осевших в Новороссии Монголов Батыя) были

уже полными хозяевами черноморских степей и, опираясь на них, как на базу, могли предпринять те далекие походы сначала на Юго-Западную Русь, а потом на Польшу, Силезию, Моравию и Венгрию, которые наполнили ужасом сердца обитателей всей христианской Европы. Обессиленную феодализмом и борьбой папством и Священной Римской Империей Западную Европу спасло от дальнейшего монгольского нашествия давножданное Батыем событие—смерть великого хана Огодая, открывавшая ему широкие наследственные перспективы. Получив известие об этом событии, Батый двинулся весной 1242 года из Венгрии в далекий обратный путь, для принятия участия в курултае, в степях Средней Азии, где должно было произойти, среди интриг многочисленных потомков Чингиз-хана и их жен, избрание нового „великого хана“, каковым надеялся стать Батый. Этот обратный путь был совершен главным войском долиною Дуная, частью по Болгарии, и к концу 1243 года Батый уже расположился табором на низовых Волги. Здесь, однако, он остался надолго, опасаясь прибыть лично на курултай, в виду враждебного отношения к нему представителей других ветвей дома Чингиза. Это отношение, приведшее к избранию в „великие ханы“ не Батая, а сына Огодая—Гуюка, окончательно связало интересы Батая с Кипчаком, который под именем Золотой Орды и остался в обладании потомства Джучи. В состав этого „улука“ (удела) входили и причерноморские степи, история которых связана, таким образом, в течение двух веков, с историей неолетного процветания и медленного упадка этой западной части созданной Чингиз-ханом великой Монгольской державы¹⁾.

§ 23. Господство Татар в причерноморских, а также в прикаспийских степях, носившее вначале характер военной оккупации, уже скоро начало принимать более мирные, оседлые, формы, что выразилось в появлении городов, как возобновленных на месте прежде существовавших (таков Сумергент на развалинах Итиля, впоследствии преобразившийся в Цитрахань или Астрахань), или же новых, каковым был Сарай, основанный уже Батыем, повидимому, в 1253 году и сделавший столицей Золотой Орды (его первоначальное местоположение некоторые ученые видят в селе Селитренном, на Ахтубе, рукаве Волги, откуда он только в середине XIV века был перенесен на место нынешнего города Царева, лежащего на той же Ахтубе, но значительно севернее). Эти города были сосредоточены в Поволжье, являвшемся как бы центром Кипчацкого государства, где кочевала главная масса Татар с ханом Золотой Орды во главе. В причерноморских степях таких чисто-татарских городов мы в первые века татарского владычества не встречаем, если не считать таковым город Умек, расположенный на берегу Азовского моря, на месте нынешнего Мариуполя.

¹⁾ О происхождении Монголов, а также о Чингиз-хане и его походах—Wolff, *Geschichte des Mongolen oder Tataren* (1872), 1—148; Cahun, *Introduction à l'histoire de l'Asie* (1896); Бартольд, *Туркестан в эпоху монгольского нашествия*, т. II (1900), Грушевский, *История*, т. II, 174—175; 204—300, о неправдоподобии шифровых соображений, касающихся германских переселений, см. у Delbrück, *Geschichte der Kriegskunst im Rahmen der politischen Geschichte*, т. II, а также Rohrbach, *Geschichte der Menschheit* (1918), 152—155; о судьбе Половцев—Брун, *Черноморье*, II, 326; 333—334; Wolff, *о. с.*, 292—295, Грушевский, *о. с.*, II, 301—303; Голубовский, *Полонезы, Тюрки и Половцы*; или же Половцы в Венгрии (1899), *Legea Droits nationaux et politiques des Roumains dans la Dobrogea* (1917), 28—34.

В этих степях в ближайшие после татарского нашествия годы русские и западно-европейские источники перечисляют три орды, во главе которых стояли частью потомки Чингиз-хана, частью военачальники, называемые в русских летописях „темниками“. Крайняя к западу из этих орд расположена была в степях по нижнему течению Днепра (по правому его берегу) и Буга. Сведения об этих ордах, а также о быте Татар в первые годы после упрочения их в причерноморских степях мы почерпнем из описания путешествия, предпринятого францисканским монахом Иоанном де Плано—Карпини к Татарам, по поручению папы Иннокентия IV, в 1246 году. Целью этого путешествия являлось стремление папы (как и западных государей вообще) разузнать о дальнейших планах Татар по отношению к Западной Европе, а также об отношении их к христианству, в виду ходивших в это время в Европе слухов о существовании в Средней Азии „царства пресвитера Иоанна“, связывавшегося с Монголами. Однако, в действительности это легендарное „царство“ было скорее всего государством Керантов, исповедывавших в значительной своей части несторианскую ересь и во главе которых стояли правители с титулом Уаиг-ханов—лаззание, легко переименованное в Иоанна. Плано Карпини проехал через опустошенную Юго-Западную Русь, побывал в Киеве, где он застал целый ряд иностранных купцов, пробравшихся далее на Восток и к берегам Черного моря — признак далеко не столь полного разгрома, „матери городов русских“, как это принималось некоторыми учеными раньше. Первая встреча Карпини с Татарами произошла недалеко от Канева на Днепре, где после допроса его о целях путешествия, изложенных им в виде желания папы установить мир между христианами и Татарами, а также способствовать их обращению в христианство, Карпини был отправлен к начальнику самой западной из подчиненных Батыею орд, являвшейся как бы его авангардом по отношению к Западной Европе. Ему пришлось предпринять затем продолжительное путешествие ко двору Батия через причерноморские и приазовские степи, которые Плано по старому называет Куманией, т. е. страной Половцев. Во время этого своего переезда Карпини и собрал упоминавшиеся нами сведения о размещении отдельных орд Батиева улуса (т. е. удела), а также сделал наблюдение о переменах Татарами мест для кочевков — летом ближе к средним течениям Днепра, Дона и Волги, т. е. севернее, зимою возле устьев этих рек — южнее. Он не сообщает сведений о составе населения причерноморских степей, тогда как собрат Карпини по францисканскому ордену, Вильгельм Рюйсбрек (или Рубруквис), посетивший вскоре после него эти степи, дает нам ценные данные об остатках славянского населения в этих степях. Путешествие Рюйсбрека было предпринято в 1253 году по поручению французского короля Людовика IX Святого, надеявшегося в своем христианском рвении найти союзника против теснявших Иерусалимское королевство мусульман—Сельджуков и лице Монголов, в частности в виду слухов о христианстве сына Батия, Сартака. Во время своего переезда из Сугдеи (города на южном берегу Крыма) к орде Сартака, кочевавшей в Подонье, Рюйсбрек встречал в Крыму Русских, а на устьях Дона нашел „русское село“, жители которого, по приказу хана, должны были перевозить путешественников через реку; их обычными занятиями были

завладение и рыболовство. И далее на Восток, во время своего путешествия ко двору Батые (куда он был отправлен Татарами, подобно Карпини) Рюйсброк описывает существование на берегу Волги второго русского поселения, жители которого также являлись перевозчиками, но здесь, как и в посещенном Карпини городе Орне, расположенном на берегах Каспийского моря (скорее всего в устьях Терека, на месте хазарского Семендера) русские жители были пришлым элементом, чего нельзя сказать о Придонских.

Как Карпиния, так и Рюйсброк во время их далеких странствований, приведших их в конце концов в глубь Азии, ко двору великого хана, находившемуся в Каракоруме—городе на берегах Орхона, с немалым количеством поселенных здесь русских пленников—ремесленников, собрали ценные сведения о быте, а также и о государственном строе Татар. На основании этих сведений, сообщений восточных историков, а также остатков изданных Чингиз-ханом законов (так называемой „ясы“ и его „изречений“) выясняются следующие черты, характеризующие государство Монголов. Это государство, как в его целом, так и в частях (в виде отдельных „улусов“, распределенных между ветвями Чингизова рода), было проникнуто духом родовой зависимости, выросшим на почве того дружинно-родового быта, которым издавна жили монгольские племена. В силу этой родовой зависимости все члены рода были уравнены в смысле безусловной покорности главе рода, в целях несения обязательных повинностей, в особенности военной службы. Из этого принципа закрепощения всех членов рода интереса рода, как целого, и вырос тот деспотизм глав объединенных родов и племен, каковыми были ханы Монголов, и который нашел себе выражение в изречении одного из преемников Чингиз-хана: „исполнять мою волю, явиться, когда позову; идти, куда велю; предать смерти всякого, кого иззову“. Из этого государственного крепостничества совершенно исключались лишь ханы и их потомство, составлявшее разряд нойонов — князей. Из всей остальной массы родового населения лишь отдельные лица освобождались, под именем „тарханов“ (или „дарханов“), т. е. свободных, вернее, вольноотпущенных людей, причем в числе этих „тарханов“ были как знатные члены родов, освобожденные („обелявшиеся“) от личной военной службы, так и простолюдины—от податей и других повинностей. В этих чертах, характеризующих монгольский общественный быт, некоторые ученые видят основы для развившихся в русском общественном быту, особенно времени роста Московского царства, прикрепления всего населения либо к государственной службе, либо к тяглу—в результате татарского владычества над Русью и его влияния на нас. Но наравне с этим всеобщим закрепощением на службу рода, а затем государства, мы находим у Монголов строгое разделение членов рода по происхождению на „белую кость“ и „черную“, в результате чего принадлежавшие к „белой кости“ составляли служилую аристократию, которой принадлежало наследственное право занимать те или другие должности. В составе этой аристократии строго соблюдалось распределение должностей по родовым степеням—такое же служебное местничество, какое позже наблюдается в Московском государстве, возможно, также в результате татарского влияния. На устройство монгольской администрации оказали сильное

влияние как китайские, так и более культурные тюркские (уйгурские) образцы, которые заимствовались еще самим Чингиз-ханом. Мы находим в этой администрации систему поручения того или иного дела определенному лицу из родовой аристократии, с придачей ему секретарей и писцов, причем эти лица постепенно объединяются в особые учреждения, носившие персидское название „диванов“, которое Русские переводили термином „палаты“. Конечно, наивысшего своего развития монгольская администрация достигла в центре державы Чингиз-хана — в Средней Азии, под все усиливавшимся китайским влиянием, но и в Золотой Орде встречаются, хотя и в менее развитых формах, „палаты“, послужившие, по мнению некоторых ученых, образцами для московских приказов. Наравне с центральной администрацией существовала и областная, в лице „даруг“, „баскаков“ и других правителей, с преобладанием в ней финансовой, основанной на тяжелом гнете населения, деятельности. Известно, хотя бы из русских летописей, как проявлялась эта деятельность в подчиненных Татарам сгранах: заранее терроризированный возмущенный в систему истребления более влиятельных и богатых слоев населения. По мере упрочения власти Татар и, в частности Золотой Орды, этот террор смягчается, и известные слои подчиненного населения пользуются особым покровительством — как, например, духовенство, которое еще яса Чингиз-хана освобождала от податей. В отношении Татар к христианскому духовенству не сыграла значительной роли перемена религии. Исповедывавшиеся Монголами издавна шаманизм, выражавшиеся в различных внешних суеверных обрядах, не смогло долго выдерживать соприкосновения с более высокостоящими религиями и уступило место частью буддизму (правда, в его ухищренной форме, в виде ламанизма), частью мусульманству. В Золотой Орде последнее было принято одним из ближайших преемников Батые, ханом Берке, в 1261 году, под влиянием пропаганды из Туркестана, и стало усиленно распространяться этим ханом среди его подданных. Не взирая на это событие, отношение Золотоордынских ханов к христианству не ухудшилось, что выразилось в наделении духовенства ярлыками (льготными грамотами) и в разрешении на устройство в столице из Сарая, в 1261 году, особой епископской кафедры для переселенных сюда Русских. Вскоре влияние этой епископии было распространено на Подонье — признак существования здесь христианского, скорее всего, славянского населения.

Государственный строй Золотой Орды, как и всей державы Чингиз-хана, с самого своего начала характеризовался неопределенностью порядка престолонаследия, который зависел как от запутанной системы родового старшинства, так и от избирательного начала. Вследствие этой неопределенности престол являлся часто объектом кровавой борьбы, причем среди претендентов появлялись в позднейшее время лица, не принадлежащие к Дукучиеву роду, а опирающиеся на свою силу. Такие лица чаще всего выходили из состава тех начальников отдельных орд, на которые, как мы знаем, делилось Кипчацкое государство с момента его основания. Эти беки или эмиры, как называют таких начальников восточные источники, уже со второй половины XIII века, по мере роста династических снут в центре Золотой Орды, начинают играть почти самостоятельных областных правителей, в то же время поддерживая тех или иных пре-

тенентов на ханский престол. Таким всемогущим „творцом ханов“ явился в 70-х годах XIII столетия знаменитый в русских летописях Ногай, образовавший в причерноморских степях владение, в котором наряду с Татарами называются в числе его подданных Русские, Готы, Аламы и Зики, что указывает на его господство как на южном берегу, Крыма, так и в Предкавказьи. Влияние Ногая простиралось на Западе, вероятно, до Дуная, чем объясняется его вмешательство в прорусско-болгарские отношения в это время в Болгарии смуты. Дело дошло до того, что Ногай стал распоряжаться болгарским престолом, посадив на него угодного ему боярина. Однако могущество Ногая, достигшее своего апогея после возведения им на золотоордынский престол своего ставленника Тохты, рухнуло в результате борьбы с ним этого, тяготившего своим опекуном, ставленника, — борьбы, приведшей к битве между ними, которая окончилась гибелью Ногая. Эта битва, происходившая в 1299 году, восстановила на некоторое время власть ханов Золотой Орды над Черноморским побережьем вплоть до Дуная. Память о Ногае и его эфемерном могуществе сохранилась надолго в названии, усвоенном Татарами, кочевавшим в приднестровских, приднепровских и придонских степях, как Татар ногайских. Однако восстановленное единство Золотой Орды, достигшей наивысшего своего расцвета в правление хана Узбека, в первой половине XIV века, сменилось новым разделением в связи с наступившей после смерти Узбека сорокалетней смутой. — „великой заметней“, как выражались русские летописи, в Орде. Во время этой смуты снова появляется обособление черноморских степей, а также Крымского полуострова, перешедшего под власть Татар в 1238—1239 годах, в почти самостоятельную область, во главе которой в семидесятых годах XIV века стоял памятный русскому народу эмир Мамай. Хотя большинство становившихся правителями этой области эмиров стремилось впоследствии к захвату власти над всей Золотой Ордой, но все же эта обособленность Крыма и прилегающих к нему причерноморских степей становится все более постоянной. Распад Золотой Орды, ускоренный испытанным в конце XIV века этой Ордой ударом со стороны восстановителя монголо-тюркской великой державы — Тимура, привел во второй четверти XV столетия к образованию самостоятельного Крымского ханства. Основателем этого ханства был Хаджи-Гирей, происхождение и первые шаги которого окружены неясностью и вызывают не мало ученых споров. Наиболее вероятным является мнение, что Хаджи-Гирей первоначально выступает под другим именем — Девлет-Бирды, о котором известно, что он в конце двадцатых годов XIV века неудачно претендовал на золотоордынский престол и вслед за тем должен был искать убежища у могущественного литовского великого князя Витовта. Под своим новым именем Хаджи-Гирей впервые выступает в 1434 году, когда он входит в столкновение с упрочившимися на южном берегу Крыма итальянцами. Однако вслед за этим своим первым появлением Хаджи-Гирей снова исчезает с исторического горизонта и лишь в середине XV века упрочивает на Крымском полуострове свое владычество, laying основу правления здесь Гиреев. Его дальнейшая деятельность, направленная к защите созданного им ханства от притязаний золотоордынских ханов, привела Хаджи-Гирея к тесному союзу с Литовско-русским государ-

ством. Рост турецкого могущества на берегах Черного моря после взятия Константинополя Турками в 1453 году побуждал Хаджи-Гирея искать добрых отношений с Турками. Однако только позже, при его сыне, Менгли-Гирее, в 1478 году, Крымское ханство становится в вассальную зависимость от турецкого султана. Правление Менгли-Гирея было ознаменовано решительной переменой политики Крымского ханства по отношению к северным его соседям. Дружба с Литвой прекращается, вследствие поддержки, которую литовское правительство оказало сопернику Менгли-Гирея по обладанию престолом; взамен этой дружбы Менгли-Гирей сближается с московским великим князем Иваном III на почве общих интересов — сокрушения Золотой Орды. Тем самым Менгли-Гирей становится на сторону Москвы в разгорающейся борьбе последней с Литвой за владение западно-русскими землями, и начинается тот ряд спустошительных набегов на Киевскую область и другие южные окраины Литовско-русского государства, которые причинили этим землям больше вреда, чем нашествие Батыя. Государство крымских ханов имело своим центром Крымский полуостров, получивший это свое название от первой столицы ханства — города Крыма, раньше называвшегося Солхатом (нынешний Старый Крым); значение слова „Крым“ с наибольшей вероятностью объясняется из турецкого слова „кырым“ — ров, окол, укрепление. Около середины XV века столицей становится Бакче-Сарай. В состав Крымского ханства входили, кроме Таврического полуострова, и причерноморские степи, где постепенно выделились подчиненные хану четыре орды — соединения рядов родов. Из этих орд наиболее западная занимала пространство между низовьями Днестра и Буная, получившее турецкое название „Буджак“, т. е. угол, откуда и самая орда стала называться Буджакской. К Востоку от Днестра и до Днепра были расположены кочевья Едисанской и Джамболукской орд, которые раньше других объединились под именем Ногайских. Это явление объясняется вероятностью существования именно в этих местах, на полуострове, образуемом Днестром и притоком последнего, Кучурганом, юрта (ставки) Ногаев. Крайней к Востоку являлась Азовская орда, получившая свое имя от татарского названия города на устьях Дона — Азака, более известного под именем Азова. Все эти орды не могли создать чего-либо прочного в культурном отношении в причерноморских степях, и наибольшим благом для последних было появление и упорочение, хотя и кратковременное, на северных берегах Черного моря стоявших несравненно выше по культуре выходцев из далекой Италии¹⁾.

§ 25. Появлению итальянских колоний на берегах Черного и Азовского морей предшествовали давние торговые сношения жителей отдельных приморских итальянских городов как с побережьями этих

¹⁾ О быте Монголов и строе Золотой Орды см. путешествия Карпини и Рубрика; Ф. И. Леонтович, Древний монголо-калмыцкий устав — Записки Новорос. Уния, т. XXVIII, 188—198; 251—257; 262—268; Н. И. Веселовский, О религии Татар по русским летописям (Журн. Мин. Нар. Просв., 1916, кн. VII). Грушевский, о. с., II, 301; III, 156—157; Wolff, о. с., 387—402; о Ногае — Врук, Черноморье, II, 351—354; Wolff, о. с., 408—409; 415; о распаде Золотой Орды и образовании Крымского ханства — Смирнов, Крымское ханство под верховенством османской Порты до начала XVIII века (1887); Грушевский, о. с., IV, 247—249, 256—262; 268—280.

морей, так и с лежащими в глубине восточно-европейских равнины культурными центрами. Развитие мореплавания и связанной с ним торговли в этих городах развило предприимчивость жителей этих городов на Восток, в страны, подчиненные или соседние с Византийской империей. Эта империя являлась до XI века владычицей Южной Италии и могла облегчить торговые сношения итальянских городов, из которых некоторые находились в зависимости от Византии. Раньше всех других итальянских мореплавателей появляются, может быть еще в XI веке, в Черном море жители южно-итальянского города Амальфи, являвшегося в это время оживленным торговым центром, посредничавшим между арабским и византийским Востоком и латинским Западом. Но следы посещения жителями Амальфи берегов Черного моря немногочисленны и сохранились лишь на восточном берегу его, где около нынешнего Сухума средневековые карты отмечают „Порт Амальфитан“. Уже в том же XI веке начинает быстро расти на Востоке торговое и морское значение наиболее прославленного из итальянских приморских городов—Венеции, в связи с тем союзом, который объединил эту будущую „царицу морей“ с Византией для борьбы с опасным для обеих сторон могуществом норманского южно-итальянского королевства, вождь которого Роберт Гвискар серьезно помышлял не только о захвате западной части Балканского полуострова, но даже о византийской императорской короне. Договор 1082 года предоставлял Венецианцам, уже и раньше, вследствие исконных связей их города с Византийской империей, проживавшим и торговавшим в Константинополе, владение отдельной частью города — Перой, с выделением ее из-под византийской власти. Опираясь на этот прочный базис, венецианская торговля стала быстро распространяться по византийским, в том числе и причерноморским областям, а затем и за пределы византийских владений, в том числе и в среднем Поднепровьи. Вот почему „Слово о Полку Игореве“, в числе тех чужестранцев, которые в Киеве прославляют победу над Половцами могущественного князя Святослава Всеволодовича в 1184 году, упоминает Венецианцев—имя, под которым у Славян были известны Венецианцы.

Появление Венецианцев на берегах Черного моря не могло не возбудить зависти и стремления к конкуренции у их давних соперников по морской торговле— у жителей быстро развивавшихся в ту же счастливую для итальянской городской цивилизации эпоху Генуи и Пизы. Соперничество этих городов старалось извлечь для себя выгоду из тех запутанных отношений, в которые попала Византия в связи с крестовыми походами и возникновением ряда „франкских“ владений на Востоке. Ценою обещания помощи Византии как против этих неприятных новых соседей, так и против старых—южноитальянских Норманов Рожера II, сначала Генуя, а потом Пиза заключают договоры с Византией, в которых видную роль играют вопросы о праве торговли этих городов. Правда, эти договоры не могли искоренить той религиозной и национальной антипатии, которая царил в эти века между Греками и „Латинянами“, но торговые связи между итальянскими мореплавателями и греческими поселениями на северных берегах Черного моря оказались весьма прочными. Первый по времени договор, предоставлявший итальянским купцам право торговли в греческих поселе-

ниях на этих берегах, относится к 1169 году, когда император Мануил Комнин разрешил Генуэзцам торговать со всеми греческими портами, за исключением двух, лишь недавно перешедших в византийские руки, исконных славянских выходов в Черном и Азовском морям—Тмутаракани (под именем Матархи или Матрахи) и не раз упоминавшейся нами „России“. Причину этого исключения ученые видят в нежелании Византийцев допускать Генуэзцев к прибыльному рыбному торгу, который издавна сосредоточивался в этих городах. Вслед за Генуэзцами и Венецианцы получили в 1199 году от императора Алексея III диплом на право черноморской торговли, но этот диплом, как и вообще их торговые отношения к Византии, не удовлетворяли предприимчивых и воинственных „сынов св. Марка“, и одной из причин губительного для дряхлевшей Византии отклонения пути IV Крестового похода, приведшего к созданию Латинской империи, было стремление Венецианцев добиться расширения своих торговых привилегий в Византии. Как известно, Венецианцы при создании Латинской империи сделали значительные территориальные приобретения; но эти приобретения не распространялись на берега Черного моря, где, однако, венецианская торговля стала беспорочно господствовать над торговлей других итальянских городов. Этим обстоятельством объясняются известия, что в Киеве вскоре после взятия его Батыем итальянский монах миссионер Платон Карпини находит венецианских купцов, а другой монах Рюйсбрёк встречает таких же купцов в крымском городе Сугдее. Сосредоточения черноморской торговли во времена Латинской империи в руках Венецианцев было главной движущей причиной, побудившей конкурентов Венеции — Геную и Пизу оказать поддержку стремившимся к свержению ненавистного „латинского ила“ Грекам. Эта помощь была щедро вознаграждена восстановителем Византийской империи Михаилом Палеологом, даровавшим по договору 1261 года монополию торговли на Черном море жителям Генуи и Пизы. Но это исключение из черноморской торговли Венецианцев продолжалось недолго, так как уже в 1265 году и они получили от Византии право прохода через Босфор и Дарданеллы и могли возобновить свои черноморские торговые операции. К этому моменту их соперники—Генуэзцы уже прочно утвердились на Крымском побережье, положив начало процветанию Кафы—этой преемницы греческой Феодосии. В свою очередь, Венецианцы старались таким же образом утвердиться и уже давно ими посещавшей Солдае, как она называли Сугдею; но хотя их торговое положение здесь и оказалось прочным, власть над городом находилась не в их руках, а принадлежала сначала греческому, избранному населением, „сeвасту“, а затем поставленному могущественным татарским ханом татарскому наместнику. Это татарское верховенство над Сугдеей разразилось гонением на христианское, преимущественно греческое, население города, приведшее к закрытию церквей и удалению части подвергнувшегося гонению населения. Венецианцы продолжали свои торговые дела и под татарским владычеством; но дни их преобладания в Сугдее были сочтены: в 1365 году их более счастливые конкуренты—Генуэзцы, являясь сюлтанами в Орде, захватывают Сугдею. Несколько позже Сугдея была включена в состав того, подчиненного Генуе, колониального владения, которое простиралось вдоль всего южного берега Крыма, от

Балаклавы до Кафы, и носило имя Газарии — слабое воспоминание о некогда могущественном Хазарском царстве.

Вытесненные из Крыма Генуэзцами Венецианцы старались вознаградить себя в других пунктах Черноморского и Азовского побережий, находя в этом подражателей в еще менее счастливых, чем они, конкурентах Генуи — в Пиззцах. Следы этих стараний сохраняются в тех многочисленных итальянских названиях, которые на старинных морских картах Черного и Азовского морей обозначают места как постоянных оседлых итальянских поселений, так и пристаней или урочищ, от времени до времени посещавшихся предприимчивыми соотечественниками Христофора Колумба. Наиболее прославленным из восточных поселений итальянцев по той торговой роли, которую ему пришлось сыграть, является поселение на устьях Дона, известное на Западе под именем Таны. Вопрос о точном месте, где стояла эта итальянская колония, решается скорее всего в пользу нынешнего Азова, носившего татарское имя Азака. Появление здесь Итальянцев, сначала Генуэзцев, носило временный характер до 20-ых годов XIV столетия, когда тут основывается оседлое поселение Генуэзцев, рядом с которым уже скоро (в 1333 году) и Венецианцы устраивают свою колонию, по договору с золотоордынским ханом Узбеком. Непрерывные столкновения между конкурировавшими соотечественниками не мешали развитию Таны, укрепленной, благодаря их совместным стараниям, стенами и башнями, остатки которых были еще видны в конце XVII столетия. Выгодным было самое местоположение Таны, на берегу изобильного рыбою Дона, являвшегося в то же время удобной водной дорогой, выводившей в несколько дней пути к Приволжью, откуда не трудно было попасть в развивавшуюся на месте хазарского Итили Астрахань. Это местоположение создало из Таны в XIV веке необычайно важный пункт европейско-азиатской торговли. Отсюда итальянские и другие западные купцы снаряжались в далекие восточные края — в Персию, Туркестан и Китай, а также иногда имея оставшиеся ценные описания своих путешествий Иосафат Барбаро и Амвросий Контарини) проникали в глубь русской равнины, доходя до еще неизвестной Европе Москвы. Однако это процветание Таны было не особенно прочным, в виду тех постоянных смут, которые царили в разлагавшейся Золотой Орде, облежавшей своими владениями Тану, и не раз приводили к нападениям на этот центр венецианской торговли на Востоке. Наконец, появление в причерноморских степях полчищ Тимура этого восстановителя монгольской империи Чингиз-хана, который вступил в ожесточенную борьбу с ханом Золотой Орды, Тохтамышем, привело в 1395 году к разгрому Таны, после которого она уже не могла оправиться вполне, тем более, что пути всемирной, в частности восточной торговли переместились в связи с разрушением столицы Золотой Орды — Сарая и упадком Астрахани, и вели снова к Сирийским портам. Однако, только турецкая тяжелая рука положила конец существованию итальянской Таны, одновременно с покорением центра всех итальянских черноморских колоний — Кафы — в 1475 году. Берега Азовского моря привлекали и себе наравне с Генуэзцами и Венецианцами представителей того третьего приморского города Италии, который, наравне с Венецией и Генуей, но с меньшим успехом стремился к участию

в восточной торговле, именно Пизы. Получив, благодаря своей поддержке возродившейся Византии в ее борьбе против Латинской империи такие же широкие торговые привилегии в Черном море, как и Генуэзцы, Пизанцы постыжились упрочить свои прежние связи с северным побережьем Черного моря и даже с Поднепровьем (в 1248 году Плано Карпини встречает в Киеве пизанских купцов). Это упрочение выразилось в основании на берегах Азовского моря, у северного рукава Дона, на месте древнегреческого Танаиса (между нынешними селениями Синяжкой и Нединговкой) порта, называемого на итальянских картах XIV века—Пизанским. Однако этому „Пизанскому порту“, как и вообще пизанской торговле в Черном море, не суждено было играть большой роли—Пиза не могла выдержать конкуренции не только Венеции, но и своего недавнего союзника—Генуи. В результате неудачных для нее морских битв с Генуэзцами (одна из них происходила у берегов Сугдеи в 1277 году) она лишилась части своего торгового значения, в особенности же губительным для нее оказалось обесечение Армо—реки, по которой к Пизе могли подниматься морские суда. Вот почему известия о „Пизанском порте“ скоро замирают, тем более, что близкое соседство с Тамой было слишком не выгодным фактором для его развития.

Таким образом, из трех конкурировавших между собою на берегах Черного моря итальянских приморских республик Генуя оказалась счастливее своих соперниц и в XIV—XV веках в ее руках было сосредоточено впадение значительной полосой южного берега Крыма, которое она умела защитить от Татар своею на редкость смелой, воинственной политикой. Однако Генуэзцы не хотели ограничить своего торгового влияния лишь крымскими берегами, и мы видим, что и на остальном пространстве северного побережья Черного моря, от Днепра до Дуная, те итальянские названия, которые отмечаются старинными картами, принадлежат генуэзским поселениям или стоянкам. Так, на устьях Днепра, недалеко от известного нам русского Олешья, находился замок, построенный Генуэзцами как в торговых целях, так и для защиты от соседних Татар. Этот замок носил название *Castrum illicis*, что, во второй части этого названия, является итальянизированной формой имени Олешья, формой, которая служила для обозначения на итальянских картах XIV века реки Днепра, как *flumen illicis* или же *ePlexe*. Вблизи этого замка находился по генуэзским актам, еще другой, который некоторые ученые помещают у деревни Тягинки (выше Херсона), ввиду имеющихся здесь развалин, приписываемых преданием Генуэзцам. Вообще, устья Днепра привлекали к себе внимание генуэзских мореходов, что проявилось в помещении на итальянских картах вблизи этих устьев ряда названий урочищ, носящих нередко характер осмысления более древних, греческих, имен. Важнее, чем эти урочища, является существование порта с итальянским названием „*porto de iogo*“, отождествляемого с нынешним Очаковым, носившим раньше турецкое имя Озу, близкое к этому итальянскому названию. Но и этот порт служил только местом стоянки итальянских кораблей, во время их плаваний вдоль северных берегов Черного моря, от устьев Днепра на Запад. Повидимому, такая стоянка имелась в окрестностях нынешней Одессы, будучи отмечена на картах загадочным именем „*ginestra*“, ке-

торое производится учеными от итальянского названия для растения дроха, в изобилии и теперь покрывающего одесские берега. Но только в устьях Днестра Генуэзцы осели твердо, притом на самом культурном месте. Старинный Тирас, превратившийся в Белгороде, своим выгодным для торговли местоположением должен был привлечь к себе внимание предприимчивых Итальянцев. Время основания здесь их колонии неизвестно; но путешествовавший в начале XV века по черноморским степям фламандский рыцарь Гильбер де Ланнуа застал довольно большое количество Генуэзцев, наравне с Армянами и Валахами, составлявших население Монкастро, как назывался западно-европейскими пришельцами в это время Белгород. Это имя, являющееся переделкой греческого слова Μαυροcastron, т. е. Черный Замок, было как бы по контрасту присвоено городу, упорно именовавшемуся „белым“ как Славянами, так и Рунынами, может быть, в связи с существованием недалеко, выше по течению Днестра, как мы уже знаем, „русского“ (по словам Носкресенской летописи) города Черин (на месте села Гроденицы). Прочным следом пребывания Генуэзцев на устьях Днестра является и поныне внутренняя часть Аккерманской крепости, поражающая мощностью постройки ее стен и башен. Однако Генуэзцы недолго были бесспорными хозяевами Монкастро, так как усилившаяся власть молдавских воевод упрочилась уже к середине XV века в этом многокишном городе, получившем теперь еще румынское имя — Четате-Альба.

Вероятно, Генуэзцы не преминули использовать для своих торговых операций такую удобную водную дорогу, как Днестр, но вопрос в том, они ли построили сохранившийся до недавнего времени пятибашенный замок в Сороках—поселении на этой реке—является в ученой литературе нерешенным.

Такова была та довольно густая цепь поселений или стоянок, которую от устьев Дона до устьев Дуная (где в Ликостомо—нынешней Кишин, была также генуэзская колония со своим консулом) протянула итальянская предприимчивость вдоль Черноморско-Азовского побережья, в целях использования богатых естественными произведениями прилегающих к этому побережью краев. Это использование облегчалось той высокой степенью экономического развития, на которой находились итальянские городские республики во второй половине средних веков. Сильное развитие промышленности в Венеции являлось твердой опорой для венецианской торговли, которая искала рынков для сбыта продуктов этой промышленности. Наоборот, Генуэзская торговля носила по преимуществу транзитный характер, так как собственная промышленность была развита довольно слабо и не могла снабжать генуэзскую торговлю достаточным количеством товаров для вывоза. Но, несмотря на эти различия, торговля обеих республик с Востоком являлась для них одним из важнейших экономических ресурсов, ввиду того большого спроса на различные восточные товары, который проявлялся в странах Западной Европы—в Германии, Англии, Нидерландах, удаленных от восточных рынков и для которых Венеция и Генуя являлись как бы складочными пунктами этих восточных товаров и посредниками в торговле. Самая торговля итальянских республик с Востоком производилась путем отправки целых эскадр купеческих судов. Так, в Черное

море Венецианцы посылали эскадру, часть которой отправлялась в Тану, чтобы погрузить здесь запасы хлеба и рыбы, а также привезенные из глубины Средней Азии и Персии шелк сырец и пряности, а взамен шелковых тканей и стеклянных предметов—главных производений венецианской промышленности, а также металлических изделий, среди которых прославленные миланские мечи и панцири играли не малую роль. Наконец, пленники, особенно славянские, являлись видной статьёй итальянского экспорта как в Тану, так и в Кафе. Эти сложные торговые операции обогачались тем развитием денежного хозяйства, которое замечается в Венеции и Генуе в эту эпоху преобладания натурального хозяйства во многих странах Запада. Существование еще с XII столетия банков, из которых впоследствии особую славу и значение приобрел генуэзский банк св. Георгия развитие вексельного обращения, как и кредита вообще, основание для совместных предприятий особых „коммандитных“ товариществ—все это давало достаточно средств для поддержания на высоком уровне и черноморско-азовской торговой и колониальной деятельности итальянских морских республик. Однако эта блестящая деятельность оказалась довольно непродолжительной и непрочной. Та постоянная зависть, которую на почве торгового соперничества питали друг к другу Венеция и Генуя приводила их нередко к ожесточенным войнам, серьезно отражавшимся и на успехах их черноморской торговли и колонизации. Равным образом, появление в Крыму из обломков Золотой Орды самостоятельного ханства, стремившегося, конечно, включить в свой состав богатый южный берег, было очень опасной угрозой для развития генуэзской Газарии. Правда, Генуэзцы путем изворотливой политики поддержки одних татарских ханов против других, а также платежом даней удерживали в относительной неприкосновенности свои владения, но внутри этих владений, под влиянием внешней опасности стали замечаться внутренние разрывы и деморализация.

Но решительным ударом для генуэзской торговой гегемонии в Черном море было утверждение на берегах Босфора и Дарданелл турецкого могущества. Связавшие себя с судьбою империи Палеологов еще с 1261 года, Генуэзцы не могли покинуть ее на гибель и в момент последней схватки умирающего византизма со свежей турецкой стихией прислали своих воинов на защиту Константинополя. Конечно, победоносный Магомет II не мог простить Генуэзцам этого заступничества, что проявилось как в разрушении генуэзской базы в Константинополе—Галаты, так и в тех, препятствиях которые ставились генуэзским кораблям при проходе их через проливы в Черное море и обратно. Правда, эти трудности не останавливали смелых генуэзских моряков от прорыва с нагруженными товарами кораблями через Дарданеллы и Босфор, но чем дальше, тем положение черноморских колоний Генуи становилось затруднительнее, тем более, что самая метрополия их переживала тяжелые времена. В целях сохранения этих владений генуэзское правительство передало их в полное управление богатого банка св. Георгия, но и эта мера не могла предотвратить естественного хода событий. Турки стремились подчинить своей власти после южного и северный берег Черного моря. Появление турецкого войска в Крыму в 1475 году положило конец генуэзскому колониаль-

ному государству, с Кафон во главе, и тогда же пала и Тана—это владение соперницы Генуи—Венеции. Разрушением итальянских колоний на берегах Черного моря был нанесен смертельный удар итальянской торговле в этом море, а вместе с тем была прервана налаживавшаяся связь припонтийских степей с культурными странами Запада, что, конечно, замедлило надолго их экономическое и культурное развитие ¹⁾.

§ 26. Еще более кратковременным и несравненно менее ценным в культурном отношении, чем итальянская колонизация северных берегов Черного моря, было господство на части этих берегов Литовско-русского государства. Рост этого государства под искусным управлением Гедимина, а затем Ольгерда, привел сначала к распространению влияния литовских великих князей на находившийся в вассальной зависимости от Татар Киев, а в 60-ых годах XIV столетия—к включению Киева и его земли в состав Литовско-русского государства. Обстоятельства, царившие в эту пору в обширных владениях Золотой Орды, благоприятствовали этой предприимчивой политике. После смерти хана Бердибека центральная власть в Орде была в полном упадке: отдельные татарские вожди (эмиры) правили совершенно независимые захваченными ими областями, вступая друг с другом в борьбу. Неудивительно, что Ольгерд вслед за занятием Киева стал думать о приобретении других южно-русских областей, непосредственно подчиненных Татарам. Для этой цели Ольгерд не побоялся углубиться в степи, где, по сообщениям западно-русских летописцев, на какой-то Синей Воде разбил трех татарских ханов—Качибей, Кутлубаха и Дмитрия. Это сообщение вызывало не мало ученых споров как относительно приурочения места битвы, так и времени ее, а равно и относительно тех последствий, которые имела эта победа для Южной Руси. Что касается определения места Синей Воды, то большинство склоняется к отождествлению ее с рекой Синюхой, притоком Буга, отделяющим Подолье от новороссийских степей. Это мнение является наиболее вероятным, тем более, что одна из летописей прибавляет об опустошении Ольгердом вслед за этой победой Белобережья—местности, издавна относимой к нижнему течению Днепра и Буга. О времени, когда произошла эта битва, одна из летописей сообщает нам точную дату—1363 год, и эта дата является наиболее подходящей к политическим условиям момента, в виду царившей в Золотой Орде в 60-ых годах

¹⁾ Об итальянских поселениях и торговле на берегах Черного и Азовского морей—Врун, Черноморье, т. I, 72—97; 148—173; 204—208; 265—316; т. II, 121—158; Кулаковский, Прошлое Тавриды, 89—91; 99—106; 113—115; Грушевский, История Украины—Руси, т. IV, 250, 256, а также две главы известного, и поныне не потерявшего цены, труда W. Heyd'a, Geschichte des Levantehandels im Mittelalter (1879); французский, дополненный автором, перевод его появился в 1885 г. под заглавием Histoire du commerce du Levant au Moyen-Age (т. I—II), касающиеся генуэзских колоний на берегах Черного моря две главы этого переработанного издания труда Heyd'a недавно были переведены на русский язык М. И. Колли в Известиях Таврической Ученой Архивной Комиссии за 1915 год, в вып. № 52, стр. 68—185.—Вергье-Делатгард, К вопросу о местонахождении Мавракастрога; „Записки Готского товарища“ (Записки Олсвек. Общ. Ист. и Древн., т. XXXIII (1919), 14—18.

XIV века авархии. Что касается имен ханов, побежденных Ольгердом, то один из них — Кутлубах — отождествляется с правившим в Крыму в 80-ых годах Кутлубугою, а Дмитрий, как носящий христианское имя и названный в одном источнике султаном Манлопским, скорее всего может быть отнесен к правившей в крымском горном городке Мангуле (бывшем Дори — столице Готин) княжеской династии. Третий из называемых летописями ханов — Качибей является наиболее интересным для истории Новороссии, так как с его именем связывается название приморского поселения, впоследствии известного под именем Хаджибея — нынешней Одессы. Непосредственным результатом этой победы Ольгерда над Татарами было подчинение литовской власти Подолья, откуда легче было продвинуться к берегам Черного моря, в особенности вниз по течению Днестра. Однако не Ольгерду, а лишь его энергичному племяннику — Витовту удалось установить свою власть над черноморским побережьем, в результате его смелой, хотя и приводившей иногда к неудачам, политики по отношению к разрушавшейся Золотой Орде. Эта политика, выразившаяся в поддержке одних из борющихся за ланскую власть претендентов против других, хотя, с одной стороны, повела к разгрому войск Витовта и его союзника — хана Токтамыша счастливым соперником последнего, всемогущим эмиром Едигеем на берегах Волги в 1399 году, но, с другой стороны, дала Витовту законные основания для завладения черноморским побережьем. В позднейших, второй половины XV века, татарских грамотах говорится об уступках в пользу Витовта поддерживавшимся им Токтамышем на ряду с верховной властью над рядом коренных русских земель, некогда подвластных Татарам, и нескольких приморских пунктов на берегах Черного моря. Здесь перечислены Качибеев (Хачибеев), Маяк, Балаклы, Дашев. В этих названиях наше внимание, прежде всего, обращает на себя Качибеев — это название известно и итальянским картам Черного моря, помещающим его на месте нынешней Одессы. Вреня приобретения Витовтом Качибей неизвестно, но уже в 1415 году он является гаванью, из которой, по приказу польского короля Ягайла, было отправлено несколько груженых хлебом судов в голодавший вследствие турецких набегов Константинополь. По смерти Витовта тот же Качибей был передан в 1431 году Ягайлом приемнику Витовта — Свидригайлу вместе с другими соседними пунктами. Ближайшим из этих пунктов является Маяк — имя, которое может быть отнесено и к ныне существующему поселению в Днестровском лимане, Маякам. Идя дальше на Восток, вдоль северного берега Черного моря, в числе пунктов, упомянутых в литовских грамотах, как входивших в первую половину XV века в состав Литовско-русского государства, мы встречаем Дашев или Дашков — славянское название для города, известного у Татар и Турок под именем Окакова (раньше — Озу), важного по своему положению у устья Буга. Несколько выше по течению Буга, при впадении в него Чичакден, стояла башня Балаклы, а также, на месте нынешнего Вознесенья, замок Соколен, память о котором сохранялась в названии Сокольской переправы. Но и нижнее течение Днепра не было лишено опорных пунктов, созданных Витовтом, память о которых долго сохранялась в местных преданиях или в рассказах путешественников. Причиной этого было признание нижнего течения Днепра гра-

ницей владений Витовта, куда он дошел сам во время одного из своих походов. Здесь Витовтом, по словам одной русской хроники, был построен замок имени св. Иоанна, может быть, около острова Таранги, где позже поминили Витовтову „мытницу“, т. е. таможию, а также Витовтов брод. Наконец, есть неясные сведения, что и вверх по Днепру, у Кичикас, Мишурина-Рога, Кременчуга (правильнее, Керменчука), были построены Витовтом сторожевые замки, снабженные гарнизонами. Таким образом, все пространство между Днестром и Днепром вдоль черноморского побережья было в первой половине XV века покрыто цепью литовско-русских замков. Самая территория вокруг них, хотя и являясь преимущественно татарскими кочевьями, принадлежала к сфере внимания крупных землеладельцев Польско-литовского государства, вероятно, надевавшихся использовать ее естественные богатства как в смысле рыбных промыслов, так и земледелия. Известно, что земли вокруг Очакова и Качибей были пожалованы Сенявским и Яловешким, а позже, в 1442 году, Бучацкому, при чем по поводу возникшего между этими магнатами и королевскими комиссарами спора о владении упоминается Качибейская пересыль — нынешнее предместье Одессы.

Однако мирная польско-литовская колонизация черноморских берегов не смогла достигнуть сколько-нибудь значительного развития ввиду появления ряда враждебных факторов. С одной стороны, таково создание на обломках Золотой Орды самостоятельного Крымского ханства, хотя вначале и выгодное для Литовско-русского государства, так как основатель этого ханства Хаджи-Гирей, поддержанный литовским правительством, в благодарность за это придерживался дружественной Литве политики; однако эта дружба прекратилась с его смертью, и вследствие неудачной литовской политики восторжествовавший над своими соперниками хан Менгли-Гирей перешел в число врагов Литовско-русского государства. Это обстоятельство вредно отразилось на безопасности южных окраин Литовско-русского государства, в особенности Поднепровья, которые стали жертвой постоянных, все усиливавшихся, татарских набегов, приведших эти окраины к концу XV века в состояние сильного обезлюдения. С другой стороны, появление Турок на северных берегах Черного моря, сначала в Крыму, а затем на устьях Днестра, где в 1464 году они окончательно овладели Белгородом — Монкастро, переименовав его в Аккерман, еще более способствовало опасному положению литовско-русских причерноморских владений.

Уже в последние годы XV века Очаков оказывается в руках Татар, и хан Менгли-Гирей занимается его укреплением против литовско-русских войск, которые в 1493 году подвергают его временному разорению. Тогда же, вероятно, перешли в руки Татар и остальные литовско-русские укрепления по берегам Черного моря, в том числе и Качибей, который, как место, важное по соляным и рыбным промыслам, сохранял известное значение и в последующие века. Таким образом, к началу XVI столетия литовско-русское господство над северными берегами Черного моря было лишь воспоминанием, но зато к Северу от этих берегов в то же время на просторе приднестровских степей начинает завязываться та чисто народная русская организация,

которая позже вылилась в своеобразную форму Запорожского казачества¹⁾.

§ 27. Владычество Татар в обширных причерноморских степях носило почти с самого здесь их обоснования двойственный характер. С одной стороны, степи, в особенности в местах, обильных водой, покрылись сетью аулов, служивших сосредоточием для татарских юртов, с их многочисленными стадами овец и табунами коней, принимая, таким образом, мирный характер. Однако те почти непрерывные смуты, которыми заполнена история Золотой Орды, создавали многочисленный беспокойный элемент, то принимавший участие в организованных тем или другим золотоордынским претендентом восстаниях, то на свой страх и риск занимавшийся грабежом. Этому грабежу подвергались как пробиравшиеся через степи по издавна проторенным торговым путям купеческие караваны, так и мирные степные аулы, лишавшиеся при этом своей главной экономической ценности, т. е. скота. В случае отсутствия подходящей добычи этот авантюристский элемент степей обращался к более мирным источникам пропитания, в виде охоты за многочисленным и разнообразным населением степей, а также рыбной ловли в изобиловавших рыбой реках и речных лиманах. Появление такого степного беспокойного элемента не было специальной особенностью татарского быта в Причерноморье; такие же явления наблюдаются и в других местах кочевого тюркского мира — в приаральских и сибирских степях. Этой повсеместностью явления объясняется и то широкое распространение общего названия для него — в виде термина: „казак“, „кайсак“, который получает у Тюрков двойное значение — свободного, вольного человека, с одной стороны, бродяги, степного разбойника — с другой.

Состав того степного элемента, каким являлись на пограничьях тюркского мира „казаки“, издавна отличался разноплеменностью, так как общность условий степной жизни стирала племенные грани. Постепенно наряду с казаками татарского происхождения появляются казаки — представители обеих главных ветвей русского племени, великорусской и малорусской — украинской. Почва для их появления была уже подготовлена той давней обстановкой тревожной пограничной жизни, которую вели отдельные восточно-славянские племена на широком просторе восточно-европейских равнин. Современные ученые видят предшественников казаков как в известных уже нам Берладниках и Бродниках, так и в тех вокистинных Курянах, — „сведомых кметях“, о которых говорит „Слово о Полку Игореве“. Распад русской государственности, наступивший на Юге еще до татарского нашествия, способствовал усилению в степях того подвижного элемента, который с конца XV века получает название казаков (или козаков в украинской передаче). Богатство естественными произведениями приднепровских равнин привлекало к себе многочисленных „уходников“, эксплуатировавших эти богатства путем сложения в особые товарищества — ватаги. Эти ватаги, как термин, не являются созданием южнорусской степной

¹⁾ О литовско-русском гос-вом на берегах Черного моря — Брун, Черноморье, т. I, 246—260; А. И. Маржанич, Качибей или Хаджибей — предшественник Овеев (1893); Грушевский, Историю, IV, 65—77; 262—266; 273; 282; 475.

жизни—еще в XIII веке существуют на Белом море ватаги новгородских рыболовов. Использование „уходов“ (иначе „ухожее“) — рыбных ловель, звериных гонов, не могло происходить мирным образом, так как вызвало столкновения с такими же эксплуататорами этих угодий: Татарами—„казаками“ уже известного нам типа, а также с татарскими „чабанами“—пастухами многочисленных стад. В результате русские „уходники“ становятся таким же воинственным, полуразбойничьим элементом, как и татарские „казаки“. Наконец, к 1492 году в официальных актах впервые применяется термин „казак“ к русским степным элементам, группирующимся вокруг пограничных городков („замков“) Литовско-русского государства. Рост этих казачьих союзов совпадает с той эпохой опустошительных набегов крымских Татар на южно-русские земли, которая вызвана была переменной политикой Крымского ханства, — переходом от дружбы с Литвой к борьбе с ней в союзе с Москвой Ивана III. С одной стороны, „уходничество“ в степях становится все более опасным занятием, требующим объединения мелких ватаг в более крупные единицы, а также устройства хотя бы временных укреплений, в виде частоколов и рвов, получающих название „сечей“ (одного корня с северно-русским термином „засада“) или „кошей“—от татарского слова „кхаш“, служившего для обозначения стоянки ряда стад, вероятно, огороженной, а затем усвоенного казаками в смысле лагеря. Воинственность казачьих, с другой стороны, приводившая их к все учащавшимся столкновениям с Татарами, начала привлекать к себе внимание литовско-русских правительственных кругов, чувствовавших себя не в силах бороться с татарскими набегами, уничтожившими всю колонизационную работу Витовта в Южной Руси. Пограничные власти начинают поддерживать казачьих, как известную профессию, выражавшуюся не только в „уходничестве“, но и в „дуллинге“ (т. е. грабеже) татарских чабанов, стараясь только направить энергию казачьих в желательную им сторону. Казаки являются участниками тех походов, которые организуются предприимчивыми пограничными „старостами“ (губернаторами) в глубь татарских владений — до стен Дашева или до Аджибека (повидимому, известного нам Хаджибея) и Барабоя—в окрестностях нынешней Одессы. Выгодность казачества, как профессии, увлекает в его ряды многочисленные крестьянские и мешанские элементы, которые, не разрывая связи со своими постоянными, оседлыми землячествами, „козакують“, т. е. участвуют в эксплуатации уходов и в партизанской войне с Татарами. Наравне с такими временными казаками все плотнее смыкаются воедино те постоянные степные обитатели, которые группируются вокруг выстроенных ими „сечей“, удаляясь сюда и от становящегося все более тягостным соседства правительственной власти, которая стремится подчинить своему контролю эти казачьи элементы. Сеть этих „сечей“ становится основой для создания одного главного центра—получающего название „Сечи“ в тесном смысле слова. Вопрос о времени основания этой центральной Сечи является спорным среди ученых; в то время, как одни относят его к раннему времени—к XV веку, связывая с существованием сторожевого пункта казачьих у Тагани на Днепре, другие допускают возникновение Сечи, как постоянного центра степного казачества лишь в XVII веке. Более вероятным является мнение о смыкании этой сети мелких „сечей“ и „зимовников“, ко-

торое произошло в 60-ых и 70-ых годах XVI века, в результате оживления, наступившего на Днепровских порогах в связи с личностью князя Дмитрия Вишневецкого. Этому типичному представителю „козаконийя“, как степного образа жизни, выражающегося в непрестанной борьбе с Татарами, прославленному в украинской народной поэзии под именем Байды (т. е. кизака-гуляки), первому удалось создать в начале 50-ых годов на острове Хортице замок. Из которого он, во главе стекавшихся к нему беспокойных элементов, вел свою сложную политическую игру, в которую входили и Крым, и Турция, и Москва. Не взирая на гибель Вишневецкого, возлекшегося в ставшие с этих пор постоянным магнитом для казачества залутанные внутренние дела приднэунайских государств Молдавии и Валахии, заложенное им начало объединения степного казачества в одном центре Сечи—получило дальнейшее развитие. Равным образом, указанные Вишневецким пути для действительности этого казачества—в Турцию, на Дунай, не только не заглохли, но значительно расширились, выведя казачество на арену международной политики. К 80-ым годам XVI века степное казачество, по рассказам польского современного писателя Папроцкого, сложилось в определенную организацию. Главный „Кош“, или Сечь, находился в это время на днепровском острове Токмаковке. Наравне с ним существовали менее значительные укрепленные центры—на Хортице, у Таволжйинского острова, тогда как в урочище Карайтебе происходил мирный торг казаков с Татарами, а виду продолжавшегося соединения промышленных и военных интересов у степного казачества. Все казачество уже объединялось в войсковой раде, или „коле“ (кругу), которому принадлежало право избрания высшего начальника, называвшегося безразлично „гетманом“—польским, точнее немецким,—термином, или „атаманом“—туркским (от „ода“—отряд). Вся цель организации степного казачества сводилась к добычиеству в двойном виде: эксплуатации природных богатств края и в обогащении грабежом при походах. Ни религиозные, ни национальные чувства не играли в данное время никакой значительной роли в деятельности этого „кизового“ или „запорожского“ (как его начинают называть) казачества.

Черты, отмеченные первым бытописателем Запорожского казачества—Папроцким, находит себе подтверждение в описании устройства Запорожцев, сделанном посетившим их в 1594 году посланцем императора Священной Римской Империи Рудольфа II, Эриком Лассотом. Это описание содержит в себе и много новых фактов, указывающих на ту значительную эволюцию, которую совершило за эти немногие годы Запорожское казачество, занявшее определенное положение и как международная, точнее военная, величина, и как главный опорный центр в борьбе украинских народных масс с польско-литовскими государственностью и культурой. Сечь, помещавшаяся в это время на острове Базаилуке при чертомлыцком рукаве Днепра, является центром не только „кизового“, степного казачества, но и оседлого, „городового“ казачества. Низовое казачество, или „Войско“, распадается на ряд полков, подчиненных сложной иерархии начальников. В то же время оно в целом является суверенной властью, выражающей свою волю путем двух собраний—„рад“ или „моу“—общей, обладающей решающим значением по всем важнейшим делам, и старшинской, подготавливающей дела для

окончательного решения их общей радой. Многочисленность „низового“ казачества (Лассота насчитывает шесть тысяч отборного войска для далеких походов) создавала такое накопление воинственной энергии, которое требовало постоянного разряжения. Партизанская борьба с Татарами или участие в изредка устраивавшихся польско-литовским правительством походах не могли удовлетворить собранную на „Низу“ массу воинственного элемента. В результате не проходит года без более или менее значительной экспедиции казаков, при чем эти экспедиции захватывают все более значительный радиус. Начавши с нападений на поставленные Турками, распространившими свое влияние на северном побережье Черного моря в течение первой половины XVI века замки в низовьях Днепра—Кыз-Кермен и Ислам Кермен, казаки расширяют свои экспедиции на побережье Крыма, с городами Гезлеве (переименованным в Коалов—нынешняя Евпатория) и Кафой, с одной стороны, на приморское пространство между Днепром и Дунаем, с другой. Здесь, помимо Очакова, не раз подвергавшегося разрушению, постоянной целью экспедиций Запорожцев являются турецкий Ак—Керман—старинный Белгород. Тягиня (нынешние Бендеры), Измаил и Килия, в дунайских гирлах, с прилегающим к ней пространством—прославленным в казачьих песнях „полем Килимским“. Наравне с этими морскими экспедициями, подготовляющими те поразительные по смелости набеги на берега Анатолии и Восточного Босфора, которыми Запорожцы прославились в начале XVII века, степное казачество стягивается в сухопутные походы, преимущественно в плодородные равнины Днестра, Прута и Серета, куда их привлекает не только богатая добыча, но и возможность сыграть роль в тех частых переворотах и восстаниях, которыми изобилует история румынских господарств под турецким владычеством. Вначале появление казаков на полях Валахии и Молдавии являлось связанным с польской политикой, издавна интересовавшейся судьбою этих земель и стремившейся подчинить их своему влиянию. Однако, чем дальше, тем все больше казачество эмансипируется от влияния политики как польского правительства в его целом, так и отдельных вельмож, организовывавших на свой страх и риск походы в Молдавию и Валахию с участием казаков. Казаки выставляют своих претендентов на господарские престолы, являясь на поддержку им вглубь не только Молдавии, но и Валахии. Не только Яссы, но и Бухарест не раз оказываются в их руках, подвергаясь при этом грабежу и пожару. Нужно, однако, прибавить, что появление казаков в придунайских землях вызывалось не только соображениями воспользоваться внутренними смутами этих земель, но и желанием оказать им помощь в стремлении свергнуть турецкое господство, все тяжелее ложившееся на румынскую народность. Это турецкое господство постепенно распространилось на край между Днестром и Прутом, составляющий часть Причерноморья. К обзору судеб этого края, шедших своим путем с XIII века, мы теперь и обратимся ¹⁾.

¹⁾ О казачестве на Юге Руси—новый труд М. С. Грушевского, *История Украины—Руси*, т. VII (1909); VIII ч. 1—3 (1913—1917); перевод—*История украинского казачества*, т. I—II (1911); Василеико, *Очерки по истории Западной Руси и Украины* (1916); Эжарицкий, *История запорожских казаков*, т. I (изд. 2-ое, 1900; т. II—III (1893); (Антонович). *Бесіди про часи козацькі на Україні* (1897);

§ 28. Мы видели, что ко времени татарского нашествия (т. е. в первой половине XIII века) половецкие кочевья в значительной своей части переместились к Западу, к берегам Днестра и Дуная. Заставшая их здесь татарская гроза не уничтожила их вполне, и хотя значительная часть уцелевших Половцев и ушла в более гостеприимные заддунайские и закарпатские края, но известное количество их осталось на насиженных местах, в том числе и в местности между Днестром и Прутом. Это обстоятельство подтверждается сообщениями уже известных нам монахов-францисканцев, этих своего рода Колумбов турко-монгольского мира. Из них Плато Карпини, рассказывая о своем путешествии через Куманию, как он именует причерноморские степи, говорит о том, что многие Куманы (т. е. Половцы) остались на прежних местах, приняв подданство (или попав в рабство) своих новых властителей—Монголов. Возможно даже, что небольшое количество Половцев оставалось некоторое время в краю между Днестром и Дунаем не подчиненным Татарам, так как скорее всего отсюда могли являться на помощь Даниилу Галицкому те половецкие отряды, с которыми в конце 40-ых и начале 50-ых годов XIII века он сражается против Венгров, Ятвягов и Литовцев. Однако самостоятельность Половцев и в этом „Углу“ (как издавна называлось у Славян пространство между низовьями Днестра и Дуная) не могла долго сохраняться, так как с 60-ых годов начинается усиленный натиск Татар, во главе с известным уже нам эмиром Ногаем, приведший не только к упрочению татарского владычества в придунайских равнинах, но и к вмешательству их в дела Болгарии. Находившиеся в этих равнинах Половцы подчинились, конечно, власти Татар и совместно с ними участвовали в 1285 году в опустошении Трансильвании. Постепенно они, однако, или эмигрируют к своим соседям за Карпаты и за Дунай или же растворяются в татарской массе. Прежний славянский „Угол“ превращается в Буджак, населенный Татарами, усвоившими от него особое название Буджакли, упрочившееся в имени Буджацкой орды.

Еще до ухода Половцев из Днестро-Дунайского междуречья здесь появляется другой элемент, первые шаги которого в ущельях Карпат мы отмечаем еще в XI веке. Этот элемент—Валахи—начинает распространяться не только в Закарпаты—в Трансильванию, но спускается в придунайские равнины, орошаемые Алютой (Олтом), Арджисом и другими дунайскими притоками. Здесь постепенно складываются две области, носящие название „двух Влахий“ (по сообщению болгарского хрониста XVIII века—Паисия, черпавшего сведения из старых письменных источников). Об этом же факте свидетельствуют грамоты венгерских королей, жалующих в первой четверти XIII века земли не только в Трансильвании, но и в области, называемой ими Куманией, где, кроме Половцев, грамоты эти упоминают о Бродниках—этом уже известном нам степном славянском элементе. В 1241 году упоминается, по поводу поражения его Татарами, „воевода“ Бассараб, область которого находилась в позднейшей „Малой Валахии“, или Олтении, т. е. между изгибом Карпат и рекою Олтом. Несколько позже, в 1247 году, перед

А. В. Стороженко, Стефан Баторий и Днепровские казаки—оценка сообщений Папского о начале Запорожской Сечи; Брун, Черноморье; т. I, 174—175—о путях Запорожцев в Черноморье; т. II, 364—379—об острове Хортица.

нами другая область, подвластная особому „валашскому воеводе“ — Сена-славу (по толкованию некоторых ученых — Станиславу или Всеславу) и простирающаяся к Востоку от Олты. Как далеко заходили на Восток валашские поселения в это время, трудно сказать, но можно сопоставить с венгерскими грамотами слова второго путешественника — францисканца — Рюйсбрека, посетившего причерноморские степи в 1253 году, что, начиная от устьев Дона до Дуная, эти степи носят название Валахии и подчинены Асеню, хотя и платят дань Татарам. Эти слова, при всей их преувеличенности и неточности (Иоанн II Асень, знаменитый сын царей „второго“ Болгарского царства, умер еще в 1241 году, и Болгария после его смерти переживала время упадка и смут), позволяют заключать о распространении к середине XIII века валашского элемента далеко на Восток от Карпатских гор, возможно даже до берегов Днестра. Это распространение, вызывавшееся не столько политическими, сколько экономическими факторами, связанными с занятием Трансильванских гор Венграми, происходит долгое время, хотя и непрерывно, но незаметно, по двум причинам. С одной стороны, валашский элемент слагается в прочные государственные образования сначала в западных областях своего расселения — в северном Прикарпатьи (так называемом Мармароше) и в только что упоминавшихся двух придунайских „Влахиях“, тогда как на Востоке он продолжает сохранять догосударственные формы быта. Этому валашскому элементу приходится, с другой стороны, находить себе место для поселения среди других, более ранних по времени, обитателей равнин, орошаемых Серетом, Прутом и Днестром. Не говоря о Татарах, мы находим в известном нам „Углу“ в конце XIII и в начале XIV веков довольно многочисленное население, принадлежащее к одному из тех иранских племен, которые еще до гуниского владычества появились в припонтийских степях — именно к Аланам. Эти Аланы, под своим позднейшим названием Асов, занимают, по сообщениям восточных писателей, пространство, называемое по их имени „страною Асов“. Место этой страны с наибольшей вероятностью приурочивается к долине Прута, с одной, и к долине Днестра, с другой стороны, так как существование в этих пределах города Аского Торга (нынешних Ясс), а также села Ясски, подтверждает здесь давность асских, т. е. аланских, поселений. Ни время появления здесь Асов, ни обстоятельства, его вызвавшие, не известны, но зато у нас есть ряд фактов, относящихся к концу времени пребывания Асов в „Углу“. С одной стороны, восточные писатели сообщают об участии Асов в борьбе одного из сыновей владыки причерноморских степей в конце XIII века — известного нам эмира Ногай Чаки или Джеки, с победителем Ногай, золотоордынским ханом Тохтой, — борьбе, окончившейся гибелью поддерживавшегося интересующими нас Асами Чаки. В связи с этими событиями, византийские писатели, с другой стороны, говорят о переходе значительной массы Алан, т. е. Асов, через Дунай, для поступления на службу Византии, в виду опасения местности со стороны победителя Тохты. Однако, есть вероятность, что и после этого перехода известная часть Асов осталась на северном берегу Дуная, так как в 30-ых годах XIV столетия здесь упоминается особое „господство Яшко“ (т. е. Ясов-Асов), входящее в состав образовавшейся против Сербии времен Стефана Дечанского

коалиции из Византии и Болгарии, — коалиция, разгромленной знаменитым Стефаном Душаном в битве при Вельбужде (в Македонии). Наполеон, еще в XV веке венецианец Иосафат Барбаро, долго живший на берегах Азевского моря, говорит об Алании; как о стране, простирающейся вдоль северного берега Черного моря до Монкастро (древнего Белгорода, нынешнего Аккермана), а долгое именование византийскими грамотами нынешней Молдавии — „Мавровлахий Ясийской“ указывает на прочную связь имени Асов с придунайскими и приднестровскими краями.

Гораздо более многочисленным и заметным элементом, с которым в Днестро-Вугском междуречьи пришлось иметь дело Валахам при их расселении, был славянский, точнее русский. Мы знаем, что славянское население в приморской полосе степей, на низовьях Днестра и Дуная, никогда не исчезало вполне, лишь покрывалось сверху прибоем воинов кочевников. В особенности прочно оно задержалось в основном на давней культурной почве Белгороде, оставаясь здесь и в неспокойное время гуннского господства. Другим значительным центром, где сохранялось непрерывно русское население, была местность на среднем Днестре, с возникшим в неизвестное время городом Хотюком (нынешним Хотинем). Причина сосредоточения здесь оседлого русского населения делала, как и в ряде подобных явлений в Поднепровьи, в относительной защищенности этой местности от постоянных передвижений кочевых воинственных масс, сравнительно с открытой степью. Конечно, это русское население и здесь так же было подчинено Татарам, после их упрочения в припонтийских степях, так же „сидело за Татари“, выражаясь языком русских летописей, как и население расположенного выше по течению того же Днестра Подпизья. Это подчинение Татарам было непосредственным, без участия какого-либо государственного начала из русского элемента, и выражалось в платёже дани натурой из возделываемых этими „татарскими людьми“ пшеницы и проса. Хотинский край с его сохранившимся русским населением разделял в XIII — XIV веках общую участь с верхним Поднепровьем, постепенно сложившимся в географическое понятие „Подолья“ — термин, заменивший Подпизье. Эта участь выразилась в смене непосредственной татарской зависимости подчинением власти литовских князей. Это подчинение, происшедшее около 1363 года, вследствие победы Ольгерда над Татарами, выразилось во владчестве над Подольем трех братьев Корнятовичей — удельных князей из рода Гедимина, которые постарались занять нейтральное положение среди борющихся в это время за Галицию-Волынское наследство Литвы и Польши. Эти князья сохраняли, однако, в то же время известную зависимость и от Татар, ввиду своего выдвинутого в степи, рискованного положения. Впоследствии Подолье разделяло участь других литовско-русских земель, подчинившись единой власти литовских великих князей, при чем в начале XV века оно переходило несколько раз от Витовта к Ягайлу, создателю унии Литвы с Польшей. Ягайло, не видя на свое литовское происхождение, стремился присоединить Подолье (как и другие области Литвы) к Польше, интересы которой он ставил выше, чем управлявшейся в это время неприятным ему Витовтом Литвы.

В то время, как северная часть Днестро-Прутского междуречья оставалась, таким образом, в сфере не только национального, но и

политического русского, точнее, украинского (хотя и под литовским верховенством). влияния, а южная находилась в обладании частью Татар, частью Генузцев, залашская, или, как ее можно теперь более широко называть, румынская, народность начала с первой половины XIV века слагаться в прочные государственные образования. Одно из них формируется на Севере, в области верховий Серета и Прута, в нынешнем Мармароше, постепенно распространяет свою власть к Востоку от Карпат, в нынешней Буковине, а затем начинает расширять свои пределы вниз по течению Серета к Югу, к берегам Дуная. Это государство, получающее у иностранцев (Поляков и Чехов) имя „земли Мунтанской“ или „Мунтянской“ (искажение романской формы. *Molvania* или *Munteplia*), позже Молдавии, находится сначала в вассальной зависимости от Венгрии, но со второй половины XIV века начинает освобождаться от этой зависимости, искусно пользуясь соперничеством соседних Венгрии и Польши. Однако еще ряд десятилетий Молдавия не может выйти на широкую дорогу правильной государственной жизни, как вследствие внутренних смут, так и вмешательства в них польских королей, стремившихся использовать эти смуты для подчинения Молдавии своей власти. Только со вступлением на молдавский престол воеводы Александра I Доброго, в 1401 году, Молдавия приобретает черты настоящего государства, хотя и продолжает находиться в вассальной зависимости от Польши. Эта вассальная зависимость не помешала Александру добиться около 1412 года у польского короля Ягеллы, может быть, ценою займа последнему денежной суммы, согласия на занятие края между Днестром и Прутом, т. е. нынешней северной Бессарабии (впрочем, город Хотин перешел окончательно к Молдавии лишь в 1454 году). В южной части этого междуречья Александр овладевает преимущественно побережьем Днестра, в особенности ценным выходом к морю — Белгородом (генуэзским Монкастро). Здесь, по его ходатайству, вскоре появляется особая епископская кафедра для Росоавлихи, как на языке константинопольских патриархов именуется государство воеводы Александра. Вскоре это государство приобретает свой политический центр, в виде города Сучавы, в Буковине. Присоединив, таким образом, к своим владениям плодородный край между Прутом и Днестром, Александр принимается за заселение его путем раздачи земель своим боярам в вотчину и в качестве поместий. В сохранившихся об этих раздачах грамотах названия местностей носят по большей части славянский характер, так как на славянском языке написаны и самые грамоты — признак силы славянского влияния в этом крае, в также и в культурной жизни румынского народа. Среди названий крупных населенных пунктов, кроме Белгорода (получающего скоро переводное румынское название Четате-Альба) и Хотина, появляются имена Килии, Сорок, Орхей (нынешнего Оргеева) и Тягини (нынешних Бендер). Румынский элемент, под защитой национальной власти, начинает более густо осаживаться преимущественно в средней части Днестро-Прутского края, но и здесь славянская культура, чрез посредство церкви, не только православной, но применяющей в своей деятельности славянский язык, решительно преобладает над другими влияниями.

Со времен воеводы Александра I, пробывшего „господарем земли Молдавской“ (таков его официальный титул) с 1401 по 1433 год,

Днестро-Прутский край становится в значительной своей части на долгое время в неразрывную связь с устроенным трудами Александра Молдавским государством. Оно разделяет с ним государственное и общественное устройство, испытывает одинаковые с ним политические судьбы. В политическом отношении Молдавия еще долго продолжает искать покровительства у достигшей в XV веке апогея своего могущества Ягеллоновской Польши как против Венгрии, так и против нарастающей новой опасности, в виде покорителей Балкан и Византии—османских Турок. Это покровительство было особенно необходимо в те долгие годы смут, которые настали в Молдавии после смерти Александра, на почве усобиц между его сыновьями. Во время этих смут Молдавия подвергалась разделам между спорящими, причем та часть ее, которая, по словам летописи, „прилегает к валахской реке Днестру“, или „дольная Молдавия“, т. е. позднейшая Бессарабия, досталась в 1435 году одному из сыновей Александра, Стефану. Правление Стефана тесно связано с историей Белгорода, который являлся его столицей и который он постарался укрепить как из опасения все приближавшихся Турок, так и вражды с братом—владельцем северной Молдавии. Память об этой строительной деятельности Стефана запечатлена двумя сохранившимися надписями, одной на славянском, другой на греческом языках, причем строителем назван „Федорка“—несомненно Русский, вернее всего—выходец из славянской дакии културными сношениями с Поднепровьем Галицкой земли. После новых смут, возникших в связи с гибелью Стефана, только вступление на престол другого Стефана, прозванного Великим, внесло успокоение во внутреннюю жизнь Молдавии и дало тем самым возможность Молдавии принять деятельное участие в жизни Восточной Европы. Это участие проявлялось не только в войнах или дипломатических сношениях, но и в мирной деятельности, в роли экономического посредника между бережками Черного моря и лежащими вглубь материка странами—Польшей и Западной Русью. При этой деятельности Белгород продолжал традиции генуэзского Монкастро, являясь воротами, через которые вливались восточные товары. Эти „татарские или заморские товары“—шелковые ткани, благовония, пряности—при посредстве купцов—Арийи, издавна, с XIII века, прочно осевших в Белгороде, а также Греков и Евреев, шли вверх по Днестру в Сучаву—столицу Молдавии, Львов, Краков и далее, в далекие Бреславль и Данциг. Вместе с тем Белгород являлся важным пунктом на торговом пути с устьев Дуная, из Килии, в Заднепровские степи, в частности в Очаков. Важное торговое и стратегическое значение Белгорода вызывало необходимость нахождения здесь высокого представителя государственной власти: таковым был „пърколаб“—должность, соответствующая средневековому графу—коменданту города (бург); само слово является ослабленным немецким термином *Burggraf*, перешедшим через венгерское посредство. Наравне с „пърколабами“ мы видим в Белгороде и выборных городских населением „жупанов“ (исконно-славянский термин) и старшин.

Однако для существования Белгорода, как самостоятельного крупного экономического центра Молдавии, были сочтены. Упрочение турецкого владычества на побережье Крына в 1475 году являлось признаком грозной опасности для ключа Приднестровья. Тщетно обращался

в том же 1475 году постоянный борец с Турками, господарь Стефан, к западным своим соседям за помощью; помощь эта не являлась, и в 1484 году Белгород был взят соединенными силами Турок и их нового вассала — крымского хана Менгли-Гирея, превратившись затем в Ак-Кермен — буквальный перевод по-турецки его прежнего названия. Здесь поселился теперь особый турецкий „бег“ (позже паша), правивший отсюда южной частью Приднестровья — прежним „Углом“, переименованным в Буджак.

Но с захватом Турками Белгорода, а равно и Кишиня владычество Молдавии над Днестро-Прутским краем не прекратилось; оно только сосредоточивается теперь выше по течению обеих рек, где продолжается заселение как валашскими, так и татарскими элементами. В числе других появляются еще в первой половине XV века, пока в виде села, основанного Татаринам Акбашем — Кишинев (Кишло ноу, т. е. новое село). Обширные пространства земли раздаются попрежнему господарю своим боярам или монастырям, заселяющим эти земли пришедшим земледельческим элементом, известным в современных памятниках под именем „вечинов“ (от латинского слова „vicinus“ — соседний), в противоположность коренным жителям, носящим название „резшей“ (от гага — округ). Вначале как те, так и другие являются лично свободными, различаясь в обложении; в то время, как последние платили лишь десятину господарю, первые должны были, кроме того, нести барщину (саса — тлака, современная украинская „толока“) и платить различные оброки, преимущественно натурой. Исконные поселенцы пользовались в своих селах самоуправлением, с „атаманам“ во главе, действовавшими по обычаям (obicee) так называемого „валашского права“ (широко распространившегося, вместе с валашской эмиграцией, и в Галицкой земле, в XIV—XV веках). Северная часть Приднестровья с ее преобладающим русским населением теперь прочно связывается с Молдавией, подчиняясь особым котинским „пърколабам“.

Мирное развитие Молдавского государства, в том числе и в Днестро-Прутском крае, становилось к концу XV века все более затруднительным. Господство Турок над Буджаком, не говоря о Дунайской Болгарии, висело тяжелой тучей над недавно сложившимися румынскими государствами. Лишь искусная и мужественная политика Стефана, хотя и признавшего себя ленником султана, но не раз наносившего Туркам ощутительные удары, спасала созданное им государство от турецкой грезы. Сейчас же после смерти Стефана (в 1504 году) его смену и преемнику Богдану пришлось отправить к „Высокой Порте“ одного из главнейших своих бояр, который от имени Богдана обещался платить султану ежегодную дань, в замен чего султан принимал Молдавию под свою защиту, гарантируя ей внутреннюю автономию и неприкосновенность христианской религии. Но эта покорность не спасла Молдавию, а в частности Днестро-Прутский край, от опустошительных набегов буджацких (или белгородских, как их по-старинному называют польские писатели) Татар. Огромные массы пленных из оседлого населения угонялись Татарами для продажи на нелегальных рынках Крыма, особенно Кифы, вызывая своим количеством удивление жителей этого города, недоумевавших: кто мог еще остаться в тех странах, откуда пригонялись эти массы. Попытки господарей

нести двойную игру, входя в сношения с Польшей за счет Турции, привели к страшному погрому Молдавии могущественнейшим из турецких султанов—Сулейманом Эль-Кануни (Законодателем), дошедшим до столицы Молдавии, Сучавы, чтобы посадить здесь господарем брата одной из своих многочисленных жен, конечно, на условиях еще большей зависимости от Турции. Вместе с тем, желая стать твердой ногой к Северу от Дуная, Сулейман всю южную часть Днестро-Прутского края объявил „райей“, т. е. областью, непосредственно подчиненной власти Турции, создав на Днестре, в старой Тягине—новый турецкий оплот под именем Бендер („порт, пристань“). На этом пространстве под властью аккерманских „бегов“ и затем пашей жили и осевшие тут христианские земледельцы, предпочитавшие турецкую зависимость с ее „хараджем“ (поголовной данью султану) бесконечным податям, собиравшимся с них в подчиненной господарям части Днестро-Прутского междуречья. Но значительную часть населения этой страны составляли белгородские Татары, частью кочевавшие со своими табунами коней и лишь по временам устраивавшие себе стоянки—„коши“, частью жившие по многочисленным „кишлан“—хуторам, имена которых сохраняются на карте южной Бессарабии и сейчас. Эти Татары являлись турецким авангардом, который должен был наблюдать за не внушавшими султану полного доверия молдавскими господарями, а также давать отпор все учащавшимся набегам из-за Днестра и с моря украинских казаков. Мы уже знаем, как эти последние, в частности „Низовцы“ (Запорожцы), перешли к концу XVI века от экспедиций под руководством отдельных польских панов, прельщаемых молдавскими скутани, к самостоятельным военным предприятиям.

Таким образом, значительная часть Днестро-Прутского края оказалась под прочною властью турецких элементов, но экономическое значение ее для лежащих выше по Днестру местностей не исчезло. И под турецким владычеством прежний Белгород—теперь Ак-Кермен, продолжает быть портом, через который ведется торговля с Анатолией (Малой Азией), Кафой, Очаковом, с одной стороны, Подольем и Буковиной, с другой, при чем рабы и здесь являлись одним из важных предметов торговли.

В то время, как исконный славянский „Угол“ превращался, таким образом, в турецко-татарский Буджак, остальная часть Днестро-Прутского края все теснее связывалась своим бытом и историей с Молдавией. Эта часть начинает в XVI-XVII веках все чаще называться Бессарабией—имя, связанное с фамилией валашских господарей Бессарабов (или Бассарабов), некоторым из представителей которой удавалось захватывать, хотя и не надолго, Килию и прилегающие части „Угла“. Постепенно название Бессарабии переходит к южной части Днестро-Прутского края и на более северную. Внутренняя жизнь этой северной Бессарабии характеризуется в XVI-XVII веках все большим расширением крупного, боярского землевладения, с превращением свободных поселений—„резешей“ в становящихся крепостными „вечинов“. Это закрепощение происходит здесь постепенно, в значительной степени являясь результатом крайнего отягощения крестьян податями как в пользу господаря, так и султана. Будучи не в силах платить эти „бирь“ (от „брать“), нести различные „напасти“ (т. е.

повиновности), крестьяне не только продают боярам свою „отчину“ или „дельницу“, как называются их единоличные или общинные участки, для расплаты с жестокими „бирцами“—сборщиками податей, но и закладывают самих себя, чтобы ценою дальнейшей работы на кредитора—боярина освободиться от давления этих „бирцев“. Теперь с этими крестьянскими льянами ведаются непосредственно боярин, отвечающий за живущих на его земле „вечников“ или „румынов“, т. е. крепостных. Параллельно с превращением свободного крестьянства в крепостное и с ростом социально экономического значения боярства и истории Молдавии, идет все увеличивающийся гнет турецкого владычества, соединенный с усилением греческого элемента. Эти Греки, преимущественно жители Константинополя, известные под именем фанариотов (от названия части горда в Константинополе — Фанара, местопребывания главы Греков—патриарха), пользовались, благодаря своей изворотливой политике, покровительством Турок и захватили постепенно сначала экономическую, а затем и государственную жизнь как Молдавии, так и Валахии в свои руки. Только недолгое время правления Михаила Храброго, объединившего в конце XVI века под своею властью не только Молдавию с Валахией, но и предмет давней распри Румын с Венграми—Трансильванию (или Ардал), подняло значение румынской государственности и народности. Правившие и до и после Михаила господа сменялись на молдавском престоле непрерывно, погибая по большей части насильственной смертью и вовлекая в свои распри соседей—Польшу, Татар и становившихся все более влиятельным международным фактором Запорожских казаков¹⁾.

§ 29. Причерноморские равнины служили в XVI и XVII столетиях, как видно из вышесказанного, местом жительства и деятельности для трех элементов: тюркского, в лице Крыма и отчасти Турции, славянского в лице Запорожья, и румынского, освоившего крайний Запад этих равнин, между Днестром и Прутом. Взаимодействие этих элементов, к которым нужно прибавить еще сильно заинтересованную в положении вещей на северном побережье Черного моря Польшу, выражается, по большей части, в военных столкновениях, не исключаящих, однако, и мирные, преимущественно торговые, сношения. Первоначальное сотрудничество Поляков и авангарда украинского народа, в лице Запорожских казаков, направленное против Турок и Татар, сменяется долгой распри этих двух родственных по крови элементов. Во время этой распри

¹⁾ О Половцах в Днестро-Прутском крае после изгнания Татар — Успенский, о. с., 212—214; об Аланах здесь же — Кулаковский, Аланы, 66—71; Брун, Черноморье II, 354—356; о заселении Днестро-Прутского края, в связи с историей Румынии вообще — Iorga, Geschichte des rumänischen Volkes, B. I; 1906). Хелоро, Histoire des Roumains, T. I (1896); на русском языке малоизвестные труды Вельтмана — Начертание древней истории Бессарабии (1828) и Нахко. История Бессарабии с древнейших времен, т. II (1876), а также Ватюшков, Бессарабия (1892). О Белгороде под румынским господством — Кочубинский, Ландарные надписи из Белгорода, что ныне Аккерман; Записки Од. О-ва Ист. и Др. т. XV, его же — Тура (Тирас) — Белгород — Аккерман; Записки, т. XXIII, его же — Граф А. И. Остерман и раздел Турции (1899), 230 — 232; XXX—XXI, о Кишиневе — XXVI, о Хотинке — XL; о Буджакских Татарах — Iorga, о. с., I, 189—191, т. II, 3—14; о казацких походах на Молдавию и Валахию — Грушевский, о. с., VII, 23 — 24; 161—162; 165—166; 200—206; 247—251.

прежний общий враг не раз выступает в качестве желанного союзника украинского народа во второй половине XVII века в его стремлениях „выбиться из неволи ляхской“. Однако эта дружба с исконным врагом—представителем чуждого не только по религии и национальности, но и по социально-экономическому укладу элемента, не могла быть прочной, и борьба в причерноморских степях между „низовыми лицами“ и Татарами возобновляется не раз, тем более, что к концу XVII века Польша, под предводительством Яна Собесского, вступает в свою последнюю борьбу с Турцией. Эта борьба, захватывающая по временам части Бессарабии, в особенности Хотин с его русской округой, приобретает новое значение, когда в ней появляется в качестве члена „Священной Лиги“, объединяющей Австрию, Венецию и Польшу, начинающее свою европеизацию Московское государство времен правления царицы Софии. Лишь незадолго перед этим вмешавшись в польско-украинскую распрю во имя не только угнетенного православия, но и исконных прав московских государей на киевскую „отчину и ледину“, Москва выступает теперь в новой роли борца за христианство против „Агарян“.—Турок и Татар. Мысль о воскрешении к независимой жизни находившихся под турецким владычеством славянских народностей, не возирая на энергичное предстательство невольного обитателя Сибири, знаменитого „отца панславизма“—Юрия Крижанича, не находит, однако, для себя почвы в Москве, где еще недавно пользовалась успехом примирительная политика по отношению к Турции. Крымские походы князя Голицына, предпринятые в виде диверсии для облегчения действий „Священной Лиги“, при всей неудачливости своей, познакомили московские правящие круги с условиями жизни причерноморских степей и с их обитателями, сдвинув тем самым политическую мысль этих кругов с прежних путей в области отношений к Ближнему Востоку. Неудача Голицынских походов и наступившие вслед затем дворцовые и династические смуты отвлекли внимание Московского государства от черноморских берегов, но ненадолго. Едва только власть над этим государством оказалась прочно в руках Петра I, он устремляет свое внимание к еще далеким от русских границ берегам и, хотя с перерывами и видоизменениями, сохраняет свой интерес к ним до конца дней. Азовские походы приведут Петра к берегам, правда, еще не самого Черного моря, а лишь его продолжения, притом закрытого оставшимся в турецких руках Керченским проливом. Оставленный один-на-один, с Турцией остальными участниками „Священной Лиги“, отвлеченными начинавшимся делом мирового Испанского наследия, Петр все же выговорил России Азов с устьями Дона и прилегающей частью морского побережья. Эти места, как мы знаем, были прославлены существованием венецианской Таны и других опорных пунктов итальянской средневековой торговли. Былая слава этих мест не была неизвестна Петру, мечтавшему немедленно возобновить старинные торговые связи Приазовья с Востоком и Западом. В результате этих мечтаний появляются „крепость Св. Димитрия Ростовского“ (нынешний Ростов на Дону) и Таганрог; делаются даже попытки пригласить сюда французов—этих хозяев levantинской (ближневосточной) торговли в те времена. Таким образом, к началу XVIII столетия часть причерноморских степей подчиняется непосредственно власти русской государ-

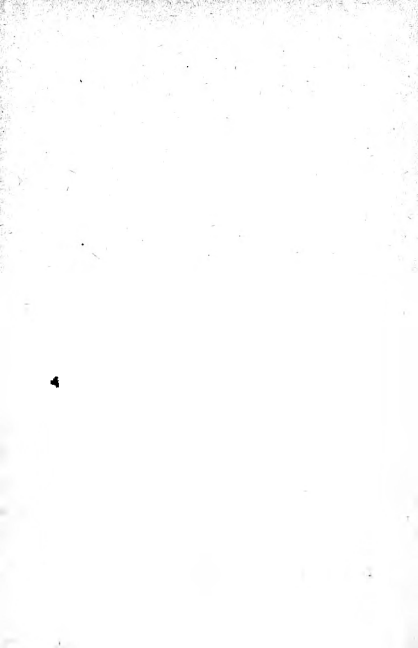
ственности, другие же части этих степей входят в сферу влияния этой государственности. Обширные пространства „диких полей“ по низовью Днепру, издавна служившие местом борьбы Запорожских казаков с Татарами, постепенно стали ареной мирной колонизационной деятельности выходцев как из Гетманской, левобережной, так и Польской, правобережной, Украины, искавших здесь себе убежища от неизвестной „панщины“. Однако самым фактом принятия Войска Запорожского под „высокую руку“ московских царей еще в середине XVII века эти „дикие поля“ входили в круг областей, подвластных Московскому государству, хотя фактически они им не управлялись. Границы этих „Вольностей“, как стали называть Запорожцы освоенные ими пространства приднепровских степей, с прилегающими к ним татарскими, точнее ногайскими, определялись в русско-турецких мирных договорах лишь постепенно. Так, только в 1705 году была составлена особая „межевая запись“, ведшая южную границу запорожских „Вольностей“, начиная от левого берега Днепра по течению его притока Конских Вод (или Конки) до истоков последнего, в эдем „волоком“ до течения речки Верды, впадающей в Азовское море. Важнее, чем эти разграничения, было принятое Турками условие о разрушении всех „поднепровских городков“ (т. е. укреплений), с Кыз-Керменом во главе, запиравших выход запорожским „чайкам“ (челнами) из Днепра в Черное море. Лишь в целях охраны торговли в степях разрешалось устройство укрепленной переправы через Днепр на полупути между Очаковом и Кыз-Керменом, на том же месте, где существовала Крарийская переправа еще во времена печенежско-византийских торговых сношений. Выход к Черному морю, к низовьям Днепра и Буга — „Бужинскому полю“, как называл их Петр, оставался, все-таки, закрытым для русской предприимчивости. Однако и в таком несовершенном виде, как это было сделано русско-турецким договором 1700 года, „окно в Европу“ через Юг было все же прорублено, и политика России при Петре, не взирая на увлечение ее Балтийским вопросом, не забывала и берегов Черного моря. Проект новой борьбы с Турцией и освобождения балканских народов путем покровительства Россией уже имевшимся у входа на Балканы полуславянским государствам привел Петра к тесным сношениям с Молдавией и Валахией. Еще в 1698 году начались эти сношения между валахским господарем Бранкованом и Петром. Хотя эти сношения, вследствие ревнивого надзора за ними не только Турции—врага России и сюзерена Валахии, но также и явно союзной с Петром, но втайне опасавшейся его балканской политики—Австрии не могли отличаться особой решительностью, все же они создавали у Петра надежду на возможное содействие румынских господарств в случае новой войны с Турцией. Этой войны Петр, занятый одновременно двумя задачами—борьбой за господство на Балтийском море со Швецией и переустройством своего государства в целях большей успешности этой борьбы, всячески избегал и только принял ее, когда она была вызвана соединением целого ряда враждебных России интересов. С одной стороны, Турция, лишившаяся Азова и опасавшаяся его роста, как центра русской торговли на Юге, а также и Крым, ограниченный теперь в своем издавна важнейшем источнике богатства—увозе в плен десятков тысяч жителей русского пограничья, не могла

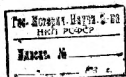
примириться с новыми условиями, создававшимися на причерноморских берегах. С другой стороны, еще важнее были те усиленные старания открыть Туркам глаза на грозящую им со стороны России, как покровительницы балканских народов, опасность, которые прилагались Францией в целях облегчения положения разбитой под Полтавой дружественной Французам Швеции. Наконец, конфликт представителя централистических великорусских тенденций—Петра с главой украинской „независимой“ партии—гетманом Мазепой, тоже отражался на русско-турецких отношениях. В результате—Прутский поход 1711 года с его печальным для Петра финалом, где рухнули надежды не только на далеких Черного моря, но и на более близких, принявших даже сторону России, Румын. Если примыкший лавировать между Турцией и Австрией, хитрый валахский господарь Бранкован, собравши войско, предпочел выжидать, чем окончится борьба Петра с Турками, то более решительно ставший на сторону Петра молдавский господарь Димитрий Кантемир (отец будущего первого русского сатирика) не сумел ни собрать войска, ни припасти провизанта для вошедшей в Молдавию армии Петра. Ценою щедро розданного турецким пашам золота и крупных уступок пришлось Петру исправлять ошибку—сразу перенести борьбу за берега Черного моря с Дона на Дунай. Среди этих уступок наиболее тяжелой была для Петра та, которая требовала разорения Азова и Таганрога—ухода от берегов достигнутого с такими трудами южного моря, сулившего богатые экономические перспективы. Но не менее важным был отказ Петра от власти над оставшимися верными Мазепе Запорожцами, так как этот отказ был связан с переходом во власть крымского хана, „под протекцию“ которого, отделились Запорожцы, их обширных „Вольностей“, приднепровских, начавших заселяться, равнин. Таким образом, движение России к берегам Черного моря окончилось при Петре неудачей, и лишь спустя четверть века после Прутского поражения оно могло возобновиться. Восточная политика А. И. Остермана, канцлера Анны Иоанновны, являлась продолжением и развитием идей Петра по тому же вопросу. Уже ее подготовительная ступень—возвращение Запорожского Войска с его „Вольностями“ „под высокую руку“ России—была крупным шагом вперед по пути к берегам Черного моря. Начавшаяся вслед затем пятилетняя война России с Турцией, не взирая на частичные неудачи и ошибки, привела русские войска не только к стенам Очакова и Азова, но и в сады Бахче-Сарая и на берега Дуная. Результаты огромных жертв и трудов русского солдата оказались, однако, в значительной мере парализованными слабой и неудачной военной деятельностью подозрительной союзницы России—Австрии, а также искусной дипломатической поддержкой Турции со стороны враждебной России Франции. Хотя России снова не удалось добиться выхода к берегам Черного моря, но все-таки последствия этой войны были значительны как для будущей истории России, так и для судьбы Причерноморья. Огромные пространства запорожских „Вольностей“ были закреплены международными договорами за Россией, не замедлившей начать эксплуатацию их. Крымское ханство начавшее слабеть еще с начала XVIII века вследствие династических смут, не смогло оправиться от полученных во время Анкинской войны ударов и потеряло возможность препятствовать дальнейшему русскому

натиску на Юг. Наконец, связи России с придунайскими и балканскими краями уже не прерывались с этих пор, подготавливая почву для дальнейшей русской агрессивной политики на Ближнем Востоке. Таким образом, к середине XVIII столетия все северное Причерноморье окончательно включалось в круг влияния русской народности, а лица ее двух главных ветвей — великорусской и украинской, которые могли начать проявлять активно свою культурную деятельность на изобилующих природными богатствами припонтийских равнинах. Начало этой деятельности проявляется, прежде всего, в той планомерной колонизации Причерноморья как русскими, так и иностранными элементами, которая идет непрерывно с половины XVIII века. Возникновение этой, по преимуществу государственной, колонизации является крупной вехой в истории изучаемого нами края, заканчивающей один период ее и открывающей другой. Вот почему на этом историческом моменте мы и заканчиваем эту первую часть нашего труда ¹⁾.

ЗАМЕЧЕННЫЕ ОПЕЧАТКИ И ПРОПУСКИ.

Страница	Строка сверху	Напечатано	Должно быть
9	19	Эвксинского	Эвксинского
11	6	Приамурский	Приамурский
12	49	Грушевский	Грушевского
—	50	Также Латышев	Также Латышев
13	49	Бра-	Брун
17	22	Рейдго-	Рейдго-
18	33	лесным	лесовым
20	8	Готы,	Готия,
23	29	с целью	с целью
24	46	перемещений	перемещений
25	33	языке	языка
27	47	Bulgarie	Bulgare
29	49	VII	VI
35	49	—	Григорьев. Россия и Азия (1876), 45-78.
37	48	Sauons	Sauons,
—	49	Грот	Грот
51	48	—	О Хальгу
—	51	—	215-224,
58	31	Тюрков	Тюрков
61	25	XII	XI
—	48	Печенеги	Печенеги
63	7	реке	реке
69	43	des	des
72	35	епископии	епископии
—	38	—	§ 24
78	24	впадение	впадение
92	3	Она	Он

393
/11

